

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 3 (5)

Academic Journal

Series

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (5)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2016

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолгыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.А. Пичугина, отв. секретарь, канд. филол. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)
О.А. Пичугина, канд. филол. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

И.Б. Антонова

Торжество неопределенности, смещение акцентов,
или Кто он, студент эпохи постмодерна? 9

Н.А. Медушевский, О.В. Перфильева

Интерпретация третьей роли университетов
на современном этапе 19

А.А. Калмыков, В.О. Шляго

Эксплозия коммуникации современного медийного продукта 32

А.Л. Зверев, А.И. Рогозарь

Динамика социокультурного измерения имиджа ЕС в политических
представлениях российского экспертного сообщества 42

Н.А. Филин

Предвыборная риторика двух кандидатов
на пост президента Ирана в 2009 г. 53

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Е.С. Мелкумян

Гуманитарные аспекты внешней политики малых государств:
пример Кувейта 60

В.Д. Найман

Характер интеграционных процессов в ЕС и АСЕАН:
сопоставительный анализ 71

Е.С. Халина

Влияние «сланцевой революции» на энергетическую политику
Европейского союза и России в начале XXI века 83

<i>А.А. Сергеева</i> «Пять мостов», осуществляющих работу в КНР по взаимодействию с зарубежными соотечественниками	94
--	----

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

<i>М.И. Ананьин</i> Состояние дел в области культуры в Королевстве Саудовская Аравия	102
<i>Ю.Г. Акимов</i> Канада, Квебек и вопрос о проведении саммита Франкофонии (1970-е – середина 1980-х годов)	108
<i>Д.О. Вакарчук</i> Эволюция развития атомной энергетики стран Центрально-Восточной Европы в контексте формирования единой энергетической политики Евросоюза (2000–2011)	122
<i>Б.А. Ободец</i> Консолидация российского общества в первый президентский срок В.В. Путина	135
<i>В.В. Егоров</i> Политика правительства императрицы Анны Иоанновны в отношении евреев во второй четверти XVIII в.	142
Abstracts	150
Сведения об авторах	156

CONTENTS

Sociopolitical Processes and Social Communications: Theory and Methodology

I. Antonova

Triumph of uncertainty, shift of emphasis, or Who is he,
a postmodern student? 9

N. Medushevskiy, O. Perfilieva

A contemporary interpretation of the universities' third role at present 19

A. Kalmykov, V. Shlyago

Communication explosion of modern media product 32

A. Zverev, A. Rogozar

The dynamics of socio-cultural dimension of the EU's image
in political representation of the Russian expert community 42

N. Filin

The electoral rhetoric of the two candidates in the 2009
Iranian presidential campaign 53

International Relations: Political and Sociocultural Aspects

E. Melkumyan

Humanitarian aspects in the foreign policy of the small states.
Kuwait case 60

V. Naiman

Characteristics of the integration process in the EU and ASEAN –
a comparative analysis 71

E. Halina

“Shale revolution” impact on the European Union's
and Russia's energy policy in the early 21 century 83

<i>A. Sergeeva</i>	
“The five bridges” organization working in the PRC for the cooperation with compatriots abroad	94

Regions of the World: Dynamics and Models of Cooperation

<i>M. Ananyin</i>	
Saudi Arabia’s cultural development	102

<i>Yu. Akimov</i>	
Canada, Quebec, and The Francophone Summit issue (1970s – mid-1980s)	108

<i>D. Vakarchuk</i>	
The evolution of the nuclear energy policy of CEE countries in the context of starting up the unified EU energy policy (2000–2011)	122

<i>B. Obodets</i>	
The consolidation of Russian society during the first presidential term of Vladimir Putin	135

<i>V. Egorov</i>	
Empress Anna Ivanovna’s policy relating to the Jews in the second quarter of the 18th century	142

Abstracts	150
-----------------	-----

General data about the authors	158
--------------------------------------	-----

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

И.Б. Антонова

Торжество неопределенности, смещение акцентов, или Кто он, студент эпохи постмодерна?

Мы живем в постмодернистском мире,
где все можно и ни в чем нет
определенности.

*Вацлав Гавел,
бывший президент Чехии*

Большинство западных и часть российских коллег единогласно диагностируют смерть классического университета как научно-образовательного, социального и культурного института.

Торжество неопределенности, характеризующее постмодерн в целом и университет эпохи постмодерна в частности, остерегает автора статьи настаивать на окончательном перерождении университета классического в университет эпохи постмодерна: речь в данном случае может идти не столько о кардинальной смене университетской парадигмы, сколько о смещении ключевых акцентов на стадии ее нынешнего состояния.

Ключевые слова: эпоха постмодерна, неопределенность, классический (постнеклассический) университет, коммуникация «преподаватель – студент», смысл, знание.

Выбранный эпиграф – своего рода провокация, предлагаемая автором для того, чтобы в очередной раз убедиться самой и убедить других: эпоха постмодерна как эпоха «неопределенности» таким же «неопределенным» образом сказала и на сущностной природе современного университета, инициируя вопросы, предпо-

лагающие онтологическую диагностику последнего: переживает ли современный университет период острого и при этом затяжного кризиса? Или затяжной кризис приведет к смерти классического – и появлению на его месте постнеклассического – университета? А, может быть, университет в его традиционном определении уже умер, а вместо него зародилось и успешно развивается коммерческое сервисное предприятие по оказанию образовательных услуг?

Примечательно, что большинство западных и часть российских коллег единогласно диагностируют смерть классического университета как научно-образовательного, социального и культурного института. Авторы статей, книг и интервью единодушны: «Университет в руинах»¹ (книга специалиста в области высшего образования Б. Ридингса), «Смерть университета»² (интервью с писателем и педагогом М. Стронгом), «Медленная смерть университета»³ (статья педагога Т. Иглтона). Идеи, высказанные их авторами, сводятся к следующему: состоянию неопределенности подвергнуто и подвергается все в образовательном процессе: от характера учебной коммуникации «преподаватель – студент» до изменения типа университетской и/или студенческой идентификации.

Свойственная эпохе постмодерна неопределенность требует от университета глубинной перестройки, которая предварялась бы осмыслением его места и миссии в сверхсложном и одновременно хрупком и непредсказуемом мире. В своей инаугурационной лекции «Осмысление университета» профессор Института образования Лондонского университета Рональд Барнетт выделяет в качестве наиболее важного свойства современного университета его способность реагировать на неопределенность, предлагая себя в качестве коммуникативной площадки для коллективного самоанализа на разных уровнях образовательной практики: «Если университет в течение долгого времени с готовностью разрабатывал риторику коллективной критической рефлексии целого общества, то теперь эта риторика должна обратиться на сам университет»⁴. Отказываясь от строгих внутренних разграничений (которыми всегда «славился» классический университет) или по крайней мере делая их максимально подвижными для диалога с внешними структурами (промышленными и бизнес-объединениями, например) и проявляя к ним максимальную коммуникативную терпимость, университет таким образом способен будет выделить сразу несколько форм академической идентичности, которые, по мнению Барнетта, должны создаваться как в горизонтальной (через границу), так и в вертикальной (в рамках локальных университетских подразделений) плоскостях⁵.

Торжество неопределенности, характеризующее постмодерн в целом и университет эпохи постмодерна в частности, остерегает автора статьи настаивать на окончательном перерождении университета классического в университет эпохи постмодерна. Причина такой осторожности кроется в обстоятельствах чисто российского свойства, а именно: средняя школа (к сожалению или к счастью) в немалой степени тормозит процесс развития в ней постмодернистских тенденций; в высшей школе происходит крайне медленная и неохотная перестройка в отношениях «преподаватель – студент», а портрет студента поколения *next* далеко не так отчетливо прописан российскими исследователями, как это сделано их западными коллегами, и т. д. Перечисленные обстоятельства позволяют говорить не столько о кардинальной смене университетской парадигмы, сколько о смещении ключевых акцентов на стадии ее нынешнего состояния. Рассмотрим некоторые из них:

1. *Смещение акцентов: от моно- к многоликости.*

Сегодняшний университет многолик. Данный тезис правомерен скорее для западного университета, который характеризуется:

- возможностью создания университета, основанного на национальной мультимедийной учебной сети;
- существованием университетов в виде множества разрозненных филиалов, в которых отсутствует центр как таковой;
- созданием в недалеком будущем виртуального университета, где вся учебная коммуникация будет осуществляться через Интернет.

Многоликость форм существования современного университета предполагает как неоднозначность самого понятия университета, так и невозможность привязать его к какой-либо простой формуле или дефиниции⁶.

2. *Смещение акцентов: от однозначного ответа к неоднозначному вопросу.*

Неопределенность в структуре и характере современного университета проявляется в открытых вопросах типа: что такое курс? Учебная программа, модуль или предмет? Насколько оправдан, с точки зрения упорядоченности образовательного процесса, открытый, почти на равных, диалог преподавателя со студентом, не предполагающий навязывания раз и навсегда отобранных смыслов? Должен ли современный преподаватель придерживаться веры в ценность личного общения со студентом или можно доверить учебную коммуникацию в научных и академических целях Интернету? И, наконец, в какой степени университет может и должен представлять собой коммерческое предприятие, сотрудники

которого продают образовательные услуги аналогично тому, как продает свою продукцию торговая фирма?

3. *Смещение акцентов: от ограничения к свободе.*

Постмодернизм, широко трактуемый как антидогматический способ мышления, внес ряд корректировок и в определение понятий, связанных с образовательным процессом. Так, современное научное знание сегодня воспринимается как дискурс, а учебная коммуникация – как дискурс *герменевтический* (термин Р. Рорти. – И. А.), предполагающий обращение не столько к устоявшимся понятиям, концепциям и методам, сколько к рефлексии по поводу собственного опыта, переживания, представления. В связи с этим современная учебная коммуникация, в отличие от образовательного процесса времен классического университета, требует расширения образовательного пространства и насыщения его разнообразием точек зрения, опосредованного открытым, свободным диалогом «преподаватель – студент». Чем более насыщается такой диалог интерпретациями ценностных смыслов (о них мы поговорим позднее), тем более многообразными и сложными становятся связи между преподавателем и студентом.

4. *Смещение акцентов: от традиционной учебно-ролевой заданности к открытому горизонту коммуникативных возможностей.*

Педагогика постмодернизма, определяемая как крайне критическая, ставит под сомнение необходимость иерархии и субординации в учебном процессе, с большой опаской воспринимая власть учителя над учеником и/или авторитарную позицию преподавателя по отношению к студенту. Данное обстоятельство не может не сказываться на характере образовательного процесса: вместо заданного, пред-уготовленного урока/лекции/семинара преподаватель сталкивается с необходимостью вступать со студентами в открытый диалог. При этом выбор им речевого поведения, его быстрое, адекватное реагирование на вопрос, сомнение, а иногда и несогласие со стороны студента придают общению характер нестабильный, непредсказуемый, обостряющий неустойчивость, напряжение и неопределенность учебной коммуникации. Такое общение открывает перед его участниками широкие горизонты коммуникативных возможностей: от открытой демонстрации не(до)понимания со стороны студента до преднамеренной интеллектуальной провокации со стороны преподавателя. При этом консенсус, которым якобы должен закончиться урок/лекция/семинар, может и не случиться, что отнюдь не умаляет ценности общения, ибо отчуждение и даже разделение субъектов образовательного процесса есть рабочий

момент, преодолением которого и характеризуется учебная коммуникация эпохи постмодерна.

5. *Смещение акцентов: от репродукции к коммуникации.*

В этих условиях преподаватель эпохи постмодерна обязан обладать более острым «зрением» и не менее острым «слухом», направленным на студента, который под влиянием образовательных трансформаций перестает репродуцировать информацию, почерпнутую из учебника/статьи/монографии и начинает если не продуцировать свои смыслы, то хотя бы коммуницировать/сообщаться по поводу тех, которые лоббируются преподавателем. В свою очередь более активная позиция студента не позволяет преподавателю брать на себя (традиционную во времена классического университета) функцию вещателя и провозвестника истины. Вместо этого преподаватель моделирует учебную коммуникацию, у-влекая и во-влекая в нее студента. Такое вовлечение тем успешнее, чем чаще имеет место рефлексия преподавателя/студента на тему: «Как я сам/сама понимаю это?» и «Что во мне изменилось после коммуникации с преподавателем/студентом?» По мнению профессора А.А. Калмыкова, ответ на этот вопрос «служит ключом к раскодировке переданного информационного сообщения (или учебного материала. – И. А.). В противном случае сообщение может быть принято, зафиксировано в памяти, но не осмыслено... <...> Так, учитель стремится вложить хорошо ему знакомый учебный материал в память учеников, не заботясь о том, что происходит с его собственным сознанием. Профессионализм, заключающийся в определенном автоматизме изложения знаний, не дает ему повода для рефлексии происходящего»⁷. Очевидная для преподавателя ясность излагаемого материала оборачивается «бесконфликтной» подачей последнего и ни интеллектуально, ни чувственно не провозирует возможного ценностного отношения к нему студентов.

Издержки описываемых учебных процессов очевидны: нежелание, а иногда и неспособность преподавателя уловить передаваемые студентом смыслы делают любые студенческие реакции на его высказывание непредсказуемыми, а саму позицию студента по отношению к преподавателю позицией внаходимости (термин М.Бахтина. – И. А.).

И наоборот, находимость студента, т. е. достаточно точное предчувствие его реакции и ответное реагирование на нее со стороны преподавателя открывает возможность свободного взаимодействия между ними, в результате которого возможно становление, развитие и интерпретирование не столько когнитивного, сколько ценностного и чувственно-эмоционального смысла.

6. *Смещение акцентов: от смысла зафиксированного к смыслу ускользающему.*

Интерпретация предполагает осмысление, т. е. наделение смыслом самого процесса познания. Его специфика, определяемая самой эпохой постмодерна, – ускользание, улавливаемое лишь в процессе интерпретирования, когда из пассивного реципиента фиксированных, передаваемых преподавателем в виде догм смыслов студент превращается в их интерпретатора и толкователя. При этом в учебной коммуникации, как и в любой другой, со стороны студента возможна упрощенная и/или искаженная репродукция передаваемых преподавателем смыслов. Равно как и со стороны преподавателя возможно навязывание, намеренное упрощение или, наоборот, ненамеренное усложнение отобранных смыслов и в конечном итоге отклонение упрощенных или искаженных смыслов, предлагаемых студентами. Несмотря на это, смысл в учебной коммуникации непременно сущностно ценен, и выявлению подлежит не только и не столько голый когнитивный смысл (смысл как мысль, идея, значение объекта изучения), сколько смысл ценностный (культурный, научный, социальный).

7. *Смещение акцентов: от ценностного знания советского времени к ценностному смыслу эпохи постмодерна.*

Ценностные смыслы (преимущественно гуманитарного характера) советской средней и высшей школы тщательно отбирались в соответствии с политической идеологией страны, затем фиксировались в учебниках, авторы которых с не меньшей тщательностью подбирали для этих смыслов языковые клише, с наименьшей долей вероятности подвергаемые впоследствии интерпретированию. Продвижением ценностных смыслов занимались преподаватели, каждый раз недвусмысленно определяя их как незыблемые.

В советское время прививалось как минимум два ценностных смысла, один из которых – коммунальный – пропагандировал общественный (коллективный) образ жизни, и другой – идеологический, инсталлирующий в сознание обучающихся идею социализма как наиболее совершенную социальную систему, которая когда-либо существовала в истории человечества.

Не получая множественного толкования, ценностные смыслы советского времени стремительно трансформировались в однолинейные догмы, но без той живости и многосложности, которые предполагало Новое время (модерн), уходящее корнями в эпоху Просвещения и неразрывно связанное с такими понятиями, как оптимизм, познаваемость истины, наука и разум. Постмодерн, в отличие от модерна, более склонен к пессимизму, провозглашая,

что «истина» для каждого своя, что личное мнение и предпочтение выше истины и что личный опыт выше науки и разума⁸.

Какие конкретно ценностные смыслы привнесла эпоха постмодерна в университетские аудитории? Если коротко, то это преимущественно те смыслы, которые (1) предполагают свободу их достаточно произвольной интерпретации студентом; (2) базируются на собственном жизненном опыте студента и/или его личном представлении о жизни и (3) не требуют сложного языкового оформления. Перечисленные признаки отнюдь не предполагают, что большинство студентов мучаются примитивностью мышления, клиповостью сознания и «коротким интеллектуальным дыханием». Собранные так или иначе в локусе социальных сетей, на единой коммуникативной площадке современных медиа, молодые люди изначально и сознательно реагируют на контексты, содержательно определяемые этой площадкой, а уже потом – на смыслы посылаемых друг другу сообщений. Площадка медиа диктует и язык взаимодействия – конфигуративно сложный, интерпретативно богатый, ёрнический и ироничный, когда за краткостью высказывания стоит предельная широта толкования. Получается, что узнавание «своего» происходит сначала в локусе той или иной медиаплощадки (ФБ, ВКонтакте, ОК) и только после этого – в рамках используемого там языка.

8. *Смещение акцентов: от принципов постмодерна к студенту поколения next.*

Вопрос «Кто он, студент поколения next?» не предполагает ни простоты, ни однозначности ответа на него. Не существует даже более или менее генерализированного обобщенного атрибутива, с которым бы согласилось большинство исследователей: определение «поколение нового тысячелетия» (Millennial) конкурирует с не менее пафосным «великим поколением» (вслед за военным «величайшим» поколением 1901–1924 гг. рождения, участвовавшим в Первой и выигравшим Вторую мировую войну) и соседствует с ироничным ярлыком «поколение, выбравшее пепси» (за ним стоят молодые представители общества потребления, весьма щепетильно относящиеся к собственным потребностям). Еще одно определение – «зрители будущего» – предполагает пассивную позицию молодых людей быть наблюдателями, не желающими даже пытаться влиять на собственную судьбу и/или мир в целом.

По мнению автора статьи, определение, в значительной степени отражающее сущность современного студента, – это «студент поколения next». Его локус полностью ориентирован на следующую – next – позицию и предполагает, что, родившись в эпоху постмодерна, студент выступает прямым ее порождением и продолжением.

Один из ключевых принципов, провозглашенных постмодерном, – отсутствие раз и навсегда зафиксированных истин. Ему студент как правило следует неосознанно, отторгая ту часть истинно научного знания, которая не укладывается в его представление о мире и вызывает в связи с этим стойкий когнитивный диссонанс: «Сегодняшняя молодежь готова проявлять терпимость к чему угодно, только не к тем, кто возводит в абсолют собственную модель мира. И это создает немалые трудности как для приверженцев традиционной религии, так и для работников образования, проповедующих ценности науки и разума»⁹.

Студенту поколения *next* сложно смириться с мыслью, что в любой науке (включая гуманитарную) есть нечто, рассчитанное для обязательного усвоения, без чего трудно (если вообще возможно) дальнейшее продвижение по пути познания. Образцом такого обязательного знания для будущих лингвистов, например, до сих пор считается дихотомия «язык – речь» Ф. де Соссюра, без которой дальнейшее освоение лингвистической науки становится крайне проблематичным. Объективно аналогичная ситуация существует в познании любой науки, на усвоении определенного знаниевого корпуса которой настаивает и она сама, и исследователи, этой наукой занимающиеся. Разница лишь в том, что сегодняшний студент, в отличие от студента предшествующих поколений, подчас молчаливо, а подчас и вербально отторгает декларируемое преподавателем как обязательное к усвоению знание. Одна из главных причин такого отторжения – неосознанное (или, наоборот, осознанное, с привлечением критического мышления) сомнение в необходимости понимания, осмысления, а главное – применения этого знания в будущем.

Именно с будущим связан следующий принцип постмодерна. Существует мнение, что, работая на собственное будущее, современный студент более прагматичен, чем его предшественники, считавшие, что знание, получаемое в университете, ценно само по себе, безотносительно его «жесткой» привязки к будущему. Прагматика получаемого современным студентом знания зачастую превалирует даже над интересом, в процессе которого он его приобретает. Это не может не отразиться на качестве образовательного процесса, трансформируя студентов в потребителей образовательных услуг, а преподавателей – в их производителей.

Следующий принцип – щепетильное отношение молодых людей к личным потребностям. По мнению М. Тейлора, «данное обстоятельство негативно сказывается на образовательном процессе, ибо получение диплома требует длительных интеллекту-

альных усилий»¹⁰. Кроме того, желание быстрого удовлетворения образовательной потребности (например, сутяжничество с преподавателем по поводу оценки или, наоборот, равнодушное принятие любой) освобождает «поколение хехт от нравственных норм, нарушение которых должно было бы вызывать чувство вины... и способствовать раскрепощению, но оно делает человека беспомощным в вопросах этики и не способным оценить последствия своего поведения для себя и окружающих»¹¹.

Еще один принцип постмодерна в условиях высшей школы – потеря персональной идентичности студента. Многими современными просветителями данный принцип переведен в ранг проблемы, ибо «высшее образование, основанное исключительно на принципах, помещающих личность в витрину магазина, слишком проблематизировано из-за того, что в теориях постмодернизма само «Я» поставлено под сомнение»¹².

В отличие от университета эпохи постмодерна, классический университет способствовал появлению особого типа студента, характеризуемого как «самотождественная личность», сохраняющая свою устойчивость в любых, даже экстремальных, условиях. Повзрослев в условиях советского времени, такие студенты – будущие советские граждане – соответствовали характеристике «гвозди бы делать из этих людей», которая предполагала их владение всем возможным спектром шаблонов поведения в любых, даже самых экстремальных ситуациях.

В ситуации неопределенности современный студент проходит через «опыт самопорождения», развивая в себе умения создавать «ситуативную идентичность», т. е. некую временную определенность (устойчивость) в условиях неопределенности. Этому в немалой степени способствует современный университет, обучая не столько наукам, сколько ролевым ипостасям («я как социолог», «я как менеджер», «я как член корпорации» и т. д.). На фоне этого возникает опасность утери студентом ролевой ипостаси «я студент» и преждевременного вхождения в образ или «я потребитель образовательных услуг» и шире «я потребитель технологий». При этом идентификация себя происходит с помощью несложного механизма имитации поведения (и речевого в том числе) других. Чтобы обучить студентов истинным практикам «самопорождения», а главное – практикам осмысленной и одновременно критической рефлексии, необходимо максимальное привлечение тех университетских кафедр, которые занимаются коммуникативными науками и могут в этих условиях стать площадкой для выработки различных моделей «нежесткой», подвижной идентификации студента.

-
- ¹ *Ридингс Б.* Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010.
 - ² *Стронг М.* Смерть университета: о свободе от учебных программ и субкультурных знаний. [Электронный ресурс] URL: theoryandpractice.ru (дата обращения: 16.06.2014).
 - ³ *Иглтон Т.* Медленная смерть университета. [Электронный ресурс] URL: vk.com: https://m.vk.com/wall-27917858_29363 (дата обращения: 27.10.2015).
 - ⁴ *Барнетт Р.* Осмысление университета: По материалам инаугурационной профессорской лекции, прочитанной в Институте образования Лондонского университета 25.10.1997 / Пер. Р. Гайлевича. [Электронный ресурс] URL: <http://www.charko.narod.ru/text/alm1/barnet>
 - ⁵ Там же.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ *Калмыков А.А.* Социальные практики как совместность слова. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 34–35.
 - ⁸ *Тейлор М.* Поколение Next: Студент эпохи постмодерна / Пер. с англ. Н. Дунаева. [Электронный ресурс] URL: <http://jarki.ru/wpress/2009/01/26/413/> (дата обращения: 26.01.2009).
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² *Барнетт Р.* Указ. соч.

Н.А. Медушевский
О.В. Перфильева

Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе

В современном мире образование является важнейшим инструментом формирования человеческого капитала. При этом само формирование человеческого капитала через реализацию образовательной политики предполагает применение большого количества новых, часто инновационных технологий. Данные технологии выходят далеко за пределы двухкомпонентной системы, включающей образовательную и научную деятельность, что позволяет исследователям выделить третью роль, или третью миссию, присутствующую в основном в системе высшего образования. Третья роль в деятельности университета является сложной категорией, требующей комплексного анализа и учета многих национальных и региональных факторов при ее измерении. Пример Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова это демонстрирует самым наглядным образом.

Ключевые слова: вуз, третья роль, образование в течение всей жизни, социальная функция, трансфер знаний и технологий.

В контексте трансформации международной системы высшего образования и ее постепенной адаптации к изменяющимся потребностям общества все чаще встает вопрос о необходимости расширения сферы деятельности вузов и их выходе за границы двухмерной классической модели, включающей образовательную деятельность и научные исследования. Можно констатировать, что процесс развития вузов как самостоятельной институциональной формы длится с момента их возникновения в эпоху Средневековья и ориентирован на соответствие запросу общества о выполнении определенных социально-значимых функций.

Объем функций, выполняемых вузами, постоянно расширяется и приводит к структурированию их деятельности. Изначальной ключевой функцией вузов являлось высшее образование, которое выражалось в передаче знаний от преподавателя к студенту и в подтверждении получения знания на различных экзаменах или квалификационных испытаниях. По мере развития и расширения системы образования, увеличения количества дисциплин, преподавателей, углубления научного знания возникает возможность консолидировать в рамках вузовской деятельности вторую, исследовательскую составляющую.

Безусловно, исследовательский компонент присутствовал в деятельности вузов изначально, с момента их создания, однако его носителями в большей степени выступали отдельные ученые. Лишь в контексте интенсификации прогресса научного знания стала возможна консолидация исследовательской составляющей. Данный процесс более интенсивно развивался в технической сфере, что было обусловлено сложностью данных исследований и необходимостью вовлечения в опыты и разработки большого числа ученых.

Исследования в гуманитарной сфере, по нашей оценке, достигли этапа консолидации лишь к середине XX века, когда возникли феномен экспертного сообщества и институциональная форма «фабрики мысли» (think tank)¹. Причиной, повлекшей консолидацию гуманитарного знания, стало развитие многочисленных социологических и политологических методов, призванных объяснить новые тенденции в развитии международных отношений, трансформации культуры и менталитета, политической системы и т. д.

Исследовательская составляющая деятельности вузов значительно повысила их роль в системе социально-политических отношений. Государство и частные компании начали активно инвестировать в развитие системы высшего образования, что позволило вузам укрепить структуру образовательно-исследовательского кластера, постепенно вовлечь в него элементы системы школьного и профессионального образования, инициировать процессы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для сферы государственного управления и бизнеса².

Расширение сферы деятельности вузов и интенсивное сотрудничество с государственными институтами, бизнес-структурами и обществом постепенно привело к усложнению системы взаимодействия вузов с внешними контрагентами и актуализировало потребность оптимизации данной системы отношений в рамках нового комплексного направления деятельности, получившего в

западной социологии наименование «third mission», которое может быть переведено на русский язык как «третья роль».

Несмотря на вариативность содержательного наполнения и наличие локальной специфики, содержание третьей роли может быть структурировано исходя из принципов функционального подхода. Третья роль вуза включает такие базовые компоненты, как передача технологий (technology transfer), социальные обязательства (social engagement) и обучение в течение всей жизни (lifelong learning). Системное соотношение компонентов и их включенность в общий контекст деятельности вуза можно проиллюстрировать следующей схемой.

Интерпретация третьей роли университетов
на современном этапе

Несмотря на наличие соответствующего запроса со стороны общества, бизнеса и государства, модель трансформации деятельности вузов пока не выстроена, и содержание «третьей роли» постоянно уточняется. Кроме того, исходя из вариативности национальных практик развития университетского образования, можно предположить, что выделение единой статичной модели «третьей роли» в деятельности университетов в принципе невозможно, и она всегда будет характеризоваться выраженной «локальной» спецификой.

Это обусловлено тем, что на процесс определения «третьей роли» вузов влияет национальная и региональная специфика организации системы высшего образования. Также данный процесс зависит от качественного уровня развития данной системы и ее инфраструктурной составляющей.

Исследование международной практики показывает, что уровень развития третьей роли университетов выступает одним из показателей развития сферы высшего образования и его места в обществе. При этом категория «третьей роли университета» – это не изобретение последних лет, как представляют многие авторы, а исторический феномен, формирующийся начиная с XIX в. и связанный с трансформацией подходов к реализации образовательной и исследовательской политики вуза в условиях меняющейся социальной реальности. Таким образом, можно констатировать, что третья роль университета – это особенный фокус деятельности университетов, связанный с ориентацией вуза на потребности общества в целом и отдельных граждан в частности, а также активная социальная позиция университета в отношении своей территории, обусловленная многосторонним взаимодействием с различными заинтересованными участниками.

Традиционно под третьей ролью университетов понимается набор функциональных характеристик, в числе которых:

- вовлеченность в жизнь местных сообществ (community engagement);
- социальная ответственность (social responsibility);
- социальная вовлеченность (social engagement);
- социальное участие (social participation).

Помимо социальной составляющей, приоритетом третьей роли выступает вклад вуза в развитие территории его локализации. Измерение и оценка вклада университетов в развитие территорий также поликомпонентны и включают следующие составные части:

- содействие повышению качества, результативности и эффективности систем образования и профессиональной подготовки;

- мотивация и содействие повышению качества вклада институтов высшего образования в общественное развитие;
- стимулирование конкуренции и повышение уровня осведомленности о деятельности университетов, направленные на предоставление услуг обществу и промышленному сектору.

Деятельность университета по направлению «третьей роли», обеспечивает решение двух приоритетных задач. Во-первых, происходит усиление функции взаимодействия в структуре третьей роли университета, что способствует интеграции вуза в контекст регионального, национального и даже международного развития. Во-вторых, происходит усиление коммуникативной функции в структуре третьей роли университетов, что способствует расширению информационного участия вуза в коммуникативном пространстве.

Усиление функции взаимодействия в структуре третьей роли университета может быть диверсифицировано на четыре ключевых компонента:

- при реализации программ развития университеты взаимодействуют с широким спектром коллективных акторов, участвующих в развитии региональных систем, что позволяет оказывать опосредованное влияние и одновременно оставаться в тренде регионального развития;
- количество и качество связей университета, складывающихся впоследствии в платформы взаимодействия, оказывают влияние как на сам университет, так и на его окружение;
- университет интегрирован в процессы регионального развития, рост его влияния носит поступательный характер и выражается в усложнении системы взаимодействий университета;
- усиление взаимодействия университета по тому или иному приоритету работы усиливает его влияние на региональное развитие.

Усиление коммуникативной функции в структуре третьей роли университетов содержит в себе два ключевых компонента:

- университеты постепенно переходят в статус главных ньюсмейкеров научно-образовательного медиапространства;
- медиакоммуникация становится важным инструментом влияния университетов на регионы расположения в рамках новых концепций, таких как, например, концепция смыслового выбора новостей.

Несмотря на достаточно четкую схему реализации третьей роли университета, практика ее реализации гораздо более вариативна.

На сегодняшний день можно выделить две доминантные модели определения и реализации третьей роли вузов: европейскую и американскую. Модели предполагают одинаковые компоненты третьей роли, но различаются по приоритетности компонентов.

Для европейской модели характерен приоритет социальной составляющей, в то время как американская модель характеризуется в большей степени акцентом на передачу технологий.

Приоритет в исследовании «третьей роли» вузов принадлежит европейским университетам³. Начиная с конца 1990-х годов многими европейскими вузами были инициированы проекты по исследованию «третьей роли» вузов, направленные на качественное развитие всех ее составляющих и создание системы их оптимального соотношения, положительно влияющей на развитие уже реализуемых вузом образовательного и исследовательского направлений. Европейская модель представлена в первую очередь проектом *European indicators and ranking methodology for university third mission (ЕЗМ)*⁴. ЕЗМ объединяет несколько ведущих европейских сетей высшего образования и направлен на повышение качества услуг, предоставляемых вузами обществу и предприятиям промышленного сектора. В рамках проекта сотрудничают такие учебные заведения, как *Universitat Politècnica de València*, *Universidade do Porto*, *Univerza v Mariboru*, *Universidad de León*, *Dublin Institute of Technology*, *L'Istituto Superiore Mario Boella*, *University of Helsinki*, *Donau-Universität Krems*. В целом к сотрудничеству привлечены вузы 26 европейских стран.

Американская модель реализации «третьей роли» вузов имеет ряд существенных отличий, связанных с пониманием данного явления⁵. Влияние на интерпретацию понятия оказывает региональная специфика и определенная культурная традиция образования, отличающаяся по набору своих параметров от европейской. В том числе, одними из ключевых факторов влияния, определяющих специфику «третьей роли» американских вузов, являются многообразие системы высшего профессионального образования и ее децентрализация. Американские вузы адаптированы под более гибкую систему реализации образовательных стандартов, а также вариативную систему финансирования⁶.

Высшие учебные учреждения США разделены на государственные университетские учреждения, контролирующиеся штатами, и частные учреждения, иногда зависимые от церквей или различных ассоциаций. При этом показательно, что в американской системе колледж – это учреждение высшего образования, предлагающее четырехгодичные программы в специальных областях. Большая

часть колледжей независима и удостоверяет обучение выдачей степени бакалавра.

Вариативность реализуемых в США образовательных моделей, а также высокая адаптивность национальной системы высшего образования в значительной степени обусловили приоритетность для американских вузов деятельности, направленной на поддержку инновационного развития, тесное сотрудничество с крупными корпорациями, выступающими потенциальными работодателями для студентов большинства национальных колледжей и университетов. Социальный компонент «третьей роли» вузов в данном контексте становится вторичным и направлен прежде всего на сохранение структуры университетских кампусов и обеспечение учащихся социальной инфраструктурой, т. е. речь идет о локальном развитии территории, на которой расположен вуз или колледж.

По отношению к лицам, уже окончившим обучение, социальная составляющая «третьей роли» применима достаточно слабо и связана в большинстве случаев лишь с возможностью продолжения обучения при наличии необходимой подтвержденной компетенции, хотя в последние годы принцип обучения в течение всей жизни становится все более явным приоритетом⁷.

Российская модель «третьей роли вузов» пока не сложилась. Понимание данной проблемы сводится преимущественно к разрозненным работам отдельных исследователей по социальным проблемам и инновационной кластеризации. При этом все большую популярность в академической среде приобретают лекции и дискуссии, связанные с переосмыслением статуса вуза в его историческом и функциональном смысле. Здесь, например, показательна лекция А.А. Аузана «Миссия университета: взгляд экономиста»⁸, в которой известный ученый обращается к вопросам успешности вуза и образовательной модели, адекватности институциональной и организационной составляющих, преемственности образовательной и научных традиций и т. д. При этом показательно, что идеи, которые высказываются данным автором, фактически провисают, не имея практического применения. Данное обстоятельство он связывает в том числе с практической ориентацией государственных институтов, которые реализуют классический бонапартистский принцип: «Университеты нужны для того, чтобы производить специалистов по узким профессиям. На это государство готово тратить деньги, но государство должно контролировать эти университеты. А наука – это совершенно другой вопрос; она должна быть отделена от университетов, потому что – что там оплачивать в науке – это слишком тонко, слишком непонятно»⁹.

В качестве рациональной альтернативы подобному функционализму А. Аузан видит концепцию Вильгельма фон Гумбольдта, создавшего «неоклассическую модель университета, где главным является образование, соединенное с наукой, где университет трактуется как содружество студентов и преподавателей и при этом обладает автономностью, то есть определенной свободой преподавания и свободой образования»¹⁰.

В России на данный момент модель Гумбольдта практически не развита, что обусловлено высокой степенью зависимости образовательных учреждений от исполнительной власти и бюрократизированностью процессов управления в образовательной и исследовательской сферах. При этом политические институты движутся по пути реформирования системы высшего образования, поощряя инициативные исследования и разработки в профильных и перспективных в социально-экономическом плане направлениях, делая ставку на ведущие и наиболее крупные университеты. Таким образом, имеет место фрагментарная трансформация системы высшего образования, в рамках которой особую роль играют именно крупные многопрофильные вузы, аффилированные с государственными структурами. Такие вузы, получающие государственную поддержку и являющиеся объектами государственного контроля, все дальше идут по пути развития своего «необразовательного» сегмента. Ключевую роль в данной категории университетов играют федеральные университеты и вузы, наделенные особым статусом в связи с имеющимся потенциалом развития, например МГИМО, РУДН, НИУ ВШЭ, или в силу исторических причин, например МГУ им. М.В. Ломоносова. Эти и многие другие университеты в последние годы неоднократно становились объектами исследований, которые демонстрируют развитие в них инновационных практик, напрямую связанных с «третьей ролью» в ее вариативных проявлениях. Здесь в качестве примера можно привести работы С.А. Финашиной «Перспективы высшего образования в сценариях социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа»¹¹, М.А. Головчина, Т.С. Соловьевой «Создание объединенного университета как механизм решения проблем высшего образования в регионе»¹², А.А. Фирсовой, О.Ю. Челноковой «Модели взаимодействия университета и региона»¹³, А.М. Рогачевой «Теоретические и практические аспекты формирования системы корпоративной социальной ответственности в УГНТУ»¹⁴ и С.М. Косенок, О.Г. Литовченко «Сургутский государственный университет: уверенное движение вперед»¹⁵.

Авторы данной статьи также склонны в качестве позитивного примера реализации третьей роли университета рассматривать опыт развития федеральных университетов и в том числе опыт Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова¹⁶. Вуз является одним из 10 федеральных университетов, созданных на территории РФ. Он был официально учрежден в апреле 2010 г. на базе Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова.

Можно констатировать, что на сегодняшний день данный университет активно реализует систему трех ролей¹⁷, ориентируясь прежде всего на европейский и во многом аналогичный корейский и китайский опыт. Данный тезис подтверждается следующими фактами анализа инновационного развития университета. Во-первых, показательна география университета. В его состав входят шесть научно-исследовательских институтов, 13 институтов, пять факультетов, три филиала – Политехнический институт в г. Мирный, Технический институт в г. Нерюнгри и Чукотский филиал, который был открыт в конце 2010 г. в г. Анадырь, а также два колледжа и один лицей. При этом вуз в качестве лидера и организатора участвует в Ассоциации Северо-Восточного университетского образовательного округа, в состав которой вошли 83 образовательных учреждения Республики Саха (Якутия), Магаданской области, Камчатского края, Чукотского автономного округа, Хабаровского края, в том числе 69 школ, семь учреждений ДОД, шесть учреждений СПО и СВФУ. Таким образом, влияние университета распространяется на весь Дальневосточный федеральный округ. При этом, как следует из приведенной информации, подразделения вуза реализуют концепцию обучения на протяжении всей жизни (*lifelong learning*), на что указывает тесная связка школьного и вузовского образования. Помимо этого, обучение в течение всей жизни реализуется и в форме второго высшего образования, и в разном формате переподготовки кадров, за что отвечает специализированный Институт непрерывного профессионального образования. Профессиональная переподготовка представляет собой альтернативу второму образованию и реализуется применительно к базовому высшему и среднему специальному образованию.

Комплексный сценарий развития науки и инновационной деятельности в контексте перспективного функционирования Северо-Восточного федерального университета предусматривает позиционирование данного университета в качестве центра инновационного развития на территории всего Дальневосточного федерального округа. В связи с этим, и это заложено в программу

развития вуза¹⁸, СВФУ в среднесрочной и долгосрочной перспективе должен интенсифицировать свою научную и инновационную деятельность и обеспечить ее развитие во всех регионах федерального округа, установив взаимодействие с ключевыми контрагентами как непосредственно в научной сфере, так и в вопросах государственного администрирования и коммерческого инвестирования.

По итогам данного комплексного развития, ожидаемым примерно к 2018–2020 гг., вуз должен стать центром притяжения межрегионального и мирового исследовательского сообщества по всем ключевым для федерального округа вопросам инновационного развития.

Реализовать многоплановую стратегию научного и инновационного развития на уровне федерального округа СВФУ может лишь сформировав объемную систему приоритетов собственного развития, охватывающую своей тематикой все ключевые проекты федерального округа. Комплексность является ключевым атрибутом развития СВФУ в сфере науки и инноваций, так как вследствие проведения интенсивной политики развития Дальнего Востока, реализуемой на государственном уровне, все ключевые инфраструктурные проекты в регионе оказываются взаимосвязаны и не могут эффективно реализовываться на сепаратном уровне даже при условии существования в них территориального разграничения. В качестве сложнейших проектов такого макроуровня можно назвать развитие инфраструктуры энергетики, строительство железных и автомобильных дорог трансрегионального масштаба, создание и эксплуатацию космодрома Восточный и др.

Несмотря на приоритет макропроектов, участие в которых должно вывести СВФУ на новый качественный уровень развития, в среднесрочной перспективе особую важность для сбалансированного развития университета представляют проекты локального масштаба.

Первой и основополагающей проблемой развития науки и инноваций в СВФУ безотносительно территориального ракурса является развитие существующих в университете научных школ. СВФУ вследствие своего удаленного местоположения и высокой степени изоляции коммуникационного пространства региона его местонахождения вынужден на современном этапе своего развития уделять исключительное внимание вопросу привлечения и воспроизводства научных кадров.

На данный момент применительно к региональному развитию научно-исследовательский потенциал вуза уже сформирован.

Наибольший акцент в научной деятельности вуза делается на обеспечение технологических решений в сфере добывающей промышленности, в том числе алмазодобычи и добычи углеводородов, причем в этих направлениях вуз уже перешагнул границы региона и ориентируется на перспективы освоения всего Северо-Востока России. Этому тренду способствуют достижения университета в трех других отраслях – строительстве, обрабатывающей промышленности и энергетике.

При этом на данный момент потенциал СВФУ как ключевого инновационного центра ДВФО ограничен его ориентацией на «северные» проекты, т. е. проекты, характеризующиеся выраженной климатической спецификой и представляющие интерес в основном для северных территорий федерального округа. Развитие потенциала вуза в данной связи оказывается связано с расширением спектра проводимых в СВФУ исследований за счет расширения вариативности и адаптации разработок не только под интересы Севера, но и под потребности Юга ДВФО.

Очевидно, что даже при расширении всего существующего в вузе исследовательского спектра многие исследовательские вопросы окажутся на периферии рассмотрения в связи с ограниченной полезностью. Данная ситуация является неизбежной, однако может быть в значительной степени компенсирована диалогом и сотрудничеством с другими учебными и научными организациями, лидирующее место среди которых занимают ДВФУ, ТГУ, КНАГТУ, АГУ, а также региональные подразделения РАН. Каждый из университетов-контрагентов, как и СВФУ, обладает достаточно сильной позицией по исследовательским вопросам, актуальным прежде всего на региональном уровне и часто вовсе не представленным в других субъектах, входящих в ДВФО.

Несмотря на неизбежность сотрудничества, СВФУ отнюдь не выступает в качестве «ведомого» в вопросах научного развития, так как занимает активную позицию в исследовательских вопросах локального характера, которые по мере их развития обладают все более глубоким научным потенциалом и социальной значимостью.

Важнейшей характеристикой расширяющегося регионального сотрудничества, позволяющего говорить одновременно о реализации третьей роли в рамках деятельности СВФУ и о кластеризации вузов ДВФО в инновационном аспекте их деятельности, становится очевидная научная значимость реализуемых проектов, препятствующая исключительной концентрации внимания университета и его малых инновационных предприятий на решении частных

практических задач. Таким образом, сегодня в СВФУ формируется новый тип высокой научной культуры, основой которой является единство потенциала вузовского образования, академических исследований, регионального и международного научного сотрудничества. Именно эти базовые компоненты выступают в качестве двигателя развития университета и позволяют не только идти вперед, создавая инновации, но и сохранять научный потенциал, существование которого в северных регионах является залогом их стабильного устойчивого и бескризисного развития и успешной конкуренции.

На основе примера СВФУ, представленного выше, можно констатировать и существование разделения на три роли в российской практике высшего образования. Несмотря на сохраняющийся государственный патернализм, данное явление можно рассматривать как позитивное, так как за счет него может быть реализована «цепная реакция», которая, вслед за трансформацией ведущих университетов, сможет перезапустить и всю современную российскую модель высшего образования.

Примечания

- ¹ Медушевский Н.А. Фабрики мысли в ЕС: Сравнительный анализ европейского и американского исследовательских подходов // Вестник РУДН. Политология. 2010. № 1.
- ² Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1 (32).
- ³ Bellandi M. Combining Universities' third mission and place based industrial development. [Электронный ресурс] URL: <http://revel.unice.fr/eriep/index.html?id=3542>
- ⁴ ЕЗМ: European indicators and ranking methodology for university third mission. Официальный сайт проекта. [Электронный ресурс] URL: <http://www.e3mproject.eu/>
- ⁵ Eckel P., King J. An overview of higher education in the United States: Diversity, access, and the role of the marketplace / American Council on Education. Washington, DC, 2004.
- ⁶ Imel S. Adult learning in cohort groups. Practice Application Brief no. 24. 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://www.calpro-online.org/ERIC/docgen.asp?tbl=pab&ID=114>
- ⁷ Obama B. Remarks by the President in State of Union Address. United States Capitol, Washington, DC. 2011. January 25. [Электронный ресурс] URL: http://www.historyguy.com/politics/obama_state_of_union_speech_2011.htm

- ⁸ *Аузан А.А.* Миссия университета: взгляд экономиста. [Электронный ресурс] URL: <http://polit.ru/article/2013/05/07/auzan/>
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Финашина С.А.* Перспективы высшего образования в сценариях социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 14. С. 313–319.
- ¹² *Головчин М.А., Соловьева Т.С.* Создание объединенного университета как механизм решения проблем высшего образования в регионе // Научные труды SWorld. 2012. Т. 29. № 4. С. 51–53.
- ¹³ *Фирсова А.А., Челнокова О.Ю.* Модели взаимодействия университета и региона // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. № 4 (2). С. 619–623.
- ¹⁴ *Рогачева А.М.* Теоретические и практические аспекты формирования системы корпоративной социальной ответственности в УГНТУ // Нефтегазовое дело. 2013. № 11 (1). С. 98–104.
- ¹⁵ *Косенок С.М., Литовченко О.Г.* Сургутский государственный университет: уверенное движение вперед // Северный регион: Наука, образование, культура. 2015. № 1 (31). С. 8–13.
- ¹⁶ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова». Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.s-vfu.ru/>
- ¹⁷ Университет и регион: Выбор институциональной стратегии развития Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова с учетом потребностей Дальнего Востока / Т.И. Волкова [и др.]; Под науч. ред. М.В. Ларионовой, Е.И. Михайловой, О.В. Перфильевой. М.: Логос, 2013. С. 186–244.
- ¹⁸ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение...

А.А. Калмыков
В.О. Шляго

Эксплозия коммуникации современного медийного продукта

Статья посвящена явлению эксплозии (извержения, взрыва) коммуникации медийных продуктов и предприятий. Показано, как к трансляции сообщений подключаются другие медиа. Это резко усиливает динамику гуманитарного в современном обществе. В целом возникает конструкция, похожая на расположение сил и средств, сопровождающих авианосец на марше, – ордер. На основании этой аналогии авторы вводят и обсуждают понятие «медиаордер» как эффективную форму медийной деятельности.

Ключевые слова: эксплозия, имплозия, медиа, телевидение, гуманитарное, медиапродукт, медиаордер, новости.

М. Маклюэн, характеризуя современное общество, вводит понятие «имплозия» коммуникации. По его мнению, распространение электронных медиа привело к доминированию устной коммуникации – подобно тому, как это было в «племенных» обществах. «Имплозия являет собой магическое заклинание и формулу племени и семьи, которым люди с готовностью подчиняются»¹. Вот почему М. Маклюэн практически отождествляет медиа с медиумом, т. е. кем-то, кто обеспечивает связь с надмирными пластами реальности. Причем этот процесс сегодня носит глобальный характер, что позволяет говорить о глобальной деревне, выстроенной на территории коммуникационной сети. Имплозия коммуникации здесь – взрыв внутрь системы массовых коммуникаций (СМК): предельное сжатие пространства и времени, simultанное со-бытийствование и со-переживание включенным индивидуумом происходящего с множеством других. Одновременно снимается противостояние «центра» и «периферии», или, как сказали бы

специалисты по гештальт-психологии, – «фигуры» и «фона» с одновременным обретением глобальной виртуальной телесности и целостности. «По существу, в окружающем нас мире происходит формирование нового глобального медиапорядка, в “пространство” которого включено относительно небольшое число экономических субъектов»², – пишет И. Дзялошинский.

Речь идет о захвате медиа пространства гуманитарного, в котором остается все меньше места для личного опыта. Вместо него приобретается опыт, опосредованный медиа, где под медиа следует понимать весь комплекс информационно-коммуникативных практик. Он сводится, по Ю. Хабермасу, к освоению заранее приготовленных интерпретаций.

Впрочем, импlosion относится к верхнему уровню системы массовых коммуникаций, т. е. к объединенным в нечто единое и целое всех форм коммуникативных практик. На уровне же отдельных элементов СМК можно наблюдать прямо противоположный процесс – коммуникативную эксплозию (извержение). Если ограничиться рассмотрением такой подсистемы СМК, как СМИ, в которую входят пресса, радио, телевидение и Интернет, то можно наблюдать как сообщение, продуцированное, например, телевидением, копируется и транслируется как традиционными СМИ, так и соцсетями, блогосферой, микроблогами и т. д.

Это напоминает ступенчатую модель медиакоммуникации, учитывающую «лидеров мнений»³. Модель основана на гипотезе двухволнового потока коммуникации и закона о лидерах мнений. Она, по мнению ряда специалистов, считается основой понимания взаимоотношения между персональной и массовой коммуникацией, предполагая участие в коммуникационном процессе трех акторов: СМИ; лидеров мнений; «простых» реципиентов (конечных получателей, представляющих менее активные, чем лидеры мнений, слои населения). Эту гипотезу подтвердили данные, собранные Лазарсфельдом, показавшие задержку изменения электорального поведения от момента публикации мотивирующего материала. То есть влияние оказала не публикация в СМИ, а ее интерпретация лидерами мнений после персональной коммуникации с ними.

В нашем случае вместо персоналий (лидеров мнений) включаются как сопутствующие инициатору сообщения, так и сторонние медиапредприятия.

Это проявляется особенно отчетливо там, где медиапродукт имеет форму вируса, специально предназначенного для спонтанного размножения и распространения в благоприятной информационно-коммуникативной среде.

Если М. Маклюэн придавал медиа функции глобального медиума, то медиа в формате СМК уже больше чем медиум. Это Демиург. Здесь существенное отличие СМК от СМИ. Потому что структура информации, а не сама информация является условием коммуникации, следовательно, событие – это порождение новых коммуникаций. Происшедшее в предэкранном мире имеет значение только в том случае, если оно порождает или способно породить новые коммуникации. Причем только те из них, которые могут вызвать структурные изменения в самой системе.

Кроме того, СМК устанавливает новые критерии достоверности, верифицируемости и способы интерпретации события через референцию структуры информации

Качество информации о событии становится зависимым не от ее новизны, полноты, логичности, ясности и других привычных критериев, а от того, в какой степени эта информация способна центрировать собой порожденную ею коммуникативную структуру, что в свою очередь зависит от соответствия формы ее представления сложившимся на данный момент нормам. Известная оппозиция «содержание – форма» в СМК приведена к конструктам «формат – контент» и «дизайн – контент», в которых снято исходное категориальное противопоставление.

Факт установления коммуникации для передачи контента – уже контент. Отсюда и появляется новый критерий достоверности – более достоверно то, что по своей структуре более соответствует СМК в целом и выработанным внутри нее форматам.

Другое следствие – необходимость мотивировать аудиторию на принятие тех новостей, которые ее ранее не интересовали, создание специально организованного дискурса и вовлечение в него всех потенциальных потребителей информационного продукта. Здесь намечается существенный сдвиг в подходах к формированию информационных политик от информирования к мотивированию, т. е. формированию специфических потребностей (общение, аффилиация, игра, самореализация, сопереживание и т. п.) в коммуникации с тем или иным медиапродуктом, что, кстати, является условием успеха телевизионных шоу и других современных форматов.

Следует обратить внимание еще на одну тенденцию, а именно – превращение медийных сцен, экранов и зеркал в множественный интерфейс глобального информационно-коммуникативного пространства с открытым доступом. Это отметил Ж. Бодрийяр еще в 1987 г.:

...сегодня сцены и зеркала больше нет; вместо них появились экран и сеть. Вместо отраженной трансцендентности зеркала и сцены существует некая неотражающая, имманентная поверхность, на которой разворачиваются операции – гладкая операциональная поверхность коммуникации.

Что-то изменилось, и фаустовский, прометеевский (возможно, эдиповский) период производства и потребления уступил место «протеевской» эре соединений, контактов, касаний, обратной связи и всеобщего интерфейса, которая приходит вместе с целой вселенной коммуникации. Посредством телевизионного образа – а телевидение оказывается предельным совершенным объектом в эту новую эру – наше собственное тело и вся окружающая его вселенная становится неким контролирующим экраном⁴.

Эта тенденция была описана нами в статье «Телевидение: от зеркала и сцены к экрану интерфейса»⁵.

В этой статье в частности отмечалось, что процесс медиакommunikации еще недавно носил односторонний характер («один к многим»), что вполне соответствует метафорам сцены и зеркала. Обратная связь существовала, но реализовывалась с определенной временной задержкой. Подобное в строго техническом смысле нельзя назвать интерактивностью, поскольку интерактивность предполагает непосредственное живое включение зрителя в эфирное пространство – прием звонков в прямом эфире, голосования посредством смс и мобильных приложений, которую телевидение активно осваивает в последние годы. Обратная связь (как положительная, так и отрицательная) здесь прежде всего симультанна, т. е. одновременна сценическому действию. Это свойство, отработанное в телешоу, постепенно осваивается и новостными программами. Получает развитие новая тенденция, способствующая не только глубокому диалогу, но и выводящая контакт с аудиторией на совершенно другой уровень, где происходит смена вектора взаимодействия между зрителем и телевизионным продуктом – коммуникация типа «многие с многими», или так называемый полилог.

Иными словами, медиа в целом действительно нужно рассматривать как глобальный открытый интерфейс множественных разделенных общественных сфер. Появление подобного качества у медиа связано, конечно, с тем этапом цивилизационного развития, который называют информационным обществом; постмодерным обществом; обществом знания и т. п.

Впрочем, несмотря на доступность интерфейсов, возможность диалога и полилога, СМК сохраняет и даже усиливает свою иерар-

хичность, иницируя и поддерживая тоталитарной дискурс. Если по Мишелю Фуко дискурс – это «совокупность структурирующих механизмов надстройки»⁶, то основным законодателем этого структурирования остаются медиа.

Специфика тоталитарного дискурса заключается в том, что «коммуникативное событие» не происходит «между говорящим и слушающим», а совершается «над» слушающим. Слушающий внимает, но активно в общении не участвует. В тоталитарном дискурсе происходит, как мог бы сказать М.М. Бахтин, инструментализация слушающего. Для говорящего он превращается в «объект», «безгласный предмет», лишенный собственного сознания и голоса⁷.

Правда сегодня в медиасфере не происходит «инструментализация слушающего». Достигнут новый манипуляционный уровень – инструментализация говорящего. Говорение подчиняется нисходящим с верхних уровней форматам, как технической (продиктованных системными свойствами СМК), так и, конечно, политической природы. Причем совместно действующие процессы эксплозии и имплозии коммуникации только усиливают потенциальную тоталитарность медиа.

Стратегия пропаганды не умерла, а модернизировалась.

Более того, усиление тоталитарного дискурса можно считать частным случаем более глобального процесса – расчеловечивания. Профессор С.В. Клягин в этой связи пишет:

...под воздействием современных информационно-коммуникативных практик возникает пост-(не)-человеческая социальная реальность. Она представлена различными «заместителями» (аватарами) человека – вариативными по своим функциям и задачам техногенными средствами, а также сопутствующими этим средствам новыми видами рефлексии и репрезентации социально-антропологической реальности. Продолжающееся «расширение человека» (М. Маклюэн) создает новую ситуацию для понимания природы человека и социальной в целом. Особенность этой ситуации состоит в том, что в изобилии возможностей для практически неограниченной редупликации антропологических артефактов теряется само ощущение границы человеческого. И главное, на новой вещественно-технологической основе оказываются забытыми смыслы миссии воплощения разума и высших ценностей культуры – той миссии, задачи которой признаются в настоящее время преимущественно на уровне индивидуального личностного формата понимания человека⁸.

Противоречие между скрытым тоталитаризмом медиа и кажущейся свободой самовыражения возможно является основным противоречием цивилизации постмодерна, равно как и противоречие между умножением возможностей человека и его расчеловечиванием.

В какой-то степени эксплозию коммуникации можно рассматривать в контексте известного процесса конвергенции медиа, которую действительно можно считать основным трендом развития современной медиаиндустрии. Напомним, что термин «конвергенция» происходит от лат. *convergo* – «сближаю». Причем процессуально, в медиасфере, сближение (взаимопроникновение, взаимодействие, согласование и т. п.) происходит сразу в нескольких плоскостях (слоях), отличающихся масштабом протекания процесса. На нижнем, базовом уровне лежит конвергенция технических устройств (гаджетов), используемых журналистами для сбора и обработки материала. Далее следует слой конвергенции профессионализма, поскольку новые дигитальные устройства не только требуют дополнительных компетенций, но и задают конвергентные форматы представления контента. Конвергентный контент создает предпосылки для взаимодействия и взаимопроникновения уже на уровне компонентов системы СМИ (слой конвергенции элементов системы СМИ), что в свою очередь обуславливает конвергенцию медиа в целом (слой медиаконвергенции).

В слое конвергенции гаджетов очевиден процесс соединения в одном устройстве всех необходимых для репортажа инструментов: микрофона, фотоаппарата, видеокамеры, пишущей машинки, а также средств связи. Вместе с тем мы далеки от мысли приравнивать мобильные телефоны к профессиональным телекамерам. Однако возможность фиксации событий с помощью мобильных уже породила новый журналистский жанр – «мобильный репортаж», который готовится с участием очевидцев, случайно оказавшихся в месте события. Его фактичность по значимости перевешивает недостаточность качества. Здесь просматривается качественное изменение стандартов не только медийного продукта, но и процесса его производства и в целом медийной политики качества. Такой коммуникативный сервис, например, как твиттер уже стал не только действенным средством массовой информации, но и политической трибуной.

Следующим слоем конвергенции является слой профессионализма, где происходит взаимопроникновение компетенций, присущих различным видам профессиональной журналистской деятельности.

Техническая вооруженность журналистов сегодня существенно расширяет возможности подготовки материала, упрощает и ускоряет этот процесс. Следовательно, с одной стороны, предпосылки для универсализации действительно складываются, но с другой – искусство фоторепортера, например, вовсе не сводится к умению наводить на фокус и щелкать затвором – главное поймать мгновение и выбрать правильный ракурс, т. е. рутинные технические навыки отходят на второй план, освобождая место творчеству. Универсализация как тенденция парадоксальным образом стимулирует специализацию.

При этом конвергенция гаджетов порождает дивергенцию контента. Мобильные телефоны, смартфоны, планшетники, настольные компьютеры – продукция массового потребления. Как носители информации они используются наряду с газетными полосами и телевизионными экранами. Каждое устройство имеет свои технические особенности, задающие оптимальные форматы транслируемого материала. Отсюда возникает потребность в том, чтобы специально готовить материал для каждого из носителей, и, следовательно, пришло время взращивания соответствующих специалистов.

Есть необходимость усиления специфических свойств различных ипостасей журнализма с учетом того, что их появляется все больше. Если говорить о печати, то ее будущее во многом зависит от того, насколько в условиях конвергенции реализуются ее специфические родовые свойства: фактологичность и документальность (история современности); аналитичность и прогностичность; актуальность и событийность; социальное позиционирование и релевантность (соответствие запросам целевой аудитории); экспрессивность и эмоциональность.

Это означает, что газета, чтобы успешно конкурировать с Интернетом, обязана продемонстрировать преимущества размещения смысла в ограниченном текстовом пространстве по сравнению с безбрежностью Интернета. В этом плане соотношение газеты и Интернета подобно соотношению поэзии и прозы. Интернет-расширение журналистики заставляет определять новые границы газетно-журнальной журналистики, фактически выработать новые каноны, которые будут способствовать, с одной стороны, более жестким правилам конструирования текста, а с другой – развертыванию творческого потенциала журналистов.

Сегодня можно с уверенностью прогнозировать, что с развитием парка планшетников и читалок газета сможет существовать как минимум в двух формах: традиционной бумажной и электронной,

приспособленной для чтения на компьютере. Очевидно, что это будут две разные газеты, причем первая (бумажная) вероятнее всего займет элитарный сектор медиарынка, а вторая станет массовой. Подобное произойдет достаточно быстро, и к этому нужно готовиться.

Монологичная парадигма газетной журналистики лишена возможности налаживания симультанной обратной связи и этим проигрывает коммуникативной, диалоговой парадигме Интернет-журналистики. Однако газета может найти свои конкурентные преимущества, если сумеет в новых условиях реализовать свою родовую специфику: аналитичность, достоверность, высокую культуру языка и стиля. Иными словами, газета должна стать эталоном журналистского контента, что, вероятно, всегда будет проблематичным для Интернет-журналистики в силу ее принципиального нетабуированного «народного» характера. Скорее всего, газета будет дрейфовать от предмета массовой культуры к предмету элитарной культуры.

Сегодня система СМИ представляет собой единство уже четырех компонентов: печати, радио, телевидения, Интернета. Конвергенция в ней подразумевает соединение и объединение в одном издании различных способов донесения контента до потребителя, т. е. появление гиперизданий, включающих различные комбинации: газета + Интернет, телевидение + газета + Интернет и т. п. Интернет здесь является основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются. Подобное взаимодействие может достигать синергетического эффекта, умножающего энергии входящих в подобные альянсы компонентов системы СМИ, но может нивелировать и выравнивать средства выражения до их неразличимости, ослабляя степень воздействия на аудиторию. Все зависит от того, насколько удерживаются в рамках своей специфики текстовые (газета и журнал), визуальные (телевидение), аудиальные (радио) и интерактивные гипертекстовые (Интернет) форматы и насколько умело редакции трансформируют контент для различных видов СМИ.

Существует и еще один, покрывающий слой конвергенции, поскольку медиа уже нельзя понимать только как сферу журналистской деятельности, только как СМИ. Пример – споры о том, что такое коммуникативистика, коммуникатология, медиалогия. Первую как раз и стоит ограничить теорией и практикой журналистики. Вторая и третья претендуют на охват социально-коммуникативных процессов в целом, в том числе и на теоретико-методологическом, философском уровне.

Эти процессы регулируются множеством как вновь сформированных, так и ранее сформировавшихся профессиональных сред. Это и политика, и образование, и маркетинг, и реклама, и все прочие виды человеческой деятельности, в которых основную роль играет эффективная коммуникация: политическая, образовательная, маркетинговая, производственная и т. п. Журналистика не может оставаться вне этих сфер деятельности, выступая по отношению к ним и как средство коммуникации, и как ее полноценный участник, и даже как ее инициатор и менеджер.

Следовательно, вполне можно говорить о конвергенции разнородных коммуникативных практик и как об объективном процессе, и как об отличительном свойстве информационного общества, и как о свойстве, органически присущем системе массовых коммуникаций (СМК).

Отмечая эвристическую значимость конвергентной модели исследования медиапроцессов, отметим и ее ограничения.

1. Медиаконвергенция неплохо описывает взаимодействие отдельных элементов СМК, что позволяет прогнозировать их дальнейшую эволюцию. Однако она не применима к самой СМК. В СМК каким-то образом меняются отношения между ее элементами, однако на вопрос, как это влияет на саму СМК, конвергентная модель ответа не дает.

2. Конвергенция медиа оказывается явлением достаточно не новым, хотя, конечно, дигитализация, в том числе и в чисто технологическом плане, резко интенсифицировала все конвергентные процессы. Но если говорить на качественном уровне, то как только появилась медиа, все ее структурные элементы не могли не влиять друг на друга через сферу и хозяйственной, и политической деятельности человека. Этот факт отмечали многие специалисты, например В. Хелемендик в своей хрестоматийной работе «Союз пера, микрофона и телекамеры»⁹.

3. В практическом плане идея конвергенции подвигает иных собственников медиапредприятий оставлять на работе только «универсальных» журналистов в так называемых конвергентных редакциях, увольняя специалистов. Очевидно, что это не может не привести к снижению качества медиапродукции.

Нам кажется, что и альтернативной, и дополняющей моделью может служить модель медиаордера, что позволит снять упомянутые противоречия. К тому же эта модель имплицитно включает и рассмотренные выше механизмы эксплозии и имплозии коммуникации.

Эта модель основана на метафоре строя оперативного соединения кораблей уровня бригады-дивизии, боевым ядром которого

является многоцелевой авианосец. Авианосцы действуют в составе авианосных групп. Ударный авианосец является ядром соединения. Авианосец на марше сопровождается рядом подводных и надводных судов, авиацией и космическими силами.

Любое современное СМИ, как и авианосец, поддерживается различными медиа, оставаясь в центре инициации общительности.

Примечания

- ¹ Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. (Приложение к серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»). С. 94.
- ² *Дзялошинский И.М.* Проблема эффективности пропагандисткой деятельности, осуществляемой с помощью СМИ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/f-kommunik2.html>
- ³ См.: *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. N.Y.: Free Press, 1944.
- ⁴ *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Пер. с фр. и сопроводит. ст. С.Н. Зенкина. М.: РУДОМИНО, 2001. С. 127.
- ⁵ *Шляго В.О., Калмыков А.А.* Телевидение: От зеркала и сцены к экрану интерфейса // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. № 3. С. 115–123.
- ⁶ *Автономова Н.С.* Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 26.
- ⁷ *Гронская Н.Э., Зусман В.Г., Батищева Т.С.* Сопоставление тоталитарных дискурсов: Три риторика, три текста, три языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 57.
- ⁸ *Клягин С.В.* Социально-антропологические вызовы современных информационно-коммуникативных практик // Наука. Философия. Религия: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий: Сб. материалов XVI конф. (г. Дубна, 21–22 октября 2013 г.). М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014. С. 112.
- ⁹ *Хелемендик В.С.* Союз пера, микрофона и телекамеры. М.: Мысль, 1977.

А.Л. Зверев
А.И. Рогозарь

Динамика
социокультурного измерения имиджа ЕС
в политических представлениях
российского экспертного сообщества

Данная статья посвящена анализу динамики изменений социокультурного имиджа Европейского союза в сознании российского экспертного сообщества. Анализируются ключевые социокультурные и политические аспекты восприятия имиджа ЕС представителями экспертного сообщества, в том числе учеными ведущих московских гуманитарных вузов, прежде всего РГГУ и МГУ. В статье делается акцент на культурно-историческом и цивилизационном измерении имиджа ЕС в сложившемся политическом восприятии российских экспертов. Проводится сравнительный анализ имиджа ЕС в докризисный период отношений России и ЕС и в рамках сегодняшней политической действительности.

Ключевые слова: имидж ЕС, экспертное сообщество, отношения ЕС и России, политические представления, социокультурное измерение имиджа.

Постановка проблемы. События двух последних лет, связанных с воссоединением Крыма с Россией и возникшим после него острым украинским кризисом, приведшим к новому витку противостояния России и Запада, вновь открыли дискуссию о социокультурной ориентации нашей страны: либо развитие в фарватере европейской культурно-исторической традиции в рамках западного цивилизационного измерения текущих общественно-политических практик, принципиальный выбор в пользу которых пытается осуществить нынешний украинский политический режим, либо совершение резкого разворота в азиатское направление в рамках поддержания восточного цивилизационного начала социокультурной сущности нашего общества, на которое оказали влияние монголо-татарская цивилизация и то обстоятельство, что Россия

расширяла свои территории преимущественно на азиатском континенте. На фоне происходящих драматических событий в мире, прежде всего в рамках сирийского конфликта, поколебавшего всю сложившуюся архитектуру мирового порядка постсоветского периода и обнажившего нерв противоречий России и США (и фактически примкнувшего к последнему Европейского союза) по всей повестке международных отношений, актуальным представляется выявление динамики восприятия со стороны российского экспертного сообщества имиджа ЕС. Изучение предмета исследования в таком ракурсе представляется особенно актуальным, так как эксперты помогают политикам выработать внешнеполитический курс страны и оказывают влияние на выработку общественностью отношения к политическим институтам, с которыми Россия взаимодействует в рамках своей внешней политики. Сегодня в ответ на введенные со стороны Запада санкции все опросы общественного мнения фиксируют взрывной рост негативных чувств россиян в отношении ЕС¹. По данным Левада-Центра², начиная с мая 2014 г. стали плохо относиться к Евросоюзу около 60% граждан (для сравнения: этот показатель в сентябре 2013 г. составлял 28%). В этой связи интерес представляет анализ динамики восприятия имиджа ЕС в сознании экспертного сообщества.

Методология исследования. В качестве экспертов отбирались профессионалы-международники, политологи-теоретики широкого профиля, специалисты в области политических технологий, которые напрямую взаимодействуют с политиками и общественностью. В исследовании также принимали участие представители ведущих гуманитарных вузов г. Москвы, прежде всего факультета истории, политологии и права РГГУ и преподаватели факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Исследование проводилось методом фокус-группы, в рамках которого замечались реакции респондентов по представленным к обсуждению вопросам. В них выявлялся общий контекст отношения экспертов к обсуждаемым в ходе фокус-групп темам. При обработке полученной информации данные исследования группировались и квантифицировались. Абсолютное большинство респондентов бывали в странах Евросоюза, 90% из них – мужчины. Исследование проводилось в два этапа: 1) в 2011 г., когда отношения между Россией и ЕС характеризовались как близкие к партнерским; 2) в 2015 г., когда на фоне взаимных политико-экономических санкций вектор развития отношений осуществлялся в конфронтационном русле.

Общая оценка в рамках всего исследования сложившихся отношений России с экспертами ЕС заключается в том, что ЕС во взаимоотношениях с нашей страной исходит из прагматических (акцент на экономических вопросах и преследуемых странами ЕС собственных политических интересах) посылов достижения собственных целей в проведении внешней политики. Многие из экспертов при этом отмечают, что Россия тоже в последнее время в своей внешней политике старается исходить из собственных прагматических интересов, что ставит ее в один ряд с другими европейскими государствами, поэтому в этой ситуации отношения между акторами должны развиваться на паритетных началах с взаимным учетом интересов.

Докризисное восприятие российскими экспертами имиджа ЕС

Содержание имиджа ЕС в сознании российских экспертов в 2011 г. Главным для экспертов в содержании имиджа ЕС был акцент на основных культурных различиях России и Европы, проявляющихся в следующих чертах: 1) разная интерпретация совместных исторических событий России и Европы, ярко воплощенных в отношении к событиям Великой Отечественной войны (особенно со стороны относительно недавно вступивших в ЕС стран: Польши, Литвы, Латвии, Эстонии); 2) религиозные различия: протестантская этика предпринимательства в Европе и православная патерналистская традиция централизма в России, из-за чего возникают разногласия представителей данных культур; 3) культурная разрозненность общеевропейских ценностей и исторически сложившийся тип русской культуры с особой государственностью; это позволяет нам говорить, что мы не Европа, а Европа смотрит на нас свысока как некая цивилизационная модель на «варварскую» культуру; 4) отличие набора ценностей, имеющихся у чиновничества и на уровне массового сознания; при этом сближение возможно, если российское общество приучится к порядку, будет уважать любой труд, сможет проявить активность в защите собственных прав, постепенно делая переход к политической культуре партиципаторного типа; кроме того, нам нужно брать все лучшее и не повторять допущенных Европой ошибок; 5) многие европейские страны заимствовали черты социалистического советского государства, а мы забыли о них, не зная сегодня, в каком направлении мы движемся.

Тем не менее эксперты предполагали, что нас с Европой многое объединяет. Так, базисом объединения может стать индивидуальность как культурная черта России и Европы. Индивидуализм России на государственном уровне проявляется тогда, когда мы стремимся во всех международных делах иметь свою точку зрения. Европейский индивидуализм носит более личностный характер, завязанный на протестантизме, который в нашей культуре выражен пока слабо, но в будущем такой индивидуализм при определенном влиянии Запада может интериоризироваться в социокультурный опыт российского общества, и на его основе Россия сможет сблизиться с Европой. Была и такая точка зрения, что часть территории страны уже сейчас можно считать Европой, например, г. Санкт-Петербург, которому его европейская направленность помогла выдержать осаду немцев во время Великой Отечественной войны. Такие территории могут стать локомотивами усиления взаимодействия России и Европы.

По мнению экспертов, к 2011 г. наметилась тенденция к стиранию культурных различий между Россией и Европой, и прежде всего это связано с интенсификацией контактов представителей обеих сторон друг с другом, что позволяет нивелировать имеющиеся различия. Тем не менее, различия оставались. Проявлялись они в том, что многие наши соотечественники еще плохо знают иностранные языки, тем самым тормозятся многие межличностные контакты представителей обеих культур. Эксперты из РГГУ в 2011 г. также отметили высокий уровень негативизма граждан России по отношению к себе («любим себя ругать»), хотя, с другой стороны, очень не любим, когда нас ругают другие. Из других негативных социокультурных черт россиян отмечаются хамство и нежелание соблюдать установленный порядок (приводился пример того, как наши соотечественники хотели пройти без очереди паспортный контроль за границей). К негативным социокультурным проявлениям россиян, по мнению экспертов, можно отнести неприятие всего «чужого», в этом смысле европейские страны больше открыты для подобного рода диалога. С другой стороны, выраженность некого противостояния в отношении других стран позволяет России объединяться как нации, выражающей собственные интересы в пространстве, которое наша страна считает исключительной зоной своего влияния. Видимо, этим объясняется, что введенные с 2014 г. санкции, в том числе ЕС против России, не только не способствовали возникновению конфликта между российским обществом и властью и давления первых на вторых с целью отказа России от самостоятельного внешнеполитического курса, но, напротив, консолидировали власть и общество по во-

просу воссоединения с Крымом. При этом из-за многослойности социокультурной специфики существования России, состоящей из конгломерата различных культурных слоев и территорий (например, Северный Кавказ, Сибирь, Дальний Восток и т. д.), имеющих собственную культурную самобытность, Европе будет трудно определиться, с кем интегрироваться и как. Как показали события последнего года, связанные с массовым потоком мигрантов в ЕС, эксперты в 2011 г. оказались правы и в этом вопросе.

*Отношения ЕС и России*¹. Особый интерес в этой части анализа экспертных мнений представлял вопрос о возможном сближении России с Западом в лице ЕС. Многие участники фокус-группы в 2011 г. отмечали, что подобного рода контакты России и ЕС в этом направлении (например, введение безвизового режима между Россией и ЕС, стандартизация получаемого образования и перемещение рабочих кадров и т. д.) должны идти только на равных условиях. При этом Россия должна оговорить для себя особые условия, учитывающие статус нашей страны в мире как одного из ключевых акторов мировой политики. В целом эксперты скептически оценивали ближайшие перспективы возможного сближения России и Запада в лице ЕС, успешно прогнозируя, что все это может закончиться жестким противостоянием в каком-либо вопросе, болезненном для обеих сторон, столь остро проявившемся в украинском кризисе 2014–2016 гг. Такое скептическое отношение к перспективам сотрудничества России с ЕС дополнялось их представлениями о нашей стране как об уникальной с точки зрения географии, что приводило их к пониманию того, что не Россия должна стремиться сблизиться с Западом, а сам Запад пусть интегрируется с нами. В целом эксперты высказывались в пользу тезиса о том, что с Западом (в лице ЕС) наша страна вынуждена сотрудничать в силу своего географического месторасположения.

В *политическом плане* отношения ЕС и России строятся, по мнению экспертов, в рамках следующих стратегических линий. Согласно первой, Россия в Европе воспринимается как «лакомый кусок», поэтому ЕС выстраивает отношения с Россией на принципах прагматизма и получения своей выгоды по использованию наших природных ресурсов. Конечная цель такой модели взаимоотношений – превратить нашу страну в некий буфер между ЕС и азиатскими странами. В соответствии с логикой опрошенных экспертов России нужно контролировать взаимные отношения с ЕС, чтобы европейцы «не отобрали» наши ресурсы, что впоследствии может ослабить нашу страну. Данная логика рассуждений позволяет экс-

пертам сделать вывод о том, что Россия нужна Европе больше, чем она нам, и мы должны распоряжаться своими ресурсами, как нам будет угодно. Вторая стратегическая линия рассуждений экспертов состоит в том, что ЕС, причисляя Россию к развивающимся странам, будет стремиться в отношениях с ней к тому, чтобы наша страна не доставляла Европе серьезных проблем (миграция, экологические проблемы наподобие той, что возникла после взрыва на Чернобыльской АЭС, интеллектуальные ресурсы, безбарьерный доступ товаров ЕС на наш рынок, увеличение потоков туристов из России для пополнения бюджетов отдельных стран ЕС). Поэтому наше сотрудничество с Европой должно ограничиться тем, чего у Европы нет и в чем она заинтересована в сотрудничестве с нами, так как по иным вопросам, в том числе и тем, в которых заинтересована Россия, сотрудничество с ЕС идет достаточно сложно. Это позволит, по мнению этих экспертов, избежать излишнего давления ЕС на Россию в их взаимоотношениях.

В целом опрошенные эксперты в 2011 г. были не готовы к одобрению идеи объединения России и ЕС, и связано это было с тем, что в сознании опрошенных существовали стереотипы настороженного восприятия общеевропейских структур. Эксперты тогда также подчеркивали необходимость вести разновекторную внешнюю политику со странами ЕС и при этом учитывать: а) являются ли они нашими партнерами; б) являются ли они нашими конкурентами.

Будущее России и ЕС. Взгляд из 2011 г. Большинство наших экспертов полагало, что основой будущих крепких отношений России и ЕС является достижение взаимных выгод сторонами. Но при этом эксперты говорили о том, что возможный Договор о сотрудничестве с ЕС будет работать только тогда, когда в процесс взаимоотношений России – ЕС не будут вмешиваться США. Второй значимой переменной такого сотрудничества является интенсификация контактов России – ЕС на разных уровнях обществственных коммуникаций с целью формирования доверия европейцев к проводимой Россией политике, для того чтобы жители стран ЕС могли оказывать давление на свои правительства в направлении изменения их отношения к российской внешней политике. Для России развитие подобного сектора взаимоотношений с ЕС выгодно, поскольку для граждан могут открыться дополнительные возможности приобщения к опыту, накопленному странами ЕС в различных сферах деятельности.

С другой стороны, в 2011 г. эксперты предполагали, что ЕС может рассматривать Россию в качестве противника, по отношению к

которому может воспроизводиться негативная европейская идентичность. Лично для себя выгоду от возможного тесного сотрудничества России и ЕС эксперты видели в безвизовом пространстве России – ЕС.

Еще одним ключевым фактором, мешающим пойти европейской элите на более тесные контакты с Россией, является стремление европейских лидеров не допустить восстановления российского влияния в мире. По мнению экспертов из МГУ, Россия для европейской политики остается «младшим братом», беспрекословно подчиняющимся интересам ЕС как «старшего брата».

Современное восприятие российскими экспертами имиджа ЕС

Содержание имиджа ЕС в сознании российских экспертов в 2015 г.
В этом исследовании особый акцент был сделан на отношении экспертов к наднациональной форме управления, ставшей основой бюрократического аппарата современного ЕС. Половина опрошенных экспертов не считает эффективными нынешние общеевропейские институты управления, объясняя это рядом причин: коллегиальным форматом и как следствие низкой скоростью принятия властных решений, «усредненным вариантом» этих решений, удовлетворяющих далеко не всех участников европейского сообщества, а также проблемной практической реализации принятых решений из-за национальных бюрократических аппаратов управления самих стран ЕС.

Абсолютное большинство экспертов определяет Евросоюз как союз государств, отмечая при этом две важные детали. Во-первых, респонденты считают, что это союз «экономически/социально/политически развитых стран» с разной степенью влияния. Во-вторых, все они делают акцент на том, что главной задачей этого Союза является решение экономических и только затем политических проблем Европы.

Половина респондентов в 2015 г. считала ЕС по-прежнему сильным игроком на мировой арене, но с оговоркой «пока еще». Среди причин ослабления влияния ЕС в мире сегодня отмечаются «внутренние трудности» ЕС, неоперативная и «компромиссная» реакция Союза на международные споры, невозможность использования в них «силовых аргументов самостоятельно» (по-прежнему зависимость от США).

Эксперты соглашаются с тем, что в нынешнем виде ЕС неоднороден и степень влияния стран-участниц в нем разная. Несомненными

лидерами ЕС в глазах респондентов являются Германия, Франция и Великобритания. Германия единогласно признается сегодняшним экономическим лидером Союза, страной с наибольшим экономическим потенциалом и самой сильной финансовой системой.

Имидж лидеров ЕС в сознании экспертов неоднороден: существует разделение на формальных лидеров, к которым относят практически всех нынешних формальных руководителей ЕС (Ж.-К. Юнкер, Д. Туск, Ф. Могерини), и фактических лидеров, среди которых выделяют А. Меркель, Ф. Олланда. Один из респондентов отметил роль и влияние Папы Римского как института.

Говоря о европейском пространстве, многие отечественные эксперты относят к Европе и Россию. Яркой иллюстрацией может стать высказывание одного из респондентов: *«Россия, безусловно, часть Европы. Уже больше тысячи лет. И географически, и культурно Россия всегда была частью Европы, европейской культуры»*. В то же время исторический и культурный аспекты отделяются от экономической и политической сферы: *«Исторически и в культурном отношении Россия часть Европы... а в политическом смысле Россия является скорее трансрегиональной страной»*.

Отношения ЕС и России. Евросоюз для России, по мнению опрошенных экспертов, так же, как и в 2011 г., является партнером прежде всего в экономической сфере. При этом ЕС во многих случаях в 2015 г. характеризуется уже как ненадежный партнер, а взаимоотношения с ним как одновременное стремление к взаимному сотрудничеству по целому ряду вопросов (экономика здесь в приоритете), но также и оппонирование (прежде всего по принципиальной повестке в политической сфере, особенно по украинскому вопросу). Как и в 2011 г., экспертное сообщество склонно видеть эффективное и выгодное сотрудничество с Евросоюзом на уровне двусторонних соглашений, т. е. с каждой отдельной страной, а не со всем союзом в целом. Эксперты отмечают также общие ценности и близость принципов ЕС и России, как это было показано в анализе представлений экспертов в 2011 г., но различия есть, прежде всего в геополитических интересах.

Так же, как и в 2011 г., отношения Евросоюза с Россией на современном этапе оцениваются всеми экспертами как близкие к партнерским, но «не очень хорошие», «напряженные», «проблемные», «заинтересованно осторожные», «партнерско-конкурентные», осложняемые санкциями. Такие определения являются свидетельством начавшейся негативизации имиджа ЕС в сознании экспертов. А «ненадежный партнер», «союз с несколькими лицами, масками» становится основным содержательным сюжетом в имеющемся в

сознании эксперта образе ЕС. В то же время некоторые эксперты считают, что и у Европейского союза есть все основания не доверять России в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма.

Большая часть из них считает, что отношения между Россией и ЕС за время, прошедшее с предыдущего исследования в 2011 г., ухудшились и сейчас находятся в кризисном состоянии. Причины таких изменений не в имеющихся взаимоотношениях стран ЕС с Россией (исключение – проблема с санкциями), а в «навязывании проблем извне». С точки зрения экспертов, США играют весомую роль в навязывании Европейскому союзу конфликтной модели взаимоотношений с Россией, что также отмечалось и при исследовании 2011 г., но в то же время сейчас появились эксперты, которые склонны считать, что и ЕС нельзя считать «безвольной пешкой».

Тем не менее стоит отметить, что прогнозов на дальнейшее ухудшение отношений России и ЕС по всему спектру повестки в ответах экспертов нет. По их мнению, существующие отношения либо «заморозятся» на какое-то время, либо восстановятся.

Оценка экспертов по поводу введенных санкций. Одним из факторов, препятствующих благополучному развитию существующих отношений Европейского союза и России на современном этапе, по мнению экспертов, являются санкции. В основном введение санкций они объясняют тем, что так ЕС проявляет «общезападную» солидарность перед угрозой, как считают в Евросоюзе, нового агрессивного политического курса России. Но это далеко не единственная оценка, которая звучит среди российских экспертов.

В большинстве случаев респонденты негативно относятся к санкциям, считая их неэффективными с точки зрения экономического давления на Россию и несущими в перспективе негативные последствия как для Европейского союза в целом, так и для отдельных стран, в него входящих. К тому же санкции порождают взаимное недоверие, что негативно сказывается на долгосрочном сотрудничестве ЕС и России.

Однако есть и другая точка зрения в экспертном сообществе, согласно которой санкции – это мощнейший толчок для внутри-экономического развития нашей страны. Кроме того, они помогают лучше осознать собственные национальные интересы.

При этом стоит отметить, что часть экспертов считает санкции со стороны ЕС вполне логичными, поскольку они являются выражением несогласия или непонимания позиции России по украинскому вопросу или другим проблемам. Сторонники такого понимания санкций считают опасным излишнее нагнетание истерии вокруг этой темы.

Выводы

Подводя итог данному исследованию, можно сделать ряд выводов. Во-первых, основные социокультурные ориентации экспертов в отношении ЕС заключаются в следующем:

- а) многие российские эксперты, несмотря на то что они живут скорее в европейской социокультурной среде, в своих ответах выделяют особенность отечественного социокультурного базиса, характер которого ими описывается как самодостаточный, имеющий глубокую самобытную историю с выраженными элементами эгоцентричного восприятия коммуникаций со странами ЕС, выражающегося в том, что Россия больше нужна ЕС, нежели чем они нам;
- б) выявленные в ходе дискуссий социокультурные различия в репрезентации социально-исторического контекста развития Европы и России проявляются в следующем:
 - разная интерпретация совместных исторических событий России и Европы;
 - различия в общекультурных ценностях, которые обусловлены различием религиозных мировоззренческих систем (в Европе – ценности свободы в духе протестантизма, в России – жесткая иерархия ценностей православия);
 - эмоциональность в повседневном восприятии реальности со стороны граждан России (категоричность оценочных суждений) и прагматический рационализм в этой сфере со стороны европейцев;
 - высокий уровень негативизма граждан России по отношению к восприятию своей текущей деятельности (оцениваем, что у нас технологии и производимые товары хуже западных), и в большей мере идеологическая оценка своих действий по отношению к России со стороны европейцев;
 - специфика социокультурной среды России состоит в том, что это целый слой различных этнических и конфессиональных культур, который затрудняет развитие вектора интеграционных процессов между Россией и ЕС;
- в) несмотря на наличие культурных различий между Россией и ЕС, экспертами отмечается тенденция к их стиранию за счет начавшихся глобализационных процессов, помогающих интенсифицировать контакты России и ЕС на уровне межличностных коммуникаций их граждан.

Во-вторых, эксперты выражают в основном скептическое отношение по поводу того, что данный союз может дать что-то

существенное России, хотя в плане интенсификации контактов и приобщения к европейской, прежде всего научной, культуре эксперты выражают свою готовность. Вследствие таких оценок у многих экспертов преобладают суждения, что Россия больше нужна Европе и поэтому, если она что-то хочет от нас получить, пусть сама пытается выстроить диалог с Россией.

В-третьих, многие прогностические оценки, высказанные в 2011 г. по поводу дальнейших отношений России и ЕС, нашли отражение в жизни (например, прогноз по поводу противостояния нашей страны с ЕС в украинском кризисе 2014–2016 гг.), что говорит о качественной подготовке специалистов отечественной политологической школы ведущих гуманитарных вузов г. Москвы и МГУ им. М.В. Ломоносова, проявивших себя как успешные прогнозисты в своей экспертно-аналитической деятельности.

В-четвертых, стоит отметить, что имидж ЕС, сложившийся в сознании экспертов, нельзя назвать непривлекательным, он скорее нейтральный и даже позитивный. Подчеркиваемая экспертами неоднородность Союза и разная степень влияния стран-участниц ЕС на разные сферы жизни (экономическую, политическую) говорит о когнитивной сложности сложившегося образа ЕС в сознании экспертов.

В-пятых, в нынешних взаимоотношениях ЕС и России наиболее остро встает проблема взаимного недоверия на уровне лидеров, политических элит и обществ. Экономическое партнерство зачастую, по мнению российских экспертов, затруднено политической повесткой дня, формируемой европейским истеблишментом. Тем не менее кризис в отношениях между ЕС и Россией считается временным явлением, а далее будет налаживаться сотрудничество.

Примечания

- ¹ Сегодняшние отношения России и стран Евросоюза участники онлайн опроса вдвое чаще стали оценивать как негативные, чем как позитивные (39 и 21% соответственно); многие (40%) затруднились как-либо охарактеризовать эти отношения. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.electionsmeter.com/голосования/vstuplenie-rossii-v-yevro-soyuz#PollMenu> (дата обращения: 16.04.2016).
- ² Отношение к странам // Левада-Центр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/> (дата обращения: 16.04.2016).

Предвыборная риторика двух кандидатов на пост президента Ирана в 2009 г.

12 июня 2009 г. в Иране прошли президентские выборы, результатом которых была победа кандидата от консервативной части иранских элит, действующего на тот момент президента Махмуда Ахмадинежада. Сразу после этого в стране начались активные протесты сторонников проигравшего кандидата Мир-Хосейна Мусави, продолжавшиеся более полугода и повлекшие за собой многочисленные жертвы и аресты. Серьезный научный интерес вызывает предвыборная риторика двух кандидатов в президенты, поскольку она мобилизовала их сторонников на активные политические действия.

Ключевые слова: Иран, власть, демонстрации, президентские выборы, предвыборная риторика, оппозиция.

Основным пунктом предвыборной программы Махмуда Ахмадинежада был проект решения социально-экономических проблем страны. Он появился еще в июле 2008 г. и содержал в себе «ускорение развития национального хозяйства, сокращение безработицы, инфляции, перерасхода средств, а также установление социальной справедливости»¹. В реальности это выразилось в желании правительства еще больше сократить систему льгот и субсидий.

Махмуд Ахмадинежад хотя и не говорил напрямую о выборах до объявления своего участия в качестве кандидата, но косвенно в своих поездках по стране, представляя обзор результатов деятельности своего правительства, критикуя правительство,

которые были до него, и давая новые обещания, фактически наилучшим образом использовал возможности, которые были в его распоряжении в качестве президента, и произносил именно предвыборные речи. До конца апреля 2009 г. он совершил поездки в такие провинции, как Исфahan, Керман, Курдистан, Йезд и т. д., выступал на многих конгрессах и церемониях, дал одно телеинтервью. В основном его речи высказываний были посвящены защите деятельности своего кабинета министров, и в большинстве этих выступлений он старался убедить людей в том, что достижения действующего правительства были уникальными и героическими по сравнению с прошлым правительством. Так, Ахмадинежад заявлял, что действия его правительства привели к преодолению тенденции движения в сторону большей отсталости, причиной которого, по его мнению, была деятельность прошлых правительств. Кабинет министров шел в направлении воплощения «справедливости» в стране, благодаря ему ИРИ поднялась на более высокое место на мировой арене, и при продолжении курса его правительства страну ждут новые, еще более высокие темпы развития².

В конце апреля 2009 г. иранский журнал «Хамшахри-йе мах» проанализировал предвыборную лексику четырех кандидатов на президентский пост с 21 января по 21 апреля³. Результаты, полученные в ходе этого исследования, оказались весьма интересными и дали относительное понимание того, в каком дискурсе находились кандидаты, какой степенью осведомленности они обладали и какие вопросы и проблемы вызывали у них главное беспокойство.

В течение двух месяцев, охваченных исследованием журнала, Махмуд Ахмадинежад и Мир-Хосейн Мусави очень редко использовали слово «развитие» (тоусэ), его практически всегда заменяло слово «прогресс» (пишрафт).

Предвыборную риторику Махмуда Ахмадинежада можно охарактеризовать метафорой «самозащита». Ключевым словом, которое он употреблял 65 раз, была «справедливость (эдалят)». Ахмадинежад постарался в своих высказываниях доказать преимущество своего правительства по отношению к предыдущим в плане установления «справедливости». Также в его речах часто употреблялось слово «прогресс (пишрафт)», по пути которого страна очень быстро движется. Ахмадинежад практически полностью отказался от использования слова «развитие (тоусэ)» и всегда говорил о «прогрессе», а также о движении вперед (таали). Хотя в его речах 18 раз проскальзывало слово «развитие», оно использовалось в контексте описания распространения и усиления каких-то явлений,

а не движения вперед. Слово «революция (энгеляб)» использовалось президентом 35 раз. Часто он говорил о революционной атмосфере, революционном взгляде и революционном поведении – все это показывает важность использования слова «революция» в его текстах. Следует отметить, что Ахмадинежад часто старался употреблять необычные слова, которые в какой-то мере противоречили общепринятым в мире политическим понятиям.

Сильно критикуя существующее в мире управление экономикой, действующий президент в своих высказываниях не так много места уделял понятиям «иностранные инвестиции», «планирование» и «частный сектор». Вместо этого Ахмадинежад заявлял о необходимости участия государства в управлении экономикой. Касаясь вопросов строительства жилья или занятости, он говорил об эффективной интервенции «государства» в решении этих проблем. В своей экономической программе президент ставил задачу осуществления проекта целевых «субсидий» с ежемесячной выплатой определенной суммы каждому человеку с низким достатком. Данная идея неоднократно повторялась в поездках Ахмадинежада по стране.

Действующий президент никогда не выказывал интереса к понятиям, связанным с либерализацией экономики и свободой граждан. Он не использовал такие слова, как «социальный капитал», «негосударственные организации», «права человека», «рациональность», и «эффективность», и всего лишь четыре раза употребил слово «свобода».

В то же время неотъемлемой частью речей президента является акцент на теме всесторонней борьбы Ирана с «врагами». Ахмадинежад часто произносил обращенные к врагам укоризненные речи, и вероятно по этой причине слово «враг» появилось в его высказываниях 38 раз⁴.

Более 20% речей Мир-Хосейна Мусави были воспоминаниями о событиях прошлого. Можно сказать, что выставление напоказ «послужного списка в сфере управления в далеком прошлом» считалось подходящим средством для агитации.

Как только Мусави заявил об участии в президентской избирательной кампании, основой его предвыборных высказываний стал «возврат к истокам Исламской революции». С самого начала он выразил сожаление по поводу того, что первые лозунги и ценности Исламской революции ушли на второй план. Он подчеркивал, что все свои усилия направит на улучшение существующего положения, помогая обездоленным как главным владельцам революционных завоеваний. Мусави считал «обездоленных» главной опорой исламского режима в Иране, поэтому 26 раз

упомянул это слово в своих выступлениях. Ключевыми же в его предвыборной агитации были термины «революция» и первые «ценности революции». Об этом он говорил постоянно, настаивая на возвращении к ним. Мусави 136 раз упомянул слово «революция» и более 100 раз – «ценности». Слово «реформы (эсляхат)» им употреблялось 51 раз и 65 раз – термин «принципы (осуль)». Он отмечал, что для возвращения к первым «принципам» и «ценностям» «революции» необходима «реформа» существующих способов и методов. Среди других «революционных ценностей», на которые обращал внимание Мусави, была «свобода (азад)». Однако он рассматривал ее одновременно с понятием «справедливость», поэтому в его программе была предпринята попытка объединить оба термина⁵.

Проект Мусави в сфере экономики хорошо сочетался с теорией «институционализма», рассматривающей организацию жизни людей в государстве как совокупность различных объединений граждан. В своих высказываниях он 52 раза использовал слово «институт», а в экономической декларации основными целями признавал быстрый рост, производство, процветание, созидание, устойчивость и прогресс. Их реализация должна была осуществляться путем создания подходящих и гибких «институтов».

Подобно Махмуду Ахмадинежаду Мир-Хосейн Мусави редко использовал слово «развитие», отдавая предпочтение понятию «прогресс». Несмотря на то, что «развитие» в его выступлениях упоминалось 65 раз, оно употреблялось по большей части в таких конструкциях, как программа «развития» или «развивающиеся» страны.

В высказываниях по поводу экономики Мусави дистанцировался от концепции свободного рынка, но употреблял некоторые связанные с ним термины. Например, в его речах 34 раза встречалось слово «приватизация». Тем самым он стремился избавиться от обвинений, что поддерживает экономику, полностью регулируемое государством.

Важно отметить, что для Мир-Хосейна Мусави было характерно изменение структуры его речей со временем. Чем больше проходило дней с момента начала его избирательной кампании, тем сильнее подвергался изменениям его дискурс. Если вначале предвыборной гонки Мусави посвящал свои выступления главным образом ценностям и завоеваниям Исламской революции, настаивая на возвращение к ее истокам, то с течением времени он переключился на лозунги, связанные с расширением свобод граждан.

Главными адресатами данных призывов стали женщины и студенты. Особый акцент делался на изменении «дискриминационных и несправедливых» правил в отношении женщин и принятии мер по изменению их прав в иранском обществе в сторону равноправия с мужчинами. Он заявлял, что будет добиваться роспуска так называемой полиции по контролю за соблюдением исламской морали и направлять свои усилия на поддержку финансового благосостояния женщин, их карьерного роста, а также на увеличение женского представительства в высших эшелонах государственной власти⁶. Мусави выступал за отмену запрета на создание частных телевизионных каналов, а также за организацию общественного контроля за деятельностью институтов государственной власти, в особенности правительства. По его мнению, люди должны быть в курсе того, как формируется экономическая и политическая политика государства. Также он говорил о создании свободной, беззапретной среды для потока информации⁷.

В политической сфере Мусави высказывался за изменение Конституции, в результате которого пост президента должен быть выведен из-под контроля исламских институтов и Лидера страны, так как президент избирается всенародным голосованием и не должен быть подконтролен никому, кроме народа⁸.

Им были раскритикованы реформы Махмуда Ахмадинежада в экономической сфере, а также изменения в министерствах правительства. В экономике Мусави предлагал принятие мер по защите отечественного производителя, по восстановлению ряда организаций, закрытых Ахмадинежадом, например Организации управления и бюджетного планирования, а также и усилению роли кооперативного и частного секторов⁹.

По поводу иранской ядерной программы Мусави выступал за сокращение ее стоимости, а также за ее мирный характер¹⁰.

На международной арене Мусави ратовал за снижение напряженности в отношении со странами Запада, что включало в себя и прямые переговоры с президентом США Бараком Обамой¹¹. Также он выступил против отношения Махмуда Ахмадинежада к Холокосту (а именно, что это было «миф») и осудил убийство евреев¹².

Исследовательская группа журнала «Хамшахри-йе мах», выбрав около 30 ключевых слов, посчитала уровень их использования каждым кандидатом в промежутке времени с 21 января по 21 апреля 2009 г. Частотный анализ уровня употребления этих слов дал очень любопытные результаты¹³. Наиболее часто употребляемым понятием в выступлениях Мир-Хосейна Мусави было слово «экономика», которое он произнес 206 раз. На втором месте

оказалось слово «ислам». Произнеся его в 160 случаях, Мусави опередил любого из своих оппонентов минимум вдвое. Махмуд Ахмадинежад в своих выступлениях больше всего останавливался на понятии «ислам», используя его 70 раз. На следующем месте оказалось слово «справедливость», которое он произносил в 65 случаях.

Кроме программных речей, кандидаты на президентский пост осуществляли свою избирательную кампанию с помощью построения своего визуального образа на всевозможных плакатах, листовках и буклетах, которые в громадном количестве были доступны избирателям повсюду в городах и деревнях страны.

Избирательный штаб Мир-Хосейна Мусави создавал образ своего кандидата на основе сочетания его прошлых заслуг и возможности изменить жизнь к лучшему в будущем.

Образ Махмуда Ахмадинежада содержал в себе больше динамизма и устремленности вперед, чем образ Мир-Хосейна Мусави. Это неудивительно, так как действующий на тот момент президент на 15 лет моложе своего основного оппонента. На всех своих плакатах он представлялся сильным человеком, знающим, куда вести нацию¹⁴.

В целом Мир-Хосейн Мусави и Махмуд Ахмадинежад предложили развернутую программу действий в случае победы на выборах, но, как отмечали некоторые эксперты¹⁵, ни одна из них не носила комплексного характера. Более того, в большинстве своем они были популистскими и представляли собой набор разрозненных мер. Однако это с лихвой заменялось яркими высказываниями и оригинальными предвыборными плакатами.

Примечания

¹ См.: *Кожанов Н.А.* Социально-экономическая ситуация в Иране и ее влияние на предвыборные программы кандидатов в президенты ИРИ // Институт Ближнего Востока. 14.05.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=8651>

² См.: *Мирбад М.* Что говорят эти четыре человека? // Хамшахри-йе мах. № 25. месяц ордибехшт (21 апреля – 21 мая), Тегеран, 2009. С. 17. (*На перс. яз.*)

³ Там же. С. 15–19.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Iran candidate Mousavi backs women's rights // BBC News. 30.05.2009. [Электронный ресурс] URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/8075603.stm

- 7 Iranian Elections: The Answer to Ahmadinejad: Interview with Mir Hossein Mousavi // Spiegel Online International. Выпуск 18/2009. 27.04.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/international/world/iranian-elections-the-answer-to-ahmadinejad-a-622225.html>
- 8 См.: Mousavi backs private TV, urges change recognition // PressTV. 31.03.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://edition.presstv.ir/detail/90056.html>
- 9 См.: *Кожанов Н.А.* Социально-экономическая ситуация в Иране и ее влияние на предвыборные программы кандидатов в президенты ИРИ / Институт Ближнего Востока. 14.05.2009. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8651>
- 10 См.: Mousavi: Iran will never halt enrichment // PressTV. 14.04.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://edition.presstv.ir/detail/91361.html>
- 11 Iranian Elections: The Answer to Ahmadinejad...
- 12 Iran's Reform Candidate, Mir Hossein Mousavi, Says Open to U.S. Negotiations // Fox News Channel. 06.04.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.foxnews.com/story/2009/04/06/iran-reform-candidate-mir-hossein-mousavi-says-open-to-us-negotiations.html>
- 13 *Мирбад М.* Указ. соч. С. 17.
- 14 Подробнее см.: *Филин Н.А.* Неудавшаяся революция цвета ислам: Причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране. М.: Ленанд, 2015. С. 58–83.
- 15 См.: *Дунаева Е.В.* Иран накануне президентских выборов: борьба обостряется / Институт Ближнего Востока. 08.06.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/08-06-09.htm>

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Е.С. Мелкумян

Гуманитарные аспекты внешней политики малых государств: пример Кувейта

Статья посвящена анализу гуманитарных аспектов во внешнеполитической деятельности малых государств. Эти государства отличаются незначительной численностью населения и ввиду этого ограниченными ресурсами внешнеполитической активности, что стимулирует их к повышенному вниманию к таким аспектам гуманитарной деятельности, как оказание помощи социально-экономическому развитию бедных стран, выделение им кредитов, строительство экономических и социальных объектов. В условиях увеличения числа вооруженных конфликтов, жертвами которых становится мирное население, эти страны участвуют в разрешении возникающих гуманитарных проблем. Общие положения проиллюстрированы на примере одного из малых государств – Кувейта, который активно участвует в гуманитарной деятельности с момента обретения им политической независимости.

Ключевые слова: малые государства, гуманитарная деятельность, Кувейт, гуманитарный лидер, гуманитарная помощь.

Возросший интерес к гуманитарным проблемам в мировой политике был вызван общей тенденцией к гуманизации международных отношений, ставшей реальностью после крушения биполярной системы. Либеральные идеи защиты прав человека, уважения его достоинства, провозглашения высшей ценностью сохранение человеческой жизни приобретают универсальный характер. В то же время гуманизация стала центральной проблемой в системе международных отношений как ответ на многочисленные конфликты, в которых религиозная или этническая идентичность

служит основой для кровавых столкновений. Активизировалась деятельность различных международных организаций, а также организаций, действовавших на национальном уровне, которые занимались гуманитарной помощью. Эти организации стали инструментом внешней политики, заняв особое место во внешнеполитической стратегии группы малых государств.

Термин «малые государства» используется в научной литературе для определения особой группы стран. Главным критерием для выделения этой группы выступает небольшая численность их населения¹. Малые государства отличаются особенностями внутривнутриполитической и главным образом внешнеполитической деятельности. Обладая ограниченными военными возможностями, прежде всего небольшой численностью вооруженных сил, что сдерживает их участие в военных операциях, многие из них акцентируют внимание на различных аспектах гуманитарной деятельности. В условиях ускорения процессов глобализации, приводящих к дальнейшей дифференциации стран и углублению разрыва между «богатыми» и «бедными» странами, содействие социально-экономическому развитию отстающих стран, выделение им кредитов, строительство экономических и социальных объектов очень востребованы. Малые страны уделяют этому особое внимание, оказывая гуманитарную помощь населению тех стран, где идут военные действия. Поставка гуманитарной помощи в районы, пострадавшие в результате стихийных бедствий, также является одной из сфер деятельности малых государств. Все эти виды гуманитарной помощи, которую оказывают малые государства, призваны повысить их конкурентоспособность и способствовать повышению их престижа на международной арене.

Кувейт, относящийся к группе малых государств (численность его населения составила в 2012 г. 2560 тыс. причем 70% – не граждане страны), достиг больших успехов в гуманитарной деятельности². В 2014 г. ООН назвал Кувейт «гуманитарным центром», а глава кувейтского государства эмир Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах получил титул ООН – «гуманитарный лидер» – за «политику, направленную на спасение человеческих жизней, прекращение кровопролитий, помощь бедным, содействие в экономическом развитии различных стран мира, оказание им помощи в борьбе с невежеством, бедностью и разрушениями»³. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая на торжестве по случаю первой годовщины этого события, говорил о высокой оценке усилий эмира Кувейта по оказанию помощи сирийскому и йеменскому народам, а также другим народам мира, которые «продолжают испытывать страдания». Генеральный

секретарь ООН подчеркнул, что «сегодня, больше, чем когда-либо ранее, необходимо нести коллективную ответственность за сохранение человеческих жизней и человеческого достоинства», отметив, что ООН в своей деятельности по решению гуманитарных проблем «всегда опирается на совместные с Кувейтом действия, направленные на сохранение прочного мира, устойчивое развитие и повышение благосостояние людей во всем мире»⁴.

Кувейт в 2014 г. занял первое место в мире по доле средств, выделяемых из государственного бюджета на гуманитарные нужды. Его вклад составил 0,24% от ВВП, что значительно выше, чем у развитых индустриальных государств. Кувейтское участие в выполнении поставленных мировым сообществом задач по оказанию помощи устойчивому развитию развивающихся и слаборазвитых стран было очень существенным, так как он выделил на эти нужды 2,1% ВВП, т. е. в два раза больше, чем было согласовано на международном уровне⁵.

Внимание Кувейта к гуманитарным вопросам проявилось уже в первые годы после обретения политической независимости в 1961 г. Формирование его внешнеполитической стратегии происходило под воздействием угрозы суверенитету и независимости страны со стороны Ирака. 19 июня 1961 г. было денонсировано соглашение о протекторате Великобритании, подписанное между правителем Кувейта и британским правительством в 1899 г., и Кувейт стал независимым государством. Через шесть дней после объявления о независимости Ирак выдвинул претензии на Кувейт, считая его неотъемлемой частью своей территории и обосновывая эти претензии историческими причинами, не имевшими под собой никаких реальных оснований. Несмотря на то, что благодаря поддержке со стороны арабских государств и всего мирового сообщества в то время не удалось допустить агрессии против Кувейта, иракская угроза тем не менее сохранялась. Для того чтобы обеспечить национальную безопасность, Кувейт стал развивать отношения с различными государствами, прежде всего с соседними арабскими странами. Одним из важнейших направлений его внешнеполитической деятельности было предоставление им финансовой помощи.

Еще до получения независимости, в период после Второй мировой войны, когда Кувейт стал поставлять нефть на мировой рынок и возросли его финансовые возможности, он поставил перед собой цель упрочить отношения с соседними арабскими эмиратами зоны Персидского залива, которые по уровню своего социально-экономического развития значительно ему уступали. В 1952 г. в Кувейте

был создан Постоянный комитет помощи эмиратам Персидского залива и Южной Аравии. Эта была первая кувейтская организация, занимавшаяся вопросами оказания помощи другим странам. По линии комитета эмиратам Залива были предоставлены субсидии на развитие здравоохранения, социального обеспечения и создание системы образования. К 1965 г. на средства, предоставленные Комитетом, в этих странах были созданы школы, госпитали, клиники и ряд инфраструктурных объектов⁶.

В конце 1961 г. был создан Кувейтский фонд арабского экономического развития (КФАЭР) для оказания помощи арабским странам. Фонд предоставлял кредиты на льготных условиях для осуществления проектов развития. Это было первое учреждение подобного рода в арабском мире, и его деятельность сыграла важную роль в укреплении международного положения Кувейта.

Деятельность КФАЭР постоянно расширялась. Первоначально его капитал составлял 50 млн кувейтских динаров (58 млн фунтов стерлингов). В 1963 г. он был удвоен, через три года, в 1966 г., его вновь увеличили в два раза⁷. Хотя руководители Фонда подчеркивали его нейтральное, не определяемое политическими причинами отношение к странам – реципиентам кредитов, тем не менее задачи внешнеполитического характера во многом определяли его деятельность. Так, после смены в 1963 г. власти в Ираке КФАЭР предоставил новому правительству, установившему с Кувейтом дипломатические отношения и тем самым признавшему его независимость, беспроцентный заем в размере 84 млн долларов⁸. Подобные же займы были предоставлены Египту и Сирии, которые в то время были наиболее влиятельными арабскими государствами и могли встать на защиту Кувейта в случае изменения иракской политики и возобновления его претензий в отношении Кувейта.

После поражения арабских стран в июньской войне 1967 г. Кувейт был среди трех нефтедобывающих государств (наряду с Ливией и Саудовской Аравией), которые начали оказывать помощь арабским странам – участникам военных действий для ликвидации разрушительных последствий этой войны. Эти государства ежегодно выделяли на нужды Египта, Сирии и Иордании 135 млн фунтов стерлингов. При этом доля Кувейта была самой значительной – 55 млн, тогда как Саудовская Аравия вносила 50 млн, а Ливия – 30 млн⁹. Кувейт использовал финансовую помощь как важный инструмент для укрепления отношений с арабскими странами и повышения престижа на арабском геополитическом пространстве. Этому же способствовала его постоянная помощь палестинцам.

Палестинская проблема занимала центральное место в деятельности арабского сообщества, использовавшего ее для консолидации своих рядов. Оказание помощи палестинцам (представленных Организацией освобождения Палестины – ООП) рассматривалось как важнейший элемент арабской солидарности и вклад в защиту арабских интересов. Кувейт постоянно оказывал помощь в реализации палестинцами их национальных чаяний в различных формах и на различных этапах их истории. Одним из каналов ее было участие в деятельности организации ООН по помощи палестинским беженцам – the United Nations Relief and Work Agency for Palestinian Refugees.

После того, как ООП и Израиль подписали в 1993 г. соглашение в Осло, на основе которого была создана Палестинская национальная администрация (ПНА), Кувейт содействовал ее экономическому развитию и проведению реформ. В течение 2009–2014 гг. его помощь ПНА составила 200 млн долларов. Кроме того, Кувейт участвовал в программе Всемирного банка, направленной на развитие и проведение реформ в ПНА. Его вклад составил 50 млн долларов¹⁰.

После энергетического кризиса 1973–1974 гг. и значительного роста цен на нефть, что увеличило доходы Кувейта, КФАЭР расширил свою деятельность, став предоставлять кредиты и безвозмездную помощь не только арабским, но и всем развивающимся странам. Это способствовало укреплению международных позиций Кувейта. К 1974 г. капитал КФАЭР вырос в пять раз (с 200 млн до 1 млн кув. динаров). Займы предоставлялись, как правило, на 10–25 лет, включая льготный период от 1,5 до 10 лет, из расчета 2,5–5,5% годовых. Сумма займа не должна была превышать 10% уставного капитала и 50% стоимости финансируемого объекта¹¹. При выборе страны-реципиента принимались во внимание не только экономические факторы, такие как его платежеспособность, но также и политические обстоятельства, в частности занимаемое ею положение и заинтересованность Кувейта в укреплении отношений с этой страной для решения своих внешнеполитических задач. Так, после подписания Египтом в 1979 г. мирного договора с Израилем, который был осужден всеми арабскими странами, Кувейт прекратил предоставление ему финансовой помощи. С 1962 по 1985 г. КФАЭР предоставил 288 кредитов на сумму 1,3 млрд кув. динаров. Получателями были 64 страны, среди них 16 арабских стран, получивших 49,6% общей суммы кредитов¹². Кредиты предоставлялись на сооружение объектов в различных отраслях хозяйства: в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в связи, энергетике.

Кувейт стал и активным членом других арабских учреждений, занимавшихся предоставлением финансовой помощи: Арабского фонда экономического и социального развития, Арабского фонда помощи африканским странам, Арабского банка экономического развития стран Африки, Арабского валютного фонда. Вне всякого сомнения, оказание финансовой помощи помогло Кувейту занять прочное положение в арабском регионе и в развивающемся мире в целом.

После энергетического кризиса начала 1970-х годов произошло усиление роли «исламского фактора» во внешнеполитической стратегии Кувейта, поддержавшего идею экономической независимости стран мирового мусульманского сообщества. Основным средством для достижения этой цели он считал создание в мусульманских странах финансовых учреждений, таких как беспроцентные банки, страховые компании, общий валютный фонд, деятельность которых основывалась на принципах ислама. Кувейт оказывал финансовую поддержку мусульманским странам, участвовал в создании с ними совместных проектов. Он также предоставлял финансовую помощь мусульманским структурам как по линии специальной организации, созданной при министерстве иностранных дел – Постоянной комиссии по оказанию помощи мусульманским организациям за границей, так и по неправительственной линии.

Постоянная комиссия из года в год расширяла свою деятельность, выделяя средства на организацию исламского обучения в европейских и азиатских странах, а также в США и Канаде, строительство исламских центров, мечетей и мусульманских учебных заведений, оказывала благотворительную помощь мусульманским меньшинствам, проживавшим в немусульманских странах. Эта деятельность была усилена после «исламской революции» 1978–1979 гг. в Иране, которая привела к росту исламского экстремизма в регионе. Кувейт стремился противодействовать усилению исламского радикализма путем использования финансовой помощи как средства для усиления «исламского элемента» в своей внешнеполитической деятельности, направленной на поддержание стабильности.

Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Кувейт предоставил Ираку беспроцентные кредиты на сумму в 14 млрд долларов. Кроме того, он ежедневно продавал 200 тыс. баррелей нефти, выручка от которой поступала на счет Ирака¹³. Однако столь щедрая помощь не помешала Ираку в августе 1990 г. совершить агрессию против Кувейта. В то же время престиж, завоеванный Кувейтом

не в последнюю очередь тем, что он оказывал помощь социально-экономическому развитию арабских и других развивающихся стран, способствовал тому, что международное сообщество встало на защиту Кувейта, и иракские войска были вооруженным путем выдворены с его территории.

В период санкционного режима 1991–2003 гг., введенного после агрессии в отношении Кувейта, кувейтское правительство поддержало общеарабское решение об оказании гуманитарной помощи иракцам. В марте 2001 г. кувейтский министр иностранных дел шейх Сабах Аль-Ахмед, который возглавлял кувейтскую делегацию на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в Аммане, выразил солидарность со своими «арабскими братьями в их стремлении уменьшить страдания иракского народа»¹⁴. Кувейт поставлял в Ирак продовольствие, медикаменты и питьевую воду. Он помогал также создавать полевые госпитали для лечения раненых и больных. Кроме того, Кувейтское общество Красного Полумесяца создавало центры по оказанию медицинской помощи в демилитаризованной зоне на ирако-кувейтской границе.

Гуманитарная помощь со стороны Кувейта возросла в период после начала военной операции возглавленных США коалиционных сил в марте 2003 г., которая привела к падению режима Саддама Хусейна. После того как коалиционные войска вошли в иракский порт Умм Каср на побережье Персидского залива, кувейтская помощь стала поступать по морю во все города южного Ирака, а затем в Багдад и Мосул. Эта помощь значительно превышала помощь других стран мира.

Кувейт активно участвовал в гуманитарных программах, проводимых ООН. По данным ООН, за последнее десятилетие численность пострадавших в гуманитарных кризисах возросла почти в два раза¹⁵. Гуманитарные кризисы были вызваны длительными военными действиями на территории ряда стран. Кувейт участвовал в оказании гуманитарной помощи лицам, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов. Одним из этих конфликтов стала гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г.

В отношении кризиса в Сирии кувейтская власть разделяла позицию других арабских государств Залива, которые осуждали сирийский режим за применение силы против своих граждан, за уничтожение тысяч мирных жителей в том числе детей, женщин, стариков, за разрушение своей страны. Однако кувейтские официальные лица на протяжении всего времени развития этого кризиса обращали особое внимание на гуманитарную сторону сирийского вопроса.

В январе 2013 г. в Кувейте по инициативе ООН состоялась первая конференция доноров сирийского народа. Кувейтское правительство выделило 300 млн долларов на помощь сирийским беженцам¹⁶. Кроме того, помощь сирийским беженцам с первых дней гражданской войны оказывало Кувейтское общество Красного Полумесяца.

15 января 2014 г. в Кувейте состоялась вторая международная конференция доноров, оказывавших гуманитарную помощь сирийскому народу. Кувейт взял на себя организацию этого международного мероприятия по просьбе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна. Эмир Кувейта шейх Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах открыл конференцию, выступив с речью, в которой подчеркивал, что «отношение Кувейта [к положению в Сирии] стало неопровержимым свидетельством той исторической ответственности, которую испытывало кувейтское государство в отношении своих сирийских братьев, и его осознания масштабов катастрофы, которую они переживали, а также понимания необходимости объединить усилия всего мира для того, чтобы справиться с ней и уменьшить ее отрицательные последствия»¹⁷.

Говоря о побудительных мотивах, которые заставили руководство Кувейта провести у себя конференцию, призванную собрать средства для оказания гуманитарной помощи сирийскому народу, шейх Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах говорил: «Наша религия, наши ценности, наша гуманность потребовали от нас в этот горький момент, перед лицом этой разрушительной катастрофы настоячивых действий».

Глава кувейтского государства призвал все страны и все международные организации объединить усилия для оказания помощи сирийцам, выразив признательность кувейтскому народу, «откликнувшемуся на призыв» внести «вклад в сбор средств, направленных на оказание гуманитарной помощи сирийскому народу»¹⁸. Доля Кувейта в общей сумме гуманитарной помощи Сирии, составившей 2,4 млрд долларов, была самой значительной – 500 млн долларов. Эта сумма была собрана из государственных вложений, а также частных пожертвований. В сборе общественных средств участвовали благотворительные фонды, общественные организации, предприниматели¹⁹. В свою очередь, международные неправительственные организации предоставили 407 млн долларов, США 380 млн долларов, Саудовская Аравия 250 млн долларов, Европейский Союз 165 млн долларов, Великобритания 100 млн долларов, Япония 120 млн долларов, Катар 60 млн долларов, Дания 55 млн долларов, Швеция 35 млн долларов, Германия 30 млн дол-

ларов, Ирландия 16,3 млн долларов, Ирак 13 млн долларов, Оман 10 млн долларов, Финляндия 7 млн евро, Люксембург 5 млн евро, Южная Корея 5 млн долларов²⁰.

31 марта 2015 г. в Кувейте прошло третье совещание стран – доноров Сирии. Оно было организовано для сбора средств в пользу сирийских беженцев. Взнос Кувейта составил 500 млн долларов. В июне 2015 г. КФАЭР дополнительно выделил 100 млн долларов не только для поддержки сирийских беженцев, но и соседей Сирии, давших им приют²¹.

Кувейт принял активное участие в гуманитарной операции в Йемене, где шла гражданская война и ее население находилось на грани катастрофы из-за недостатка продуктов питания, лекарств и медицинской помощи. Кувейтское общество Красного Полумесяца организовало сбор средств для йеменцев, которые затем были потрачены на закупку гуманитарных грузов и отправку их в Йемен.

Кувейт был активным участником программы Всемирной организации здравоохранения по борьбе с инфекционными заболеваниями, получившими большое распространение в африканских странах. В 2012 г. в Лондоне было заключено соглашение о международном сотрудничестве по решению этой проблемы. Первый этап программы закончился в 2015 г. Кувейт внес за этот период 5 млн долларов для осуществления этой программы²².

Еще одним видом гуманитарной деятельности, в котором Кувейт принимал активное участие, была помощь странам, пострадавшим от природных катастроф. Вот некоторые примеры: в ноябре 2007 г. 10 млн долларов было выделено Бангладеш, пострадавшей от действия циклона, в 2011 г. в Японию было поставлено 5 млн сырой нефти стоимостью 500 млн долларов в качестве помощи после землетрясения и цунами²³.

Активное участие Кувейта в гуманитарной деятельности связано с теми задачами, которые были поставлены в его внешнеполитической стратегии. Помимо этого, необходимо принимать во внимание и такой фактор, как влияние исламских традиций, так как благотворительность является одной из основных обязанностей всех мусульман.

Кувейт не единственная среди арабских государств Персидского залива страна, оказывающая гуманитарную помощь. Другие малые государства этого региона также выделяют значительные средства на благотворительные цели. В ОАЭ этой деятельностью занимаются Фонд Абу-Даби по развитию, Фонд гуманитарных и благотворительных проектов шейха Зайеда и другие гуманитарные учреждения. Фонд гуманитарных и благотворительных проектов

шейха Зайеда был основан в 1992 г. Он занимается осуществлением проектов в области здравоохранения и образования и помощью странам, пострадавшим от стихийных бедствий. Общество Красного Полумесяца ОАЭ занимает одно из первых мест в мире по объему предоставляемой помощи, осуществляя проекты в сфере строительства детских приютов, лечебных центров, школ, мечетей, организации профессионально-технических курсов для бедных и безработных²⁴.

Активизация внимания на гуманитарных проблемах в целом стала господствующей тенденцией международных отношений в современную эпоху. Участие же малых государств в этой деятельности позволяет им завоевывать авторитет и признание со стороны мирового сообщества, ценностные ориентации которого претерпели изменения в сторону их общей гуманизации. Тем самым малые государства подтверждают свое стремление быть частью мирового сообщества и брать на себя посильный груз общемировых проблем. Оказание гуманитарной помощи способствует повышению их престижа и позволяет более успешно обеспечивать свои национальные интересы.

Примечания

- ¹ См.: *Crowards T.* Defining the category of “Small” States // *Journal of International Development*. 2002. March. Vol. 14. Issue 2. P. 143–179.
- ² Middle East Eye. Profile: What is the GCC? [Электронный ресурс] URL: <http://www.middleeasteye.net/news/profile-what-gcc-18030284>. 05.10.2015 (дата обращения: 10.10.2015).
- ³ Ас-Сундук. Кувейт. 2015. № 75. Октябрь–ноябрь. С. 1.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Аль-Китаб ас-санавий 1967 (Кувейтский ежегодник 1967 г.). Эль-Кувейт, 1967. С. 29.
- ⁷ *Mansfield P.* Kuwait: Vanguard of the Gulf. L.: Hutchinson Publ., 2012. P. 64.
- ⁸ *Ibid.* P. 66.
- ⁹ Текст опубликованных резолюций и рекомендаций, принятых Всеарабской конференцией на высшем уровне. Хартум, 1 сентября 1967 г. // Документальная история арабо-израильского конфликта. Н. Новгород, 1991. С. 86–87.
- ¹⁰ Kuwaiti humanitarian efforts of strong international impact – Social assistance service launched // *Kuwait Times*. 2016. July 11. [Электронный ресурс] URL: <http://news.kuwaittimes.net/website/kuwait-humanitarian-efforts-of-strong-international-impact-social-assistances-service-launched/> (дата обращения: 05.07.2016).

- ¹¹ *Исаев В.А.* Межарабское финансовое сотрудничество: некоторые итоги и проблемы // Арабские страны: нефть и дифференциация. М., 1984. С. 81.
- ¹² Шурака фи ат-танмийя (Партнеры развития). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kuwait-fund.org/ar/web/kfund/home> (дата обращения: 05.07.2016).
- ¹³ *Assiri Abdul-Reda.* The Government and Politics of Kuwait: Principles and Practices. Kuwait, 1996. P. 120.
- ¹⁴ His Highness Sheikh Sabah Al-Ahmed Al-Sabah. Determination and Achievement. Kuwait: Center for Research and Studies on Kuwait, 2008. P. 165.
- ¹⁵ Humanitarian Assistance. [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/tn/sections/priorities/humanitarian-assistance> (дата обращения: 15.03.2016)
- ¹⁶ Kuwaiti humanitarian efforts of strong international impact...
- ¹⁷ Муатамар альть-манихин фи Аль-Кувейт ятааххад 2,4 миллиар доллар ли даам аль-ляджиин ас-сурийин (Конференция доноров в Кувейте собрала 2,4 млрд долларов для помощи сирийским беженцам). Аш-Шарк Аль-Аусат. 2014. 15 янв. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?-section=4&article=757844&issueno=12833> (дата обращения: 20.01.2014).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ас-Сундук. Кувейт. 2015. № 75. С. 9.
- ²² Там же.
- ²³ Kuwaiti humanitarian efforts of strong international impact...
- ²⁴ United Arab Emirates 2009. L.: Trident Press, 2010. P. 52.

В.Д. Найман

Характер интеграционных процессов в ЕС и АСЕАН: сопоставительный анализ

Статья посвящена особенностям интеграционных процессов в Европейском союзе и АСЕАН. Проанализированы условия возникновения каждой из организаций, специфика их институционального устройства, а также роль государственных и негосударственных участников интеграции. Кроме того, кратко рассмотрены перспективы развития обеих группировок.

Ключевые слова: региональная интеграция; Европейский союз, АСЕАН, факторы развития интеграции.

В условиях интенсификации глобализации и растущей взаимозависимости различных частей земного шара, когда события, происходящие в отдельных государствах, затрагивают мировое сообщество в целом, страны активизируют и углубляют интеграционные процессы, создавая более прочные региональные структуры в целях обеспечения экономической и политической безопасности и повышения благосостояния населения.

Регионализация представляет собой формирование экономических, политических и культурных связей между странами на основе их географической близкорасположенности, способствуя развитию региональной интеграции, т. е. объединению государств для реализации общих интересов¹.

Несмотря на то что регионализация – общемировое явление, в разных регионах мира она идет по-разному. На сегодня наиболее успешным примером региональной интеграции можно считать Европейский союз, который достиг самого высокого уровня интеграции, пройдя стадии зоны свободной торговли, валютного союза,

общего рынка и выйдя на уровень политической интеграции – ЕОУС (1952 г.), ЕЭС (1957–1993 гг.), ЕС (с 1994 г. по настоящее время), поэтапно объединяя страны Западной, Южной, Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы (1973, 1981, 1986, 1995, 2004, 2007, 2013 гг.). Успехи ЕС, который, например, в настоящее время является лидером в мировой торговле (рис. 1), показали, что интеграция может способствовать решению региональных проблем и развитию государств. Поэтому многие развивающиеся страны решили пойти по этому пути, взяв модель ЕС за основу (например, МЕРКОСУР в Южной Америке, Африканский союз).

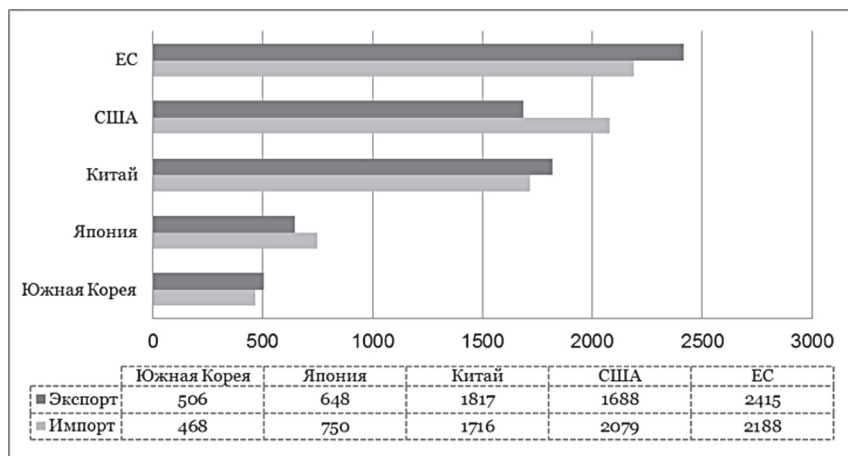

Рис. 1. Объемы торговли ЕС, США, Китая, Японии и Южной Кореи, млрд дол., 2013

Источник: EU Position in World Trade / European Commission.

[Электронный ресурс] URL:

<http://ec.europa.eu/trade/policy/eu-position-in-world-trade/>

(дата обращения: 25.03.2015)

Другим примером успешной интеграции является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Первоначально в ее состав вошли Сингапур, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд (с 1967 г.). Впоследствии эта региональная организация, как и ЕС, пережила несколько этапов расширения, когда к ней присоединились: Бруней (1984 г.), Вьетнам (1995 г.), Лаос, Мьянма (1997 г.) и Камбоджа (1999 г.). АСЕАН не развивается по модели ЕС, и нельзя

не заметить различия этих двух объединений. Например, различаются роль и состав участников интеграционного процесса (государств-участников, наднациональных институтов), его формат (АСЕАН не подразумевает политической интеграции). Однако АСЕАН также демонстрирует значительные достижения: такие страны – члены этой ассоциации, как Сингапур, Индонезия и Малайзия, перешли в число развитых государств и являются лидерами в Юго-Восточной Азии (ЮВА). На современном этапе интеграционная модель Европейского союза сталкивается с различными вызовами, возрастает уровень евроскептицизма, и многие эксперты рассматривают варианты изменения этой модели. В противовес европейской часто приводится азиатская модель интеграции и экономического развития в целом.

В данной статье мы проанализируем основные особенности интеграционных процессов обоих объединений, придерживаясь следующей схемы: условия начала интеграции, определяющие ее цели и характер; факторы, влияющие на развитие интеграционного процесса; ключевые участники процесса и их роль; перспективы интеграции.

Начало интеграционного процесса

Европейская интеграция развивалась в особых условиях, которые обеспечили ее успешность. Первые страны-участники находились на высоком уровне промышленного и экономического развития – даже после Второй мировой войны они сохраняли ведущие позиции в мировой экономике после Соединенных Штатов Америки. Кроме того, европейская интеграция изначально приобрела полицентричный характер². То есть существовало несколько стран-лидеров, отношения между которыми формировали политическую картину Европы. В первую очередь речь идет о Франции и Германии. Противоречия между этими государствами и их разрешение на протяжении нескольких десятилетий являлись одним из главных факторов международных отношений в Европе и хода европейского интеграционного процесса. Неудача Версальско-Вашингтонской системы международных отношений первой половины XX в. показала, что Европе нужна иная система международных отношений. Для того чтобы ликвидировать противоречия между давними противниками – Францией и Германией – и не допустить повторения военного конфликта в будущем, эти страны, предварительно урегулировав территориальные претензии, согласились

передать под международный совместный контроль стратегически важные отрасли – угольную и сталелитейную. В 1951 г. было образовано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)³.

Послевоенное тяжелое экономическое положение Европы также стало значимым фактором европейской интеграции. Период после Второй мировой войны требовал быстрого восстановления государств как политико-административных и экономических единиц. Обеспечить это восстановление и последующий экономический рост без взаимодействия с соседними странами было невозможно. В 1948 г. вступил в силу «план Маршалла», который предполагал предоставление кредитов от США для послевоенного восстановления при условии определенных политических изменений в европейских государствах. Так, например, США поставляли с 1948 по 1951 г. товары на льготных условиях, настаивая на создании в Европе международной организации и урегулировании франко-германских противоречий. Реализация этого плана угрожала европейским странам зависимостью от США.

Кроме того, после Второй мировой войны европейские государства потеряли свою силу метрополий, в ряде их колоний начали активно развиваться национально-освободительные движения. Напряженная ситуация в колониях привела к экономическим потерям метрополий.

В противовес «плану Маршалла» в Восточной (Центральной и Юго-Восточной) Европе в 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого СССР распространял свое экономическое и политическое влияние в регионе. Таким образом, страны Западной Европы оказались в зоне растущего влияния США, а Восточной – СССР.

Перечисленные факторы побудили государства Западной Европы пойти по пути интеграции. Изначально этот процесс определялся как сугубо экономическими, так и политическими целями.

Самым важным проявлением интеграции в Юго-Восточной Азии является взаимодействие в рамках АСЕАН, созданной 8 августа 1967 г. с приоритетной задачей «укрепления стабильности и обеспечения общего мирного национального развития»⁴. Необходимость формирования данной региональной группировки была вызвана непростой политической обстановкой в Юго-Восточной Азии в 1960-е годы – распространением влияния социалистических стран – СССР и Китая – на севере ЮВА, большим количеством вооруженных конфликтов, в первую очередь войной во Вьетнаме (1957–1975) и гражданскими войнами в Лаосе (1960–1973) и Камбодже (1967–1975), и вероятностью их распространения на юг

региона⁵. Участие США в войне во Вьетнаме грозило чрезмерным усилением США в Юго-Восточной Азии, поэтому главным мотивом создания АСЕАН стала потребность в политической консолидации стран для противостояния внешнему влиянию на процессы в ЮВА⁶.

Факторы, влияющие на развитие интеграции

Классическую интеграцию характеризует определенная схематичность и линейность движения от начальных ступеней (зоны свободной торговли, таможенного союза) к более высоким – экономическому и валютному союзам, а также институциональное оформление и интеграция в других областях – так называемый *spillover*-эффект, или эффект «переливания», который подразумевает, что успешная интеграция в одной отрасли приводит к постепенной интеграции в других отраслях⁷. Интересно отметить, что *spillover*-эффект происходит спонтанно, т. е. начавшись в экономике и доказав свою успешность, для развития этого успеха интеграционный процесс распространяется и на остальные сферы.

Уставные документы ЕС показывают, что изначально подразумевалось институциональное оформление и постепенное развитие не только экономической, но и политической интеграции. Уже *Римский договор 1957 г.* предполагал создание наднациональных институтов. Следующий важный документ – *Акт единой Европы 1986 г.* – охарактеризовал экономическую сферу как главный приоритет европейского сообщества и поставил целью оформление валютного союза. *Маастрихтский договор 1992 г.*, который и стал договором о Европейском союзе, закрепил так называемые три опоры ЕС: принципы сообщества, которые включают в себя вопросы экономической интеграции, институты и направления политики; совместную внешнюю политику; совместную политику в области правосудия⁸. Кроме того, договор утверждал создание Валютного союза и определял четкие условия вступления в него: темп инфляции должен быть не более 1,5%, дефицит государственного бюджета не должен превышать 3% от ВВП, государственный долг не должен превышать 60% ВВП, ставка процента не должна превышать 2%, национальная валюта должна обладать стабильным обменным курсом⁹. Важно отметить, что это единственный на сегодняшний день прецедент создания валютного союза.

Лиссабонский договор 2007 г. закрепил изменения, принятые после образования Европейского союза, а также утвердил три компетенции, разграничивающие области приоритетной

деятельности для институтов ЕС. Все направления политики разделяются на исключительную, совместную и поддерживающую компетенции. К исключительной компетенции относятся денежная политика, антимонопольное законодательство, общая торговая политика; к совместной компетенции – общая аграрная политика, миграционная политика, регулирование внутреннего рынка, транспортные вопросы, энергетическая политика, а также политика в области обороны; к дополнительной компетенции – промышленная и культурная политика, вопросы, связанные с образованием, туризмом.

Мировой опыт показывает, что усиление интеграционных тенденций обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, это увеличение объемов торговли между странами-участниками и потоков капитала. Во-вторых, потребность государств в равноправном участии в системе мировой торговли. Например, для новых индустриальных стран (НИС) и Японии в конце XX в. возникла угроза оказаться вне этой системы, поскольку правила, условия и форматы мировой торговли определены в рамках ГАТТ и ВТО под исключительно сильным влиянием ЕС и США. Опасения быть задвинутыми на второй план ведущими экономическими державами особенно характерны для государств АСЕАН, что побуждает их усиливать интеграционные процессы¹⁰. В-третьих, часто региональная интеграция – это ответ стран на какое-либо кризисное явление. Способствуя обеспечению экономического роста и приобретению конкурентных преимуществ, она помогает выйти из кризиса. Участие в интеграции позволяет также преодолеть и политические трудности¹¹.

В Европе мощным стимулом для ускорения интеграции послужил экономический кризис 1970-х годов. Он был вызван, во-первых, резким ростом цен на нефть (энергетический кризис 1973 г.), а во-вторых, сильной конкуренцией со стороны Японии, которая к тому моменту перешла к использованию экспортно ориентированной экономической модели, став прямым конкурентом ЕС. Кризис привел к серьезному экономическому спаду и росту цен в странах Евросоюза и, как следствие, появлению так называемого европессимизма, т. е. сомнения стран-участников в целесообразности более глубокой интеграции. Однако в конечном итоге для преодоления кризиса в Европейском союзе был взят курс на создание единого рынка, зафиксированный в Акте единой Европы¹².

В конце 1990-х годов страны АСЕАН также столкнулись с экономическим кризисом, оказавшись под угрозой быть подавленными Китаем и Индией, стремительно увеличившими темпы роста.

Азиатский кризис 1998 г. показал неспособность малых стран самостоятельно оказать противодействие его последствиям, таким как резкое падение экономического роста (рис. 2), и подтолкнул их правительства к интенсификации сотрудничества в экономической сфере.

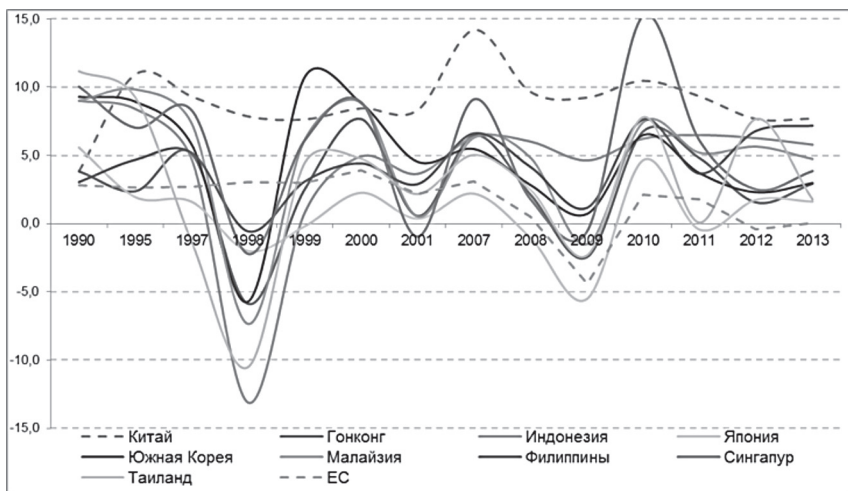

Рис. 2. Темпы прироста ВВП НИС, Японии и Китая, %

Источник: Data: GDP (current US\$). The World Bank. [Электронный ресурс] URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W-CN?display=default> (дата обращения: 25.03.2015)

Для преодоления кризисной ситуации страны АСЕАН стали двигаться в направлении углубления экономической интеграции. Еще в 1992 г. было принято решение о постепенном формировании зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА, АФТА)¹³. Азиатский экономический кризис 1998 г. заставил лидеров стран группировки ускорить этот процесс, а также пойти на создание инвестиционной зоны АСЕАН (АИА, АИА)¹⁴. Эти меры позволили странам выбраться из кризиса, обеспечив мощный приток прямых иностранных инвестиций.

Несмотря на то что углубление экономической интеграции в Западной Европе и Юго-Восточной Азии было вызвано схожими причинами, концепции экономических сообществ сильно

различаются. Общий европейский рынок предполагает обеспечение свободы передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, введение общего экономического законодательства и установление единого для всех стран-участниц внешнего тарифа. Экономическое сообщество АСЕАН, созданное в ноябре 2015 г., подразумевает свободное передвижение товаров, услуг, капитала, но при ограниченном перемещении трудовых ресурсов; оно не предполагает введение системы общих внешних тарифов для третьих стран¹⁵.

Участники интеграционного процесса и их роль

Заметно различаются уровень институционализации Европейского союза и АСЕАН, роль разных участников в интеграционном процессе, а также их происхождение. Европейская интеграция активно поддерживается частными корпорациями, которые по собственной инициативе создают специальные объединения для лоббирования своих интересов и стимулирования интеграции (например, Европейский круглый стол промышленников, в который входят главы крупнейших европейских корпораций). Кроме того, активное участие в евроинтеграции принимали и компании – нерезиденты ЕС. Такие корпорации, как “General Motors”, IBM, “Colgate-Palmolive”, “General Electric”, входят в состав Комиссии по делам торговли с США при Еврокомиссии (изначально это был совет при американской торговой палате в Бельгии). Эти компании были заинтересованы в либерализации экономики и углублении экономической интеграции в Европе. Еще один интересный случай показывает, что для разработки и принятия документов в рамках ЕС была важна роль не только государств-членов, но и корпораций. В конце 1980 – начале 1990-х годов на территории ЕС функционировало огромное количество международных банков, преимущественно американских. Однако в 1988 г. в Еврокомиссии возникла инициатива, известная как «Вторая банковская директива», по ограничению деятельности банков третьих стран на территории Европейского сообщества. Иностранные банки организовали группу сопротивления данной инициативе, сумев привлечь на свою сторону министра финансов Германии. В результате директива, ограничивающая банковскую деятельность на территории ЕС, распространилась только на организации, зарегистрированные в государствах – членах ЕС, но не в третьих странах.

В АСЕАН роль частных корпораций иная. Объединения крупных предпринимателей при секретариате Ассоциации созданы по инициативе лидеров государств. Участники этих объединений выбираются правительствами стран-членов.

Другой отличительной чертой АСЕАН является то, что в ней не предусмотрено делегирование полномочий государств на наднациональный уровень, как это происходит в ЕС с момента его основания. Таким образом, в АСЕАН на данном этапе не создаются мощные наднациональные институты, которые были бы способны взять под контроль процесс интеграции в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Важной особенностью АСЕАН является наличие механизма, который предусматривает переход к решению задач следующего уровня до завершения интеграционных мероприятий предыдущего уровня, что делает ее более гибкой и приспособленной к условиям глобализации. Следовательно, интеграционный процесс происходит более мягко, чем в ЕС. Кроме того, в АСЕАН допускается разноскоростное подключение к соглашениям, для участников возможны изъятия из положений, что также отличается от практики ЕС. К примеру, для стран CLMV (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам), как они именуется в официальных документах Ассоциации, предусматриваются более поздние сроки присоединения к соглашениям и внедрения изменений ввиду более низкого уровня развития этих государств по сравнению с другими членами АСЕАН¹⁶. В ЕС из-за разницы в уровне развития стран Западной и Центрально-Восточной Европы действует утвержденный список критериев (*Acquis Communautaire*), описывающий изменения, которые должны произойти в государствах, претендующих на вступление в Союз.

В отличие от ЕС, в АСЕАН не существует критериев и требований относительно уровня политической свободы и развития институциональной структуры в странах-участницах. Это в первую очередь связано с их политической неоднородностью. В рамках подобной модели сотрудничества, безусловно, ведущую роль играют воля и интерес государств-членов, а не наднациональные институты, как в Европейском союзе¹⁷. Отличается и система принятия решений: в АСЕАН используется принцип консенсуса¹⁸. Воздержавшиеся страны имеют право не участвовать во внедрении принятого решения либо подключиться к его реализации по мере готовности к его условиям. Поэтому нормой для АСЕАН остается разноскоростное привлечение государств к участию в многосторонних проектах, вплоть до приостановки выполнения достигнутых ранее коллективных договоренностей.

Перспективы интеграции

Перед ЕС и АСЕАН остро стоят вопросы о дальнейшем развитии интеграции. Основные сложности в Европейском союзе связаны с растущей ролью наднациональных институтов, что сокращает влияние стран-участниц, обладающих, однако, монополией на исполнение решений, принятых в ЕС.

Перспективы развития АСЕАН неоднозначны. Существует запрос на создание более крупного интеграционного объединения и предлагается несколько проектов и инициатив, которые предусматривают разную степень вовлеченности государств и их интеграции.

Прежде всего речь идет о формировании единого сообщества в Восточной Азии, однако неясно, какое государство или группа государств должны стать лидерами этого процесса. С одной стороны, это могут быть Япония и страны АСЕАН (на базе Сообщества АСЕАН – ASEAN Community), а с другой – на эту роль претендует Китай. Еще один интеграционный проект – Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – предусматривает вовлечение крупных вне-региональных участников, в первую очередь США. ТТП предполагает очень высокую степень интеграции и унификации, но при этом возможность вступления стран с разным уровнем развития и экономическим потенциалом, что может сделать этот проект невыгодным для участников и неэффективным. И наконец, проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства включает значительное число крупных игроков, но не предполагает следующего после создания общей зоны свободной торговли шага на пути интеграции.

Подводя итог, отметим, что несмотря на то что на сегодняшний день Европейский союз – самая развитая интеграционная группировка, ее модель не является единственно перспективной. Запрос на интеграцию в регионах Восточной и Юго-Восточной Азии с использованием модели государственного капитализма, которая позволяет странам не столь болезненно преодолевать кризисы и избежать недостатков либеральной экономики, может привести к созданию не менее успешного интеграционного объединения в Азии при условии решения таких вопросов, как выбор формата, числа участников и лидеров процесса, а также региональная стабильность и безопасность.

ЕС и АСЕАН начали свой путь к интеграции в различных условиях и с разной целью, также различаются механизмы и форматы взаимодействия в рамках этих группировок. Сегодня перед двумя объединениями стоят новые вызовы, которые

определят их будущее развитие. Так, например, экономический кризис, с 2011 г. распространяющийся в еврозоне и угрожающий стабильности экономики ЕС, миграционный кризис, повлекший за собой повышение уровня преступности и как результат рост евроскептицизма и опасений стран-участниц по поводу растущей роли наднациональных институтов, являются препятствиями для углубления европейской интеграции, которые государствам необходимо преодолевать. Перед АСЕАН в первую очередь стоит вопрос о пути дальнейшей интеграции. Вероятнее всего, это будет путь расширения, однако неясно, какое сообщество или государство станет ядром этого процесса.

Примечания

- ¹ *Воскресенский А.Д.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток – Запад – Россия: Сб. статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 131–144.
- ² Европейская интеграция: Учеб. / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 81–91; также см.: *Арах М.* Европейский союз. Видение политического объединения: Пер. со словенск. М.: Экономика, 1998. С. 35–86.
- ³ *Balmer S., Lequesne C.* The European Union and its Member States: An Overview // The European Union. Vol. 13. Oxford University Press, 2005. P. 4–6.
- ⁴ ASEAN Charter // ASEAN. [Электронный ресурс] URL: http://www.asean.org/storage/images/ASEAN_RTK_2014/ASEAN_Charter.pdf (дата обращения: 15.03.2015).
- ⁵ *Beeson M.* Developmentalism with Vietnamese Characteristics: The Persistence of State-led Development in East Asia // Journal of Contemporary Asia. 2012. Nov. Vol. 42. № 4. P. 541.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Olsen J.P.* The Many Faces of Europeanization // JCMS. 2002. Vol. 40. P. 921–924.
- ⁸ Treaty of Maastricht on European Union [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/legislation_summaries/institutional_affairs/treaties/treaties_maastricht_en.htm (дата обращения: 15.03.2015).
- ⁹ Maastricht Criteria. Reuters. Financial Glossary. [Электронный ресурс] URL: http://glossary.reuters.com/?title=Maastricht_Criteria (дата обращения: 15.03.2015).
- ¹⁰ *Целищев И.С.* Восточная Азия: Новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 94–98.
- ¹¹ *Yoshimatsu H.* Regional Integration and Business Interests: A Comparative Study of Europe and Southeast Asia // European Journal of East Asian Studies. 2007. Vol. 6. № 2. P. 217–218.

- ¹² *Balmer S., Lequesne C.* Op. cit. P. 1–5.
- ¹³ *Yoshimatsu H.* Op. cit. P. 219.
- ¹⁴ *Coen D., Richardson J.* Lobbying the European Union: Institutions, Actors and Policy. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 36.
- ¹⁵ Ibid. P. 220.
- ¹⁶ *Костюнина Г.М.* Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 40.
- ¹⁷ *Yoshimatsu H.* Op. cit. P. 230.
- ¹⁸ *Пахомова Л.Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. С. 242.

Влияние «сланцевой революции»
на энергетическую политику
Европейского союза и России
в начале XXI века

В данной статье автор анализирует феномен «сланцевой революции» и его влияние на современную энергетическую политику ЕС и РФ. Ключевое внимание при этом уделяется проблемам развития сланцевой газодобычи в Европе, существующим разногласиям по данным вопросам среди стран – членов ЕС, прямым и косвенным эффектам для российского энергетического экспорта в Европу.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, энергетическая политика, сланцевая революция.

В начале XXI в. одним из феноменов развития мировой энергетики стала так называемая сланцевая революция, связанная с промышленной разработкой сланцевых формаций¹. Эпицентром развития сланцевой газо- и нефтедобычи стал Североамериканский континент. Широкие эксперименты с нетрадиционными источниками углеводородов проводились в США и Канаде начиная с 1970-х годов. С 1990 по 2009 г. добыча сланцевого газа в США выросла в 8 раз (с 8 до 67 млрд м³), составив 11% совокупного потребления². В первом десятилетии XXI в. произошел качественный прорыв, обусловленный совпадением благоприятной внешней конъюнктуры и технологического прорыва в отрасли, связанного с применением горизонтального бурения и гидравлического разрыва пластов (далее – ГРП)³. В 2013 г. американская добыча сланцевого газа составила уже 319 млрд м³. Образовался локальный избыток газа, что привело к резкому падению цен на американском рынке.

Во втором десятилетии XXI в., вслед за бумом сланцевой газодобычи, в США началась «сланцевая революция» в нефтедобыче.

Ее темпы превосходили самые оптимистические ожидания, что стало абсолютной неожиданностью для большинства экспертов. Так, до 2010 г. сланцевая нефть практически не учитывалась в прогнозах Международного энергетического агентства (далее – МЭА), в 2011 г. в расчетах приводились объемы добычи 1,5 млн баррелей в сутки к 2020 г.⁴ Лишь в 2012–2013 гг. стал ясен реальный масштаб изменений. Добыча сланцевой нефти выросла с 8 млн тонн (2007 г.) до 100 млн тонн (2012 г.)⁵. К концу 2012 г. на сланцевых залежах США и соседней Канады было пробурено 110 тыс. скважин, а во всех остальных странах, вместе взятых – лишь 200⁶.

Дополнительным фактором, усилившим влияние «сланцевой революции» в мировом масштабе, стали процессы глобализации газового рынка. Распространение технологий сжиженного природного газа (далее – СПГ) создало возможность транспортировки газа в любую точку земного шара. В результате изолированные локальные газовые рынки стали быстро приобретать глобальный характер⁷. Столкнувшись с затовариванием на рынке США, американские транснациональные корпорации (далее – ТНК) приступили к интенсивному строительству терминалов для экспорта СПГ в Европу и Азию.

В сложившихся условиях экспорт «сланцевой революции» в Европу стал одной из основных внешнеполитических задач США – в полном соответствии с американским подходом к пониманию энергетической безопасности как глобального явления⁸. Для американского бизнеса открывалась очевидная возможность с помощью сланцевого газа и технологий СПГ проникнуть и закрепиться на европейском рынке. Однако для этого требовалось вытеснить с него российский «Газпром». Поскольку сделать это рыночными методами было невозможно, упор был сделан на применение политических средств. В частности, США стали предпринимать настойчивые попытки включить энергобезопасность в систему безопасности НАТО. Сланцевая тематика активно продвигалась и лоббировалась США в их энергодиалоге с ЕС.

Благоприятным фоном для продвижения идей «сланцевой революции» стала развернувшаяся в Европе в 2006–2007 гг. дискуссия о «чрезмерной» зависимости от российских углеводородов. В этих условиях четко проявилась позиция ряда европейских стран, активно поддерживаемых США, о необходимости поиска путей для снижения этой зависимости⁹. Наряду с обсуждением вариантов диверсификации поставок за счет третьих стран, рассматривалась возможность пойти по американскому пути и начать разработку европейских запасов сланцевого газа.

Первоначально значительный энтузиазм по поводу перспектив «сланцевой революции» выразил ряд стран Восточной Европы. Ведущим лоббистом при этом выступала Польша. К маю 2010 г. польское министерство окружающей среды выдало 58 концессий на геологоразведку сланцевого газа. При этом разброс оценок потенциально доступных объемов сланцевого газа колебался в пределах 1,5–5,3 трлн м³, что выводило Польшу на 1-е место в Европе по запасам нетрадиционного газа (до 29% общих запасов ЕС)¹⁰.

Политическое руководство страны придавало важное значение сланцевым проектам, видя в них прежде всего инструмент ослабления энергетической зависимости от России. По словам министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, «добыча сланцевого газа в Европе может изменить ее энергетическую парадигму... Существует возможность того, что через 10–15 лет мы можем стать еще одной Норвегией»¹¹. Энтузиазм политиков разделяло в тот период польское экспертное сообщество: «Польша начинает представлять для России энергетическую угрозу. У нас есть шанс утратить нос российским интересам, так как наши инициативы, в том числе по сланцевому газу, могут неприятно отразиться на бюджете Москвы»¹². С 2011 г. в Польше развернулась активная кампания по обработке общественного мнения в пользу сланцевого газа. На высшем политическом уровне декларировались планы инвестировать в польские сланцевые проекты 17 млрд долларов до 2020 г. Во второй половине 2011 г. Польша, используя свое председательство в ЕС, пыталась придать сланцевой добыче статус общеевропейского проекта¹³.

Однако вскоре стало очевидно, что «сланцевый бум» в Польше не состоится. После ряда переоценок в июле 2012 г. американская геологическая служба USGS оценила вероятные запасы польского сланцевого газа всего в 36 млрд м³. На декабрь 2013 г. была пробурена 51 разведывательная скважина. Результаты геологоразведки показали, что средняя глубина залегающих газов составляет в среднем 4000 м против 1500 м в США, что приводило к резкому увеличению затрат на добычу. Компании «Еххон», «Marathon Oil» и другие поспешно свертывали свои польские проекты. По данным польской ассоциации разведочной и добывающей промышленности (ORPPw), темпы бурения замедлились настолько, что польская программа разведки сланцевого газа может затянуться до 2037 г.¹⁴

Наряду с Польшей заметный интерес к сланцевым проектам высказывал ряд других стран Восточной Европы, в наибольшей степени озабоченных зависимостью от российского газового импорта. Соответствующие планы выдвигало правительство Болгарии, од-

нако в январе 2012 г. парламент страны принял бессрочный запрет на изыскания и добычу сланцевого газа¹⁵. В 2012–2013 гг. предпринимались попытки организовать тендер на поиск сланцевого газа в Литве. Единственный участник – компания “Chevron” – в конце концов отказалась от участия в проекте из-за бюрократических препон и отсутствия четко разработанных правил. В 2013 г. планы собственной добычи сланцевого газа анонсировала Румыния¹⁶.

На фоне Восточной Европы отношение правительств и общественного мнения западноевропейских государств к «сланцевой революции» выглядело скорее негативным. Здесь развернулось мощное протестное движение против добычи сланцевого газа, возглавляемое «зелеными» организациями. Их активисты выдвигали аргументы экологического характера. В частности, опасения у них вызывали неизбежное загрязнение грунтовых вод, водоемкость процесса добычи, влияние гидроразрыва на чистоту воздуха и опасения того, что он может провоцировать локальные землетрясения. Отмечалось, что разработка сланцевого газа несет риски для окружающей среды и здоровья людей, сопровождается значительными выбросами углекислого газа в атмосферу. Подчеркивалось, что сланцевый газ не может рассматриваться как «зеленое топливо». Развитие добычи сланцевого газа продлит выработку энергии из ископаемого топлива в Европе и замедлит переход к безуглеродной энергетике на 25–40 лет¹⁷.

За экологическими доводами стояли интересы бизнес-кругов, ориентированных на продвижение возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Сторонники «зеленой энергетики» опасались того, что падение цен в результате роста добычи газа из сланцев может стать угрозой жизнеспособности «низкоуглеродной альтернативы» и оказать давление на правительственные программы по ее поддержке. По утверждению главного экономиста МЭА Ф. Бирола, «падение цен на газ вследствие развития сланцевой добычи окажет сильное давление на правительства и заставит их пересмотреть политику в области поддержки ВИЭ»¹⁸. Таким образом, сланцевые проекты вступали в конкуренцию с программами развития ВИЭ.

В июне 2011 г. Франция стала первой европейской страной, законодательно запретившей использование гидроразрыва пласта при добыче природного газа. При этом страна на тот момент располагала крупнейшими прогнозными запасами сланцевого газа в Европе (28% от общих показателей ЕС в 2010 г.) Вслед за Францией аналогичные решения в 2011–2012 гг. приняли Болгария, Великобритания, Дания, Чехия. В Германии мораторий

на операции гидроразрыва был введен на региональном уровне¹⁹. Большинство же европейских государств предпочли занять выжидательную позицию.

Разногласия по вопросу о сланцевом газе ярко проявлялись в деятельности руководящих органов ЕС. Так, в феврале 2011 г. Еврокомиссия выступила с информационным сообщением, направленным на поддержку добычи сланцевого газа в ЕС. Напротив, Комитет Европарламента по окружающей среде в июне 2011 г. выступил с предупреждением о том, что «...инвестиции в проекты сланцевого газа могут оказать контрпродуктивное воздействие на газоснабжение. Потребители получают неверный сигнал и откажутся от экономии энергии и поиска эффективных способов замещения газа»²⁰. Парламентарии подчеркивали, что использование сланцевого газа будет противоречить целям ЕС по сокращению к 2050 г. выбросов парниковых газов на 80–95% по сравнению с показателями 1990 г.

Новая волна дискуссий о необходимости распространения на Европу американской «сланцевой революции» пришла на 2014 г. Во многом она стала порождением политической напряженности в отношениях ЕС и России, возникшей из-за событий вокруг Украины. В этот период в поддержку сланцевой добычи решительно выступило политическое руководство Великобритании. Как отмечалось в западной прессе, «с тех пор, как российские силы захватили Крым, британский премьер-министр возглавил хор политиков-консерваторов и глав энергетических компаний, требующих положить начало сланцевой революции в Европе»²¹.

В июле 2014 г. власти Великобритании отменили ранее принятый запрет на добычу сланцевого газа на территории страны. К этому времени доказанные ресурсы газа на территории страны (в основном сконцентрированные в гигантском месторождении «Боулэнд») превысили 4 трлн м³, что поставило Великобританию на 1-е место в Европе по объему запасов. Согласно заявлению премьер-министра Д. Кэмерона, «долг Великобритании – заниматься гидроразрывом пласта. Получение энергонезависимости от России должно быть политической задачей первого порядка»²².

Несмотря на громкие политические заявления, к концу 2014 г. стало очевидно, что «сланцевая революция» в Европе откладывается на неопределенный срок. Причиной тому был целый комплекс объективных факторов. По мнению отечественного эксперта И. Сейфульмулюкова, «ни у одной страны за пределами Северной Америки пока нет технологий, парка буровых установок, инфраструктуры, штата квалифицированных специалистов для массовой

промышленной разработки сланцевых залежей»²³. Другой исследователь, Н. Симония, указывал на принципиальное различие экономических моделей и географическо-демографических условий в Америке и Старом Свете. В Европе отсутствовала частная собственность на природные ресурсы, действовало более жесткое природоохранное законодательство²⁴. Существенные ограничения проистекали и из европейского менталитета, образно переданного журналом “The Economist”: «У американских землевладельцев при виде бурения появляются в глазах долларовые знаки, а европейцы видят только большой и ужасный бур»²⁵.

К 2015 г. политическое руководство Европейского союза фактически перестало рассматривать добычу сланцевого газа в качестве реальной перспективы. Исключение составляли совместные проекты со странами – соседями ЕС, в частности с Украиной и Алжиром. Подготовка к освоению сланцевых месторождений на Украине велась в 2012–2013 гг., однако была прервана в результате начала гражданской войны, охватившей восток страны²⁶.

В Алжире, занимавшем 4-е место в мире по запасам сланцевого газа, в 2013 г. был принят законопроект о приоритетном развитии нетрадиционных источников углеводородов. В мае 2014 г. правительство страны разрешило разведку и разработку сланцевого газа. Данное решение было принято при мощном лоббировании США, использовавших «алжирскую карту» для воздействия на позиции ЕС и РФ²⁷. В разработке пояса сланцевого газа в алжирской Сахаре активное участие готовились принять американские и западноевропейские компании. Вместе с тем эксперты указывали на наличие значительной внутренней оппозиции сланцевому газу в алжирском обществе. Первые же попытки начать пробное бурение в конце декабря 2014 г. спровоцировали массовые манифестации протеста²⁸. В условиях нестабильной внутривластной ситуации сланцевый проект в Алжире может обернуться «сланцевой революцией» для правящего режима А. Бутефлики²⁹.

Гипотетическая возможность развертывания сланцевой газодобычи в 2013–2014 гг. оставалась важным риторическим аргументам в переговорах по цене на газ с Россией. На это, в частности, недвусмысленно указывал энергокомиссар ЕС Г. Эттингер: «Чрезмерная дороговизна российского трубопроводного газа ведет к нашей деиндустриализации. Необходимо дать шанс нашему сланцевому газу. Только диверсификация поставщиков и *перспектива* добычи сланцевого газа заставят русских и дальше ослаблять привязку газовых цен к нефтяным. Сохраните опцию, нервирующую Путина!»³⁰.

На фоне бурных дискуссий в Европе отношение к «сланцевой революции» в России первоначально оказалось весьма сдержанным. Недооценка потенциала освоения сланцевых формаций привела к попыткам игнорировать этот опыт. Тем не менее в 2011–2013 гг. намечались перспективы совместного освоения российских сланцевых газовых месторождений с участием западных ТНК. Среди наиболее масштабных проектов эксперты выделяли сотрудничество «Роснефти» и «Exxon Mobil» с целью освоения масштабных залежей сланцевого газа в Сибири. Заинтересованность в данном проекте выказывали также “Statoil” и “Eni”. С учетом огромной ресурсной базы в среднесрочной перспективе в этот проект могло быть вложено свыше 500 млрд долларов³¹.

Бум сланцевой нефтедобычи с началом второго десятилетия XXI в. вызвал более ярко выраженный интерес у российских компаний. В этом отношении необходимо указать на опыт «Сургутнефтегаза», осуществлявшего добычу сланцевой нефти с начала 1960-х годов.³² Именно Россия являлась обладателем самых больших запасов сланцевых углеводородов в мире, оцениваемых в 22% мировых. Крупнейший природный резервуар сланцевой нефти в России и мире – Баженовская свита³³. Однако консерватизм российских властей и крупного бизнеса длительное время ограничивал использование этого потенциала. Российские нефтегазовые компании продолжали ориентироваться на опыт добычи традиционных углеводородов. В новых условиях американский опыт мог быть применен для разработки Баженовской свиты, состав пород которой аналогичен разрабатываемым в США месторождениям Баккен и Барнетт³⁴. Соответствующие переговоры к 2014 г. велись с рядом американских и европейских компаний. Однако геополитические события, связанные с событиями на Украине, заморозили эту ситуацию на неопределенный срок.

Несмотря на то, что технологии сланцевой добычи углеводородов не получили широкого применения за пределами Североамериканского континента, начиная с 2014 г. стал ощущаться глобальный эффект от их применения. В условиях глобализации мировых рынков бурный рост производства сланцевой нефти и газа в США привел к дестабилизации мировых цен. Эта возможность заранее предсказывалась наиболее проницательными исследователями. Как указывал, например, отечественный эксперт И. Сейфульмулюков: «Относительная стабильность цен на нефть в 2011–2013 гг. – результат сложения нескольких раз-

нонаправленных факторов... Каждый из них по отдельности мог бы нарушить сложившийся баланс спроса и предложения, но в совокупности они взаимно нейтрализовали друг друга. В 2014 г. растущие объемы нефтедобычи в США могут создать избыток предложения, который уже не будет компенсирован геополитической напряженностью. Возникнет угроза некоторого снижения цен на нефть»³⁵.

По мере разрастания «сланцевого бума» в Америке давление на нефтяные цены росло. Параллельно по мере отработки промышленных технологий добычи снижались ее издержки. В 2013 г. средний безубыточный уровень добычи сланцевой нефти в США составлял 70 долларов за баррель, в 2014 г. он сократился уже до 57 долларов. По оценкам специалистов, отрасль имела значительный потенциал для дальнейшего сокращения расходов за счет развития технологий, улучшения планирования и логистики, а также оптимизации отношений с поставщиками³⁶.

Закономерным результатом нарушения баланса спроса и предложения нефти на мировом рынке стало резкое падение цен во втором полугодии 2014 г. со 110 до 60 долларов за баррель. В свою очередь, это оказало комплексное воздействие на европейскую энергетику. С одной стороны, окончательно был поставлен крест на гипотетической возможности реализации сланцевых проектов в ЕС на ближайшую перспективу³⁷. С другой стороны, обрушение цен на углеводороды значительно снизило рентабельность европейской «зеленой энергетики». Для России наибольшее значение имело падение экспортных доходов, имеющих решающее значение для наполнения госбюджета.

Таким образом, можно констатировать, что влияние «сланцевой революции» на разработку запасов нетрадиционных углеводородов в Европе и России в начале XXI в. оказалось достаточно ограниченным. Несмотря на усилия США, поддержанные рядом европейских стран (прежде всего Польшей и Великобританией), технологии сланцевой газодобычи не получили широкого применения в ЕС. В то же время косвенные последствия американской «сланцевой революции», оказались весьма значительными. Бурный рост сланцевой нефтедобычи стал одной из причин резкого падения цен на нефть в 2014 г. В свою очередь, это привело к значительному снижению экспортных доходов РФ и оказало существенное воздействие на современные российско-европейские энергетические отношения.

- 1 В англоязычной литературе геологические структуры сланцевой нефти и газа называются «сланцевыми формациями» (shale formations) или просто «сланцами» (shales), а в качестве объекта разработки их называют термином shale plays. В отечественной терминологии близкий эквивалент – свита (например, Баженовская свита). См.: *Сейфульмулюков И.А.* «Сланцевая революция» в США и перестройка мирового рынка нефти. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 8.
- 2 *Воробьев А.Е., Болотова А.Б., Нарожный И.М.* Сланцевый газ: инновационные технологии добычи. М.: РУДН, 2012. С. 15.
- 3 *Шадурский А.В.* Роль глобализации энергетических отношений в формировании газовой политики Европейского союза: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. С. 12.
- 4 *Сейфульмулюков И.А.* Указ. соч. С. 65.
- 5 *Макаров А., Галкина А., Грушевенко Е.* Перспективы мировой энергетики до 2040 г. // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 1. С. 15.
- 6 *Сейфульмулюков И.А.* Указ. соч. С. 75.
- 7 *Березной А.* Глобальные нефтегазовые корпорации в меняющемся мире // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 5. С. 4.
- 8 *Шадурский А.В.* Указ. соч. С. 12.
- 9 *Шумилин А.И.* Энергетическая стратегия России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. М.: Междунар. отношения, 2008. С. 148–150.
- 10 Сланцевый газ. Нетрадиционный и ненужный: аргументы против. С. 6. [Электронный ресурс] URL: http://www.russian-greens.ru/sites/default/files/foee_shale_gas_ru_web_4.pdf (дата обращения: 14.11.2015).
- 11 *Собчик М.* Американские компании рассчитывают на сланцевый газ из Польши [Электронный ресурс] URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20100409/159142360.html> (дата обращения: 15.11.2015).
- 12 *Талага А.* Газпромовский жук. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/poland/20120724/195392265.html> (дата обращения: 23.11.2015).
- 13 “Poland takes lead as EU’s shale gas promoter”. [Электронный ресурс] URL: <http://www.euractiv.com/en/energy/poland-takes-lead-eu-shale-gas-promoter-news-504629> (дата обращения: 9.11.2015).
- 14 *Лактионов А.* Диверсификация по-польски: газовые альтернативы Польши. [Электронный ресурс] URL: <http://news.finance.ua/ru/news/-/313829> (дата обращения: 28.11.2015).
- 15 Парламент Болгарии наложил бессрочный запрет на изыскания и добычу сланцевого газа. [Электронный ресурс] URL: <http://bulgaria-today.ru/news/eco/parlament-bolgarii-nalozhil-bessrochn.html> (дата обращения: 12.11.2015).
- 16 *Кавана М.* Сланцевый газ в Европе разочаровал инвесторов. [Электронный ресурс] // URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/11293421/v_evrope_slozhno_povtorit_amerikanskuyu_slancevuyu (дата обращения 18.11.2015).

- ¹⁷ *Romm J.* Bombshell Study: High Methane Emissions Measured Over Gas Field “May Offset Climate Benefits of Natural Gas”. [Электронный ресурс] URL: <http://www.thinkprogress.org/climate/2012/02/08/421588/high-methane-emissions-measuredover-gasfield-offset-climate-benefits-of-natural-gasquot> (дата обращения: 7.11.2015).
- ¹⁸ Сланцевый газ...
- ¹⁹ Соответствующее решение в октябре 2011 г. приняло правительство федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия. См.: German Government to Oppose Fracking. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/germany-rejects-fracking-to-tap-natural-gas-a-831764-druck.html> (дата обращения: 5.11.2015).
- ²⁰ Сланцевый газ...
- ²¹ *Бекмагамбетова Д.* Европу призывают обратиться к фрекингу. [Электронный ресурс] URL: http://www.kursiv.kz/news/details/kompanii/evropu_prizyvayut_obratitsya_k_frekingu_the_washington_post (дата обращения: 16.11.2015).
- ²² *Бекмагамбетова Д.* Указ. соч. Европу призывают обратиться к фрекингу. [Электронный ресурс] // URL: http://www.kursiv.kz/news/details/kompanii/evropu_prizyvayut_obratitsya_k_frekingu_the_washington_post (дата обращения: 16.11.2015).
- ²³ *Сейфульмулюков И.А.* Указ. соч. С. 76.
- ²⁴ *Симония Н.* «Революция сланцевого газа»: мифы и реалии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 12. С. 11.
- ²⁵ *Симония Н.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁶ В сентябре 2013 г. правительство Украины заключило соглашение с корпорацией Shell, предусматривавшее налаживание промышленной добычи сланцевого газа к концу 2014 г. См.: Украина и Shell подписали соглашение о начале освоения Юзовского месторождения. [Электронный ресурс] URL: <http://mignews.com.ua/biznes/237524.html> (дата обращения 2.11.2015).
- ²⁷ *Балмасов С.* Сланцевая революция по-алжирски. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vz.ru/opinions/2014/6/20/692021.html> (дата обращения: 12.11.2015).
- ²⁸ В Алжире продолжают протесты против добычи сланцевого газа. [Электронный ресурс] URL: <http://www.neftegaz.ru/news/view/133658> (дата обращения: 12.11.2015).
- ²⁹ *Балмасов С.* Сланцевая революция по-алжирски. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vz.ru/opinions/2014/6/20/692021.html> (дата обращения: 12.11.2015).
- ³⁰ Почему Гюнтер Эттингер призывает сохранить опцию, нервную Путину. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dw.de/почему-гюнтер-эттингер-призывает-сохранить-опцию-нервную-путину/a-17069314> (дата обращения: 13.11.2015).
- ³¹ *Глухарева Е.К.* Нефтегазовые компании России и энергетическая безопасность // *Нефть, газ и бизнес.* 2013. № 11. С. 32.

- ³² При этом необходимо отметить, что промышленная добыча сланцевой нефти впервые началась в СССР в 1960-е годы. С начала 1960-х годов накопленная добыча составила 13,3 млн тонн, за это время было пробурено более 600 скважин для добычи нефти из сланцев. В 2009–2013 гг. «Сургутнефтегаз» добывал в среднем 500 тыс. тонн сланцевой нефти. См.: *Шпильман А.В.* Новые задачи геолого-разведочных работ в Западной Сибири в XXI веке. Ханты-Мансийск: Тюменский дом печати, 2013. С. 34.
- ³³ Баженовская свита занимает площадь более 1 млн км². Оценки геологических ресурсов варьируются от 140 до 270 млрд тонн. Добыча традиционными методами позволяет извлечь лишь 3–5% доступных ресурсов. Технологии термогазового воздействия могут увеличить этот показатель до 30–40%. Потенциал добычи сланцевой нефти из Баженовской свиты оценивается в 15–20 млн тонн к 2020 г. и 70 млн тонн к 2030 г. См.: *Сейфульмулюков И.А.* Указ. соч. С. 100.
- ³⁴ *Дюльдев А.А.* Перспективы нефтегазодобычи в России // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 8. С. 7–8.
- ³⁵ *Сейфульмулюков И.А.* Указ. соч. С. 120.
- ³⁶ Производители сланцевой нефти в США за год снизили стоимость добычи почти на 20%. [Электронный ресурс] URL: <http://neftegaz.ru/news/view/131566> (дата обращения: 17.11.2015).
- ³⁷ *Топалов А.* Сланцевая революция захлебнулась. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/11/17/6304541.shtml>. (дата обращения: 18.11.2015).

А.А. Сергеева

«Пять мостов»,
осуществляющих работу в КНР
по взаимодействию
с зарубежными соотечественниками

Статья посвящена основным государственным институтам и структурам в Китае, отвечающим за работу с зарубежными соотечественниками. Особое внимание уделяется механизму взаимодействия с *хуацяо* в качестве проводников национальных интересов.

Ключевые слова: Китай и зарубежные соотечественники, диаспора, *хуацяо*, выработка государственной политики.

Миграционный исход китайцев и создание диаспор начались задолго до XX в. Страну покидали жители Южного Китая еще в XIV–XVI вв. в поисках лучшей доли, другая часть китайцев выезжала нелегальным путем на колониальные плантации в XIX в., многие бежали от революции, гражданских войн и голода уже в XX в. Наконец, большой поток пришелся на период «реформ и открытости». Для взаимодействия с зарубежными соотечественниками правительству Китая необходимо было выработать законодательные нормы, регулировать таможенные правила в связи с интенсификацией потока миграции, определять свою позицию по правовому статусу реэмигрантов и родственников зарубежных китайцев на территории КНР.

С этой целью в КНР было создано большое количество государственных и общественных структур, занимающихся делами зарубежных соотечественников, приняты законы и другие правовые акты, обеспечивающие их права и привилегированное по сравнению с гражданами КНР положение, закрепленное в Конституции. Прежде всего необходимо пояснить, кого подразумевают в КНР под определением «зарубежные соотечественники»,

«зарубежные китайцы», «диаспора». Жителей Сянгана, Аомэня и Тайваня в КНР официально называют «соотечественниками», «согражданами» (*тунбао*).

Существует еще один термин «соотечественники» – *цяобао*, что переводится как «соотечественники, проживающие за границей, братья-эмигранты»¹.

Этот термин часто применяется в эмоциональном смысле для обозначения более тесных связей со всеми заморскими китайцами (хотя речь должна идти прежде всего о гражданах КНР и Тайваня). Этнические китайцы, проживающие в других странах, делятся на несколько категорий: *хуацяо* – «китайский гражданин, постоянно проживающий за границей и имеющий гражданство КНР». *Вайцзи хуажэнь* (сокращенная форма – *хуажэнь*) – это *хуацяо* или их потомки, принявшие иностранное гражданство и в силу этого автоматически утратившие китайское гражданство, иностранцы китайского происхождения. *Гуйцяо* – это реэмигранты или репатрианты, *цяоцзюань*² – родственники *гуйцяо* и *хуацяо* в КНР.

Словосочетание *хуацяо хуажэнь* означает «китайские эмигранты в совокупности, как граждане Китая, так и иностранные граждане»; *хайвай хуажэнь* – «заморские», зарубежные китайцы, независимо от гражданства. Среди зарубежных китайцев этнических китайцев с иностранным гражданством (*хайвай хуажэнь*) намного больше, чем *хуацяо*, т. е. граждан КНР. В число зарубежных китайцев входят и китайские студенты (специалисты), обучающиеся (работающие) за границей. Политика Пекина в отношении китайской диаспоры также охватывает китайцев, получивших заграничное образование и работающих в Китае в качестве иностранных специалистов. Эту категорию называют *хайгуй*, *хайсин* или *хайсянь*.

Все эти определения были приняты примерно с конца 1990-х годов в официальных и полуофициальных текстах. В работах, относящихся к более раннему периоду, можно встретить менее строгое употребление того или иного из названных терминов. Зачастую всех зарубежных китайцев называли *хуацяо* или *хайвай тунбао* (соотечественники за рубежом)³.

В 1980-е годы продолжалось формирование системы государственных органов, ведающих делами *хуацяо* и зарубежных китайцев. Основным органом в этой системе является Канцелярия *хуацяо* при Госсовете КНР, в функции которой входит не только разработка и реализация национальной политики в отношении зарубежных соотечественников, контроль за ее исполнением, обеспечение единого планирования и координации деятельности

органов власти и общественных организаций, занимающихся работой с зарубежными соотечественниками, но и формирование отраслевых программ работы с *хуацяо* (например «Зарубежные таланты на службе Родине»), а также организация площадок для работы с *хуацяо* (Всемирный форум этнических китайцев, всемирные конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев, Конференция по сотрудничеству и обмену зарубежных китайских компаний в сфере науки и инноваций и др.).

В ведении Канцелярии находятся несколько учебных заведений для организации обучения детей зарубежных китайцев (Пекинский институт китайского языка и литературы, Университет хуацяо, Цзинаньский университет), а также издательство «Голос хуацяо» и другие новостные издательства⁴.

Функции Канцелярии на местах осуществляют местные провинциальные управления по делам хуацяо, которые последовательно проводят в жизнь все законодательные акты в отношении зарубежных соотечественников, реэмигрантов и родственников-*цяоцзюань*, контролируют их реализацию, разрабатывают проекты местных законов и правил проведения этой политики, выдвигают инициативы по привлечению капиталов и специалистов из среды *хуацяо*, создают площадки для общения, обмена опытом и взаимодействия государственных органов с *хуацяо* и реэмигрантами, формируют условия для ведения бизнеса зарубежных соотечественников в КНР. Провинциальные управления также занимаются решением текущих вопросов (в том числе социальных вопросов: открытие школ, больниц в местах компактного проживания реэмигрантов, осуществление благотворительной деятельности), организуют различные культурные мероприятия для зарубежных китайцев и реэмигрантов как в Китае, так и за рубежом.

В 1983 г. при Постоянном комитете Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) был образован Комитет по делам китайских эмигрантов, выполняющий большую законодательную и практическую работу. Комитет отвечает за разработку законопроект в сфере работы и политики в отношении *хуацяо*, контролирует исполнение законов в отношении *хуацяо*, реэмигрантов и родственников-*цяоцзюань* на местах и выдвигает свои предложения исполнительным органам, работающим с зарубежными соотечественниками. Комитет выполняет и представительские функции: принимает делегации зарубежных китайцев, отправляет китайские делегации в различные страны мира. Во время подобных встреч представители Комитета встречаются с представителями парламентов и исполнительных органов власти зарубежных стран,

знакомят их с политикой КНР, осуществляемой в отношении зарубежных китайцев, а также обсуждают вопросы охраны прав и интересов китайцев, проживающих в данных странах.

На провинциальном уровне в рамках собраний народных представителей также создаются аналогичные структуры. Провинциальные комитеты занимаются изучением текущей ситуации работы с эмигрантами и исполнения законов в отношении реэмигрантов и родственников-*цяоцзюань*, принимают провинциальные законы и акты во исполнение общекитайских законов и постановлений, выполняют представительскую функцию (встречаются с представителями эмигрантов и реэмигрантов, обсуждают текущую ситуацию)⁵.

В 1988 г. при Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК) также был создан Комитет по делам китайцев, проживающих за рубежом, преобразованный в 1995 г. в Комитет по делам соотечественников Гонконга, Аомэня и Тайваня. Комитет активно взаимодействует с Комитетом ВСНП по делам *хуацяо* и Канцелярией Госсовета по делам *хуацяо* по вопросам выработки законодательства в отношении зарубежных соотечественников, в реализации данного законодательства, а также в пропаганде и освещении работы с *хуацяо*. Комитет обеспечивает участие зарубежных соотечественников в формировании политического курса КНР, предоставляя им платформу для изложения своих мыслей и приглашая видных деятелей *хуацяо* к участию в политической жизни путем выдвижения своих делегатов в ВСНП и НПКСК, выработки стратегий развития и высказывания своего мнения относительно реализации «реформ и открытости».

Начиная с 2001 г. комитет приглашает зарубежных соотечественников к участию в заседаниях НПКСК с правом совещательного голоса. В заседании 3-й сессии ВК НПКСК 12-го созыва (март 2015 г.) приняло участие с правом совещательного голоса 38 представителей от зарубежных китайцев (что является максимальным количеством за последние 10 лет) из 21 страны.

С началом периода «реформ и открытости» продолжила свою работу созданная в 1950 г. Всекитайская ассоциация репатриантов, осуществлявшая большой объем практической работы, которая действовала (и продолжает действовать) под непосредственным руководством вышеназванной Канцелярии и под эгидой ЦК КПК. Была восстановлена деятельность всех правительственных организаций, занимавшихся делами китайских эмигрантов, также был проведен съезд Всекитайской ассоциации репатриантов. Необходимо сказать и о партии *Чжигундан*, восстановившей свою деятель-

ность после «культурной революции», членами которой являются вернувшиеся на родину эмигранты и родственники-*цяоцзюань*. В рамках НПКСК и ВСНП партия *Чжигундан* участвует в разработке и осуществлении государственной политики и законодательства в отношении зарубежных соотечественников, реэмигрантов и родственников-*цяоцзюань*, следит за реализацией закона об охране прав и интересов этой группы населения, организует различные мероприятия по взаимодействию с зарубежными китайцами. Местные отделения партии активно способствуют экономическому, образовательному, культурному и научному обмену между КНР и другими странами, содействуют привлечению капиталов зарубежных китайцев и их пожертвований, осуществляют активное взаимодействие с различного рода зарубежными китайскими ассоциациями.

В 1990 г. была создана Китайская ассоциация зарубежного обмена, занимающаяся установлением контактов с объединениями зарубежных китайцев, стимулированием сотрудничества с ними в торгово-экономических, научно-технических, культурно-образовательных и прочих областях. Ее значимое место среди общественных организаций, занимающихся работой с *хуацяо хуажэнь*, подчеркивает тот факт, что председателем этой организации является вице-председатель НПКСК, а его заместителем – глава Канцелярии по работе с *хуацяо* Госсовета КНР.

Помимо основных структур в Китае существует масса вспомогательных структур и площадок для работы с зарубежными соотечественниками. Так, в конце 1990-х годов была организована система совместных конференций «Пяти организаций, работающих с *хуацяо*» («*Уцяо*» *ляньси хуэйи чжиду*), которые проводятся на регулярной основе на общенациональном и провинциальном уровнях⁶. В эту систему входят Канцелярия Госсовета по делам *хуацяо*, Комитет ВСНП по делам *хуацяо*, Комитет по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем ВК НПКСК, партия *Чжигундан* и Всекитайская ассоциация реэмигрантов.

В рамках данной конференции обсуждается текущая ситуация и новые проблемы в работе с *хуацяо*, рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия пяти структур. Эти встречи являются площадкой для обмена информацией и опытом и осуществления межведомственного взаимодействия. На общенациональном уровне также формируются системы совместных конференций по определенным направлениям.

Например, в 2004 г. была сформирована система совместных конференций по развитию китайской культуры и образования

за рубежом с участием Отдела единого фронта ЦК КПК, Отдела пропаганды ЦК КПК, Комитета ВСНП по делам *хуацяо*, Комитета по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем ВК НПКСК, МИДа, Государственного комитета по развитию и реформе, Министерства финансов, Министерства образования, Министерства культуры, Канцелярии Госсовета по делам *хуацяо*, Главного управления по радиовещанию и ТВ, Государственного управления по делам прессы и печати, ЦК партии Чжигундан, Всекитайской ассоциации реэмигрантов и других – всего 14 государственных и негосударственных органов. Общенациональные Конференции проводятся один раз в год и имеют своей целью выработку мер стимулирования продвижения и развития китайской культуры и образования за рубежом, а также анализ данного процесса. На региональном уровне под руководством провинциальных правительств и соответствующих управлений по делам зарубежных соотечественников проводятся конференции по вопросам работы с зарубежными китайцами совместно с отраслевыми департаментами и управлениями. Задача вышеперечисленных государственных органов заключается в придании основным направлениям политики в отношении *хуацяо* законодательной основы и систематического характера. Между ключевыми ведомствами действует жесткая и централизованная система взаимодействия, исключающая негосударственные субъекты из процесса выработки и принятия решений. Здесь проявляется жесткий монополизм со стороны партийно-государственных органов в разработке и реализации политики в отношении зарубежных китайцев. Неоднократно со стороны принимающих обществ вызывала негативную реакцию и близость дипломатических структур КНР с диаспоральными организациями. Пекинское руководство осознает необходимость сохранения равновесия между проявлением активности в китайской среде, выстраиванием положительного образа Китая и соблюдением национальной безопасности принимающих стран.

Делами зарубежных китайцев активно занимаются также зарубежные негосударственные ассоциации, перечислим лишь крупнейшие из них: Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев, Китайская ассоциация зарубежных связей, Всемирная федерация зарубежных китайцев, Всемирная федерация этнических китайцев, Общество одноклассников, обучавшихся в Европе и США, Всемирный конгресс дружбы ассоциаций зарубежных китайцев и многие другие. Среди зарубежных региональных организаций стоит выделить Британское китайское сообщество, Ассоциацию испанских китайцев, Ассоциацию китайских землячеств

Австралии, Ассоциацию китайских профессионалов Канады, Федерацию китайских ассоциаций Малайзии и т. д. Основной целью этих организаций является создание благоприятных условий существования китайских соотечественников за рубежом, пропаганда китайской культуры, «продвижение своих соотечественников в основной костяк общества»⁷ в местах проживания, содействие экономическому развитию и социальному прогрессу страны проживания, а также содействие дружеским связям и сотрудничеству между страной их обитания и Китаем. Эти общественные организации для зарубежных китайцев являются символом их сплочения, а для связей с Китаем – основным звеном для контактов.

Безусловно, не все зарубежные китайцы в одинаковой мере глубоко привязаны к Китаю, тем более они по-разному относятся к существующей в КНР политической системе. Разные части диаспоры отличаются друг от друга отношением к земле предков. Мигранты новой волны, студенты и специалисты, выехавшие в период «реформ и открытости», сохраняют обширные личные связи в КНР, следят за происходящим на материке посредством китаезычных СМИ. Однако совершенно иначе чувствует себя по отношению к Китаю молодое поколение китайцев, родившихся и выросших за границей. Нередко многие из них не знают стандартного китайского языка (путунхуа), но достаточно хорошо владеют английским языком и, возможно, одним из южнокитайских диалектов. Эти китайцы не считают себя обязанными быть патриотами Китая, даже если являются китайцами по крови. Для большинства людей старшего поколения Китай остался их малой родиной, с которой их связывают крепкие родственные и дружеские связи. Эти эмигранты делают щедрые пожертвования в родные места (*цяосян*), куда многие из них возвращаются, чтобы быть похороненными на родине предков.

Несмотря на разного рода противоречия внутри китайских общин, основным критерием их существования остается стремление к единству, основанное на культурной и этнической идентичности. Представляется, что в целом тенденция сплочения является главной, но насколько процесс гармонизации и единения охватит все слои зарубежных китайцев, зависит прежде всего от ситуации в самом Китае, укрепления его комплексной государственной мощи, международного положения, а также от внешней политики в целом и политики в отношении эмиграции в частности.

Надо отметить, что правительство КНР отдает себе отчет в том, что все больший выход китайцев «вовне», активное социально-политическое участие диаспоры в странах проживания сопровождается

ростом недовольства и развитием идеи «китайской демографической экспансии», «цунами на горизонте». В СМИ стараются развеять этот «миф», приводя в пример многочисленную диаспору других стран, составляющую гораздо более весомый процент от населения исторической родины. Тем не менее Пекин ставит задачей «активно побуждать правительства стран, где проживают наши (китайские) соотечественники, к созданию условий, благоприятных для их жизни и развития»⁸.

Представляется, что в обозримом будущем миграция и сложившаяся диаспора, обусловленная объективными историческими факторами и управляемая до определенной степени со стороны государственных органов КНР, останется эффективным инструментом для решения внутренних и внешних задач развития страны.

Примечания

- ¹ Большой китайско-русский словарь. Пекин: Шаньгу иньшу гуань, 2006. С. 523. В словаре современного китайского языка «соотечественник» трактуется как «человек, происходящий из той же страны или принадлежащий той же национальности» (тун игэ гоцзя хуо тун игэ миньцзудэ жэнь).
- ² Это супруг(а), родители обоих супругов, дети и внуки супругов, супруги детей, братья и сестры супругов, а также другие родственники, в течение долгого времени поддерживающие данных хуацяо или гуйцяо, см.: Чжунхуа жэньминь гунхэго гуйцяо цяоцзюань цюаньши баоху фа. (Закон КНР об охране прав вернувшихся хуацяо и родственников – цяоцзюань. п. 2). [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 08.04.2016).
- ³ Хуацяо хуажэнь байкэ цюаньшу. Фалю фагуй тяоли чжэнцэ (Энциклопедия зарубежных китайцев: Политический курс и законы). Пекин: Чжунго Хуацяо чубаньшэ, 2000. С. 191.
- ⁴ Сайт Канцелярии Госсовета по делам зарубежных соотечественников. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node22/node26//index.html> (дата обращения 08.04.2016).
- ⁵ Основные функции Комитета ВСНП по делам хуацяо. [Электронный ресурс] URL: http://www.npc.gov.cn/npc/bmzz/huaqiao/node_1702.htm (дата обращения: 08.04.2016)
- ⁶ О системе совместных конференций. [Электронный ресурс] URL: <http://qwgzzyj.gqb.gov.cn/dyzz/136/901.shtml> (дата обращения: 08.04.2016).
- ⁷ Цит. по: *Тан Вэй*. Хуацяо цюаньидэ фалю баочжан цичжи (Механизм обеспечения законных прав хуацяо). Шаньдун: Шаньдун чубаньшэ, 2006. С. 138.
- ⁸ *Ларин А.Г.* Меняющийся Китай в меняющемся мире: Круглый стол в ПДВ // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 100.

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

М.И. Ананьин

Состояние дел в области культуры в Королевстве Саудовская Аравия

В статье анализируется влияние культурного развития Саудовской Аравии на укрепление позиций государства на мировой арене. Саудовская Аравия на протяжении длительного периода обособлена от остального мира в силу доминирующего религиозного фактора и традиционной системы, что создавало определенные сложности для развития сферы культуры. Однако сегодня можно наблюдать определенные сдвиги в этом направлении.

Ключевые слова: культура, арабская культура, Саудовская Аравия, вестернизация,

Привычные для нас понятия «современное общество», «современная культура» могут быть применены по отношению к Королевству Саудовская Аравия (КСА) весьма условно. В силу ряда исторических обстоятельств в КСА запрещены политические партии, общественные организации и профессиональные объединения. В стране сохраняется монархическая форма правления, в основе которой лежат «справедливость, совет и равенство». Экономической основой «саудовской модели» являются нефть и развитый финансовый сектор. Идеологическая основа – ислам; другие религии запрещены; за принадлежность к оппозиционным организациям – смертная казнь.

«Основы системы власти КСА» – декреты 1991 г., изданные королем, – предписывают учреждениям культуры, средствам массовой информации придерживаться порядков, установленных государством, «участвовать в просвещении нации и укреплении ее единства». «Запрещается все, что ведет к смуте и расколу, является

посягательством на безопасность государства и общественные отношения, достоинство человека и его права», – говорится в «Основах системы власти»¹.

Тем не менее в течение последних пяти лет в стране происходят заметные сдвиги социально-политического плана. Развиваются промышленность и сельское хозяйство; достигнут высокий уровень качества жизни. Саудовская экономика стала частью (и частью весьма влиятельной) мирового хозяйства. Саудовская Аравия все активнее выдвигается на передовые позиции в арабском мире, становится его политическим (помимо финансового) центром, что особенно заметно на фоне падения Египта.

Долгое время в области культуры Саудовская Аравия была изолирована от остального (и даже в значительной степени от арабо-исламского) мира. Ислам определял политическую и общественную жизнь саудовского общества, образуя определенные рамки для развития культуры и искусства.

Некоторые организационные сдвиги произошли в течение последних лет, когда были образованы следующие творческие союзы (ассоциации):

- Саудовская ассоциация художников;
- Ассоциация саудовских театральных деятелей;
- Ассоциация саудовских фотографов;
- Ассоциация художников-карикатуристов и мультипликаторов;
- Ассоциация мастеров арабского художественного письма.

В крупных городах Королевства были учреждены литературные клубы, открыты культурные центры, подчиненные министерству культуры. Эти учреждения призваны «нести культуру и искусство в массы»².

В удовлетворении эстетических запросов современного саудовца значительное место занимает традиционная арабская музыка. В отличие от европейской музыки, в основе которой лежат мажор и минор, в арабской музыке такие понятия отсутствуют. В арабском песенном творчестве главное значение имеет текст; разнообразие в традиционной музыке Саудовской Аравии достигается за счет ритма. В стране имеется несколько ансамблей народного искусства, в основном танцевальных и только мужских по составу. Техника танца однообразна: танцоры повторяют ритмичные коллективные движения, потрясая мечами или старинными ружьями и подчеркивая тем самым бедуинское прошлое населения страны. В различных регионах Королевства на регулярной основе проводятся фестивали народного творчества, в которых выступления профессиональных и непрофессиональных

артистов сопровождают, как правило, выставками-ярмарками изделий народных умельцев (из тростника, шерсти, глины т. д.).

В области современной литературы наибольшее развитие в стране получил жанр поэзии (касыды, газели), в котором представлены два основных направления – романтическое и реалистическое. К плеяде современных талантливых поэтов принадлежит нынешний министр культуры и информации Королевства, бывший посол КСА в РФ Абдель Азиз М. Ходжа. Его стихи (сборник «Странствую в ее глазах») были изданы на русском языке в Москве в 1994 г.

Изобразительное искусство в Королевстве появилось сравнительно недавно (вторая половина XX в.) под влиянием художников Египта, Сирии и Иордании. Так как изображение человека запрещено Кораном, основным жанром работ саудовских художников-реалистов стал пейзаж, а большинство художников предпочитают импрессионизм и абстракционизм. В последние годы, впрочем, стали появляться мастера-реалисты (правда, пока их выставки немногочисленны), работающие в жанре портрета. Художественные выставки проводятся без широкой рекламы, но достаточно часто (раз в два-три месяца).

Театральное искусство в КСА, как принято считать, появилось около 40 лет назад, однако до сих пор своих постоянных театральных коллективов (и театров) нет, но существуют несколько самостоятельных коллективов, (где нет женщин-актрис, а их роли исполняют мужчины). В октябре 2010 г. свой первый спектакль показала труппа, состоящая исключительно из женщин (мужские персонажи отсутствовали). Появились и свои, саудовские, драматурги.

Кинематография официально в стране отсутствует, но есть энтузиасты, снимающие фильмы (как документальные, так и художественные) в странах Персидского залива и Европы, а также в США (имеются и режиссеры-женщины). Кинотеатров в стране не существует, но новинки мирового кино поступают на местный рынок, подвергаясь весьма жесткой местной цензуре.

Средства массовой информации появились в КСА достаточно давно. Свою первую передачу саудовское радио провело в 1949 г. из Джидды. В 1979 г. было создано центральное радиовещание с центром в Эр-Рияде, которое начинает передачи в 5.30 утра и заканчивает в 2 часа ночи. В программу передач включаются религиозные (до 60% эфирного времени), литературные (поэзия), фольклорные материалы, радиоспектакли (как правило, египетского производства) для детей и женщин, а также «целевые» передачи для студентов, военнослужащих, полицейских и других

слоев населения; ведутся также передачи на иностранных языках (английском, французском), а также на языках ряда стран Азии и Африки, представители которых работают в Саудовской Аравии.

Создание телевидения в 1965 г. вызвало антиправительственные демонстрации протеста, разогнанные полицией с применением огнестрельного оружия, при этом ряд демонстрантов были убиты, в том числе даже принц.

Ныне действуют девять каналов, из которых два транслируют только религиозные передачи (Коран и Сунну), а сетки остальных каналов (включая спортивный) от 40 до 60% также составляют передачи религиозного плана. По каналам телевидения демонстрируются иностранные художественные фильмы производства Египта, Сирии, стран Персидского залива, Англии, Франции, США, проходящие строгую цензуру с тем, чтобы они не могли нанести ущерб религиозным и моральным ценностям саудовского общества. Российских (а равно как и советских фильмов) на саудовских телеэкранах не отмечено, хотя время от времени демонстрируются фильмы о российских бандитах и т. д. «американского производства». Обилие телевизионных «тарелок» в саудовских городах и селах говорит, впрочем, о том, что многие саудовцы охотно смотрят иностранные телеканалы через спутники.

Следует подчеркнуть, что в целом область культуры в КСА не подвержена значительному социальному динамизму; эстетические запросы большинства населения достаточно скромны. Основной формой досуга мужчин являются соколиная охота, верблюжий бег, а в последние года стали популярными (особенно у молодежи) Интернет и ночные гонки по городским улицам на скоростных мощных автомобилях. Интернет, как уже отмечалось, в Королевстве доступен, однако существует весьма эффективная система технических средств (фильтров), которая блокирует сайты с фривольным по местным меркам содержанием, а также некоторые зарубежные внесистемные («террористические») сайты (например, чеченский «Грани РУ»).

Саудовские женщины, когда их «выводят» на улицу, ходят не на концерты и выставки, а по многочисленным магазинам. Так называемая культурная жизнь проходит в достаточно узком кругу иностранных дипломатов, иностранцев, проживающих в КСА, и пока немногочисленного (но, надо признать, неуклонно растущего) слоя саудовцев, получивших образование за рубежом. Следует подчеркнуть при этом, что введенные МИД КСА в 2010 г. правила

проведения иностранными миссиями культурных мероприятий чрезвычайно жестки и направлены на всемерное ограничение доступа местной публики к ценностям иностранной культуры.

Напомним также, что в стране существует «полиция нравов» (Аль-Мутавва), официально именуемая «Комиссией по поощрению добра и предотвращению зла» и насчитывающая 3500 офицеров и несчетное число добровольных помощников. В их задачу входит наблюдение за неукоснительным соблюдением мусульманами и мусульманками постулатов ислама и норм шариата; они имеют право арестовывать и наказывать как мужчин, так и женщин, которые нарушают, по их мнению, общепринятые мусульманские нормы поведения, общаясь, например, между собой в общественных местах, играя в азартные игры, слушая западную музыку или смотря западные телешоу. Аль-Мутавва недавно открыла свой сайт в Интернете, на который граждане могут анонимно «стучать» на нарушителей порядка.

Как представляется, саудовское общество в его нынешнем состоянии удовлетворено положением дел в области культуры и не проявляет горячего желания его менять. Оно принимает монархию, которая обеспечила саудовцам хорошие материальные условия жизни, и признает моральный авторитет власти. Разумеется, есть голоса, оспаривающие некоторые моральные и идеологические основы королевской власти (в том числе и несправедливое распределение доходов от нефти), однако чаще всего они касаются персоналий или частных пережитков традиционализма (например, «женского вопроса»), но не системы.

Несмотря на то что саудовское общество продолжает оставаться крайне закрытым, процессы развития и модернизации идут и внутри него. Здесь соперничают (именно соперничают, пока не сталкиваясь) два начала: традиционное (с его исламскими и родоплеменными содержанием) и современное (с его европейским и национальными стандартами). Власти выступают за поиск оптимального сбалансирования этих двух начал. Идеологическая программа дома Саудов, нашедшая свое прямое отражение в деятельности министерства культуры и информации, направлена на сплочение общества вокруг государства под знаменем саудовского национализма, идея которого целенаправленно формируется саудовскими СМИ в общественном сознании. Причем, как представляется, король Саудовской Аравии (ныне покойный) Абдалла Бен Абдель Азиз выступал за прагматическое сочетание новаций из практики Запада и уважения саудовских традиций. При этом он настаивал на методах диалога, а не запретов: «Язык убеждения и обращения

к разуму человека эффективней запретов и ограничений. Различие мнений, вкусов и течений – естественное явление нашей жизни и существования человеческого общества. Необходимо вместе думать о защите нашей родины и наших подданных, вести диалог, уважая мнение собеседника и давая всем возможность высказать свои взгляды»³.

Несомненно это взгляд разумного человека и ответственного государственного деятеля. Однако таким мирным и толерантным подходом король ставил себя в ряды сторонников реформ и вольно или невольно становился оппонентом религиозных фундаменталистов, критикующих его за либерализм и допускаемую им, по их мнению, чрезмерную «вестернизацию» саудовского общества.

В целом саудовское общество пока демонстрирует устойчивость модели своего развития, а монархия – способность к политической и даже некоторой идеологической гибкости (например, ограничение всевластия Аль-Мутаввы).

Создав достаточную материальную базу, власть, однако, будет сталкиваться с необходимостью решать задачи, относящиеся к сфере идеологии и культуры. Представляется, что здесь ожидаются трудности. В этих условиях в наших интересах, да и в интересах общемирового прогресса всячески способствовать усилиям саудовских «реформаторов» вывести свою страну не только на передовые экономические позиции в мире, но и на уровень общепринятых мировых стандартов в области культурной жизни общества. Иначе страна (пусть и с высоким материальным уровнем жизни, но без решения общедемократических и культурных задач) останется «на обочине» общемирового развития, а планам саудовского руководства на лидерство в арабском, мусульманском, а возможно, и во всем третьем мире не суждено будет сбыться.

Примечания

- ¹ Основной закон правления: Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия / Сост. А.А. Бен Баз. Эр-Рияд, 2009. С. 39 (на араб. яз.).
- ² Королевство Саудовская Аравия. Издание министерства культуры и информации. Эр-Рияд, 2009. С. 94 (на араб. яз.).
- ³ Азия и Африка сегодня: Спец. выпуск. 2000. Сент. С. 49.

Канада, Квебек
и вопрос о проведении саммита Франкофонии
(1970-е – середина 1980-х годов)

В статье рассматривается позиция федерального правительства Канады, канадской франкоязычной провинции Квебек и Франции по отношению к идеям организации саммита франкоязычных стран в период с начала 1970-х до середины 1980-х годов. Основное внимание уделяется дискуссиям по вопросу о формате участия Квебека в саммите. Анализируется подход либерального правительства П.Э. Трюдо и его расхождения с французской и квебекской сторонами. Вскрывается специфика политики консервативного кабинета Б. Малруни, который смог достичь компромисса с Парижем и Квебеком, что сделало возможным проведение Первого саммита Франкофонии в 1986 г. Выясняется значение данного события для канадской и квебекской политики.

Ключевые слова: Канада, Квебек, Франкофония, саммиты, Агентство по культурному и техническому сотрудничеству (АССТ), Франция, международные отношения, парадипломатия.

Международная организация франкофонии (МОФ, La Francophonie) в настоящее время объединяет 80 стран и регионов, расположенных на пяти континентах, в которых проживает около 900 млн человек. Эта весьма заметная и влиятельная структура, в которую входят представители как «первого», так и «третьего» мира, часто предлагает альтернативные подходы ко многим насущным проблемам современности.

Становление международного франкофонного сотрудничества представляет собой длительный процесс, прошедший в своем развитии несколько этапов. Важнейшей вехой в истории МОФ была первая Конференция глав государств и правительств стран,

объединенных использованием французского языка, состоявшаяся в 1986 г. в Версале и положившая начало регулярным саммитам франкофонии. Идея проведения подобного форума высказывалась «отцами-основателями» франкофонии еще в начале 1970-х годов, однако на протяжении долгого времени этому препятствовал конфликт, имевший место между федеральным правительством Канады и правительством провинции Квебек (где проживает большинство франко-канадцев) по поводу участия последней в мероприятии, проводимом на высшем уровне, наравне с главами суверенных государств. Только в середине 1980-х годов сторонам удалось достичь компромисса по данному вопросу. В настоящей статье рассматриваются особенности канадского и квебекского подхода к идее проведения саммита франкофонии, анализируется соглашение, заключенное Оттавой и Квебеком накануне Версальского саммита, сравниваются позиции, занятые ими по ходу этой встречи.

* * *

Сотрудничество франкоязычных стран, приведшее в конечном итоге к образованию МОФ, началось в первой половине – середине 1960-х годов. На этом этапе оно ограничивалось Францией и ее бывшими колониями (прежде всего африканскими) и носило преимущественно культурный и гуманитарный характер. Так, с 1960 г. стали регулярно проводиться конференции министров образования (CONFEMEN). Параллельно ряд лидеров государств из числа бывших французских колоний, в частности Леопольд Седар Сенгор (Сенегал), Нородом Сианук (Камбоджа), Аmani Диори (Нигер) и Хабиб Бургиба (Тунис), стали выдвигать проект создания более тесного франкофонного сообщества. Однако тогда этот проект не получил поддержки Франции, которая, естественно, должна была стать его ключевым участником (с одной стороны, Париж опасался обвинений в неокOLONIALИЗМЕ, с другой – предпочитал иные форматы сотрудничества со странами третьего мира). В результате сложилась ситуация, когда «институты нового движения создавались несколько хаотично, без четкого плана, при решающем воздействии франкоязычных лидеров “третьего мира”»¹.

Что касается Канады и Квебека, то они до конца 1960-х годов не принимали участия в этом процессе. Франко-канадцы были представлены только в неправительственных франкофонных структурах: действующем с 1952 г. Международном союзе журналистов франкоязычной прессы (UIJPLF) и основанной в 1961 г. (в Монреале) Ассоциации полностью или частично франкоязычных университетов (AUPELF).

С начала 1960-х годов в Квебеке происходили масштабные трансформации, получившие название Тихой революции. Это было время резкого всплеска национального движения франко-канадцев, недовольных своим низким (по сравнению с англо-канадцами) социальным статусом, время стремительной модернизации франко-канадского сообщества, время радикальных перемен в самых разных сферах. Следует отметить, что уже в первые годы Тихой революции произошло чрезвычайно важное изменение отношения франко-канадцев (и прежде всего франко-канадской элиты) к провинциальным политическим институтам Квебека. Последние стали рассматриваться как основной инструмент выражения и продвижения интересов франко-канадского сообщества, причем не только в рамках канадской федерации, но и в мировом масштабе. Соответственно уже в первой половине 1960-х годов квебекское правительство стало развивать собственные международные связи, ориентируясь в первую очередь на родственную в историческом, культурном и языковом плане Францию. Этому, несомненно, способствовало «встречное движение» со стороны тогдашнего французского руководства, и прежде всего лично президента Шарля де Голля, внимательно следившего за развитием событий в Квебеке и не особенно скрывавшего надежд на то, что «рано или поздно» там возникнет «Французская республика Канады», которая станет ближайшим партнером и естественным союзником Франции².

В 1961 г. в Париже было открыто отдельное квебекское представительство («Дом Квебека»), а в 1965 г. было заключено первое двустороннее квебекско-французское «соглашение» о сотрудничестве в сфере образования. В 1967 г. состоялся визит де Голля в Канаду, во время которого он произнес свою знаменитую монреальскую речь, заканчивавшуюся словами «Да здравствует свободный Квебек!»³. В рамках последовавшей вслед за этим кампании по активизации контактов между Францией и «заокеанской ветвью французского народа» (иногда ее называют «голлистской атакой» на Канаду) де Голь выдвинул идею подключения Квебека к международному франкофонному сотрудничеству. В 1968 г. Квебек был направили (без ведома канадского федерального правительства) приглашен на очередную конференцию министров образования франкоязычных стран, проводившуюся в Либревиле (Габон). Это было знаковым событием. На встрече представителей суверенных государств в качестве равноправного участника присутствовал министр, представлявший субъект федерации (несуверенный актер)! Со своей стороны федеральное правительство крайне негативно восприняло эту «международную премьеру» Квебека. Оттава развила бурную

деятельность, чтобы впредь не допустить повторения подобного инцидента. Все это привело к росту напряженности отношений в треугольнике Канада – Франция – Квебек.

Тем временем сотрудничество франкоязычных стран входило в новую фазу. Наконец произошли первые подвижки в вопросе его институционального оформления, который обсуждался на двух межправительственных конференциях, проводившихся в 1969 и 1970 гг. в столице Нигера Ниамее. В ходе этих конференций было принято решение о создании Агентства по культурному и техническому сотрудничеству (АССТ) – первой постоянно действующей межправительственной структуры Франкофонии. Его учредительный документ был подписан 20 марта 1970 г. (впоследствии этот день был объявлен Международным днем франкофонии).

В работе обеих ниамейских конференций принимала участие единая канадская делегация, в состав которой помимо федеральных чиновников входили представители Квебека, а также тех провинций, где имелись значительные франкоязычные меньшинства. Однако по настоянию Франции в устав АССТ было внесено положение, допускающее членство не только суверенных государств, но также «участвующих правительств». На основании этого в следующем 1971 г. Квебек смог официально присоединиться к АССТ⁴.

В 1970-е – начале 1980-х годов в развитии франкофонии наступила пауза. Не в последнюю очередь она была обусловлена ситуацией, сложившейся в этот период в Канаде и ее франкоязычной провинции. С конца 1960-х годов в Квебеке постепенно стал набирать популярность сепаратистский (или, как говорили его сторонники, суверенистский) проект, основным выразителем которого стала основанная в 1968 г. Квебекская партия (PQ, отсюда «пекисты»). Естественно, что такая ситуация вызывала повышенную озабоченность федерального правительства, которое тогда возглавлял выдающийся политик и пламенный борец за канадское единство Пьер Элиот Трюдо (1968–1979 и 1980–1984 гг.). Трюдо был ярким противником квебекского национализма и партикуляризма (не говоря уже о сепаратизме) и всегда последовательно выступал против самостоятельных внешнеполитических шагов Квебека (даже когда у власти в провинции находились сторонники сохранения ее в составе федерации). Еще в конце 1960-х годов он недвусмысленно заявил, что на мировой арене не бывает «полу-стран» (half-countries) и что там нужно говорить только «одним единственным голосом»⁵.

Хотя Трюдо пошел на создание АССТ и дал согласие на присоединение к нему Квебека, в последующие годы его политика по

отношению к этой центральной на тот момент франкофонной организации сводилась к тому, чтобы по возможности ограничивать сферу ее деятельности и ни в коем случае не позволять Квебеку использовать ее для продвижения собственных внешнеполитических интересов. В частности Оттава сделала ставку на расширение двусторонних контактов с франкофонными африканскими странами, «в обход» АССТ. Весьма показательно, что в конце 1970-х годов бюджет агентства составлял примерно 15 млн канад. дол. в год, тогда как помощь Канады вышеназванным странам в это же время доходила до 100 млн канад. дол. в год⁶. Позднее Трюдо и его советник по внешнеполитическим вопросам Айвон Хэд откровенно признавали, что они всегда рассматривали АССТ как «малобюджетную, полезную, но не слишком влиятельную ассоциацию»⁷.

Кроме того, Оттава всячески поощряла участие других провинций в работе АССТ. Прежде всего это касалось Нью-Брансуика, треть населения которого составляли франкофоны-акадийцы (потомки жителей французской колонии Акадия, существовавшей на территории Атлантического региона Канады в XVII – начале XVIII в.). Это единственная провинция Канады, где официально закреплено двуязычие на провинциальном уровне. При поддержке федеральных властей Нью-Брансуик в 1977 г. стал членом АССТ со статусом, аналогичным квебекскому. Очевидно, что таким образом Оттава стремилась принизить значение членства Квебека в АССТ, представить его как «ординарное» явление, а не как исключительный случай⁸.

В 1975 г. неутомимый сторонник развития франкофонного сотрудничества Сенгор выступил с проектом проведения саммита стран – членов АССТ. Сенегальский лидер хотел «перезапустить Франкофонию, чтобы усилить ее политическую структуру. ... придать новый импульс АССТ, расширить консультации по отдельным секторам экономики и институционализировать встречи на уровне глав государств и правительств»⁹. Трюдо занял весьма осторожную позицию по отношению к этому проекту. Канадский премьер опасался нового витка напряженности в отношениях с Парижем и в то же время не хотел, чтобы грядущий саммит дал какие-то преференции Квебеку, где угроза прихода к власти пеккистов стала реальностью. В принципе не отвергая идею Сенгора, Трюдо заявил, что саммит Франкофонии следует организовать по модели встречи лидеров Содружества и сделать площадкой для неформального общения по широкому кругу вопросов, прежде всего касающихся отношений «Севера» и «Юга». Кроме того, он подчеркнул, что Канаду должно представлять только федераль-

ное правительство. Обо всем этом Трюдо официально заявил в июне 1976 г. на встрече с Сенгором в Оттаве.

Тем временем в ноябре 1976 г. началась новая страница в истории Квебека и вместе с ним всей Канады. К власти в провинции пришла Квебекская партия, намеревавшаяся в ближайшем будущем провести референдум о суверенитете. Ее лидер Рене Левек, ставший провинциальным премьером, стремился к активизации внешних связей, прежде всего для того чтобы заручиться поддержкой нового суверенного Квебека со стороны хотя бы части международного сообщества (прежде всего Франции, других франкоязычных стран, а также США – ближайшего соседа и главного внешнеэкономического партнера). Естественно, он рассматривал возможный саммит Франкофонии как подходящую и наиболее доступную площадку для того, чтобы заявить о своих планах в мировом масштабе. В этой ситуации многое зависело от позиции французского руководства, которое тогда официально заявляло, с одной стороны, о своем невмешательстве во внутренние дела Канады, а с другой – о небезразличии к судьбе Квебека (так называемая формула *ni-ni*, т. е. “*ni ingérence, ni indifférence*”, предложенная президентом Валери Жискар д’Эстеном). В духе этой политики (в целом отвечавшей интересам пекистов) Франция недвусмысленно дала понять, что на саммите Франкофонии должны быть представлены все члены АССТ – в том числе, конечно, и Квебек.

Со своей стороны Трюдо стал еще более настороженно и подозрительно относиться к любым, даже самым рутинным и безобидным действиям Квебека на международной арене¹⁰. Идею саммита с участием «мятежной» провинции он воспринял как посягательство на канадский суверенитет. Трюдо продолжал отстаивать идею саммита Франкофонии «в стиле Содружества» и без Квебека. В октябре 1977 г. он повторил это на совместной пресс-конференции с главой Организации африканского единства президентом Габона Омаром Бонго, находившимся с визитом в Канаде. Менее чем через месяц (в начале декабря) министр иностранных дел Франции Луи де Гиренго жестко заявил, что его страна не будет участвовать ни в каком саммите Франкофонии, если там не будет представлен Квебек. Это был более чем весомый аргумент, учитывая, что без Франции идея саммита теряла всякий смысл. На проводившейся в это же время рабочей встрече АССТ в Кот-д’Ивуаре в аналогичном ключе высказался французский представитель Морис Лиго¹¹.

Дело зашло в тупик. До середины 1980 г. (т. е. почти два с половиной года) никаких практических шагов в направлении саммита Франкофонии никем не делалось. За это время в Канаде и Квебеке

произошли очень важные события. На выборах в мае 1979 г. либералы Трюдо неожиданно уступили место консерваторам Джо Кларка, однако уже в феврале 1980 г. снова вернулись к власти и начали подготовку конституционной реформы. В Квебеке в мае 1980 г. был проведен давно задуманный референдум о суверенитете; «за» высказалось 40% голосовавших, 60% было против. Несмотря на это, Квебекская партия осталась у власти в провинции.

В том же мае 1980 г. во время очередного франко-африканского саммита все тот же Сенгор снова заявил о необходимости провести, наконец, саммит Франкофонии. Президент Сенегала предложил назначить его на ноябрь 1981 г., а до этого организовать в Дакаре несколько подготовительных встреч: сначала экспертов, а затем министров иностранных дел. На состоявшемся в сентябре 1980 г. совещании экспертов было выдвинуто предложение провести саммит с максимально широкой повесткой дня (как в 1976 г. предлагал Трюдо), однако вопрос о степени его формализации остался нерешенным (предполагалось, что это будет сделано на министерской конференции).

Тем временем канадское правительство заявило, что в предстоящем саммите будет участвовать только одна канадская делегация, но что оно готово включить в ее состав высших чиновников (но не министров!) из «заинтересованных» провинций – Квебека, Онтарио и Нью-Брансуика. Квебек был не согласен с такой постановкой вопроса и настаивал на том, чтобы в состав делегации был включен провинциальный министр межправительственных дел Клод Морен (в его ведении тогда находились внешние связи провинции) и чтобы ему было предоставлено право высказываться от своего имени по вопросам провинциальной юрисдикции. Хотя с точки зрения Льева это было компромиссное предложение, оно не встретило поддержки федеральных властей (в том числе и потому, что они не доверяли Морену – активному стороннику квебекского суверенитета). В этой ситуации Квебек мог надеяться только на поддержку Франции. Несмотря на определенные колебания, связанные с тем, что Жискард д'Эстен хотел, чтобы первый саммит Франкофонии прошел до очередных президентских выборов во Франции, французское руководство осталось на прежних «проквебекских» позициях. В итоге ввиду непримиримости позиций Парижа и Оттавы было решено отложить запланированную министерскую встречу в Дакаре. Последовавший вскоре после этого уход Сенгора с поста президента Сенегала (31 декабря 1980 г.) привел к тому, что вопрос о проведении первого саммита Франкофонии был снова снят с повестки дня.

Следующий раз к нему вернулись в середине 1982 г. На сей раз в роли инициатора выступил новый президент Франции Франсуа Миттеран. С одной стороны, он рассчитывал таким образом улучшить отношения с африканскими странами из числа бывших французских колоний, с другой – президент-социалист был полон решимости продемонстрировать всем, что он способен решать масштабные задачи, которые оказались не по плечу его правым предшественникам.

Чтобы избежать конфликта с Канадой и в то же время не создавать впечатления того, что Франция полностью перестала поддерживать Квебек, советник Миттерана по внешнеполитическим вопросам Режи Дебре предложил провести «двойной» саммит. Подразумевалось, что он будет состоять из двух частей: в первой будут участвовать только лидеры государств, которые будут обсуждать проблемы политики и экономики, а во второй к ним присоединятся «главы участвующих правительств» и они вместе продолжат дискуссии по вопросам культуры, устойчивого развития и т. п.

На консультациях, которые состоялись у Дебре с Трюдо и его советниками в начале января 1983 г., канадская сторона в принципе поддержала эту идею, однако настаивала на более четком и видимом разделении первой и второй частей саммита (по времени, месту и т. п.). В последующие месяцы обсуждение этого вопроса продолжалось в различных форматах. Однако Франция не хотела идти на слишком большие уступки. В мае 1983 г. во время саммита Большой семерки в Уильямсберге Миттеран уклончиво сказал Трюдо, что французская сторона готова согласиться с его поправками, но ей требуется еще две недели для принятия окончательного решения. В июне во время очередного визита Левека во французскую столицу премьер-министр Франции Лоран Фабиус прямо заявил, что «если слово франкофония имеет какой-то смысл, Квебек должен иметь свое место [на саммите]»¹². После этого все вернулось на круги своя. Больше года к теме саммита никто не возвращался.

Ситуация изменилась только после того, как в июне 1984 г. Трюдо покинул пост премьер-министра, а в сентябре того же года либералы проиграли выборы. Новый канадский лидер Брайан Малруни занял гораздо более гибкую позицию по отношению к националистическим устремлениям Квебека и его притязаниям на особый статус в канадской федерации¹³. Также гораздо более спокойно новое консервативное правительство воспринимало международную деятельность провинции. В ноябре 1984 г., принимая в Оттаве Фабиуса, Малруни сделал чрезвычайно важное заявление, призванное продемонстрировать отход от «конфрон-

тационной» политики Трюдо. Он заявил, что не возражает против «прямых и привилегированных» отношений Квебека и Франции, если этот вопрос не относится к федеральной компетенции. Со своей стороны Фабиус с удовлетворением заметил, что во время его визита не было проблем «на красных ковровых дорожках» (т. е. протокольных разногласий), что является добрым знаком. В целом именно эта встреча двух премьеров, по словам одного из близкого к Малруни журналиста и политика Грэма Фрейзера, положила начало «примирению и компромиссу, что сделало возможным проведение первого саммита Франкофонии»¹⁴.

В декабре того же года Джо Кларк, занявший в новом кабинете пост главы внешнеполитического ведомства, направил письмо провинциальным премьерам, где сформулировал новую позицию федерального правительства по отношению к международной деятельности провинций¹⁵.

Окончательно вопрос об участии федеральной и провинциальной делегаций на будущем саммите был урегулирован в конце 1985 г. Этому урегулированию объективно способствовали происходившие тогда же перемены в квебекской политике. В октябре пост провинциального премьера и лидера пекистов покинул Левек. Его преемником стал более умеренный политик Пьер-Марк Джонсон. Именно он 7 ноября подписал с федеральным правительством соглашение об участии провинции в саммите Франкофонии.

Оно предусматривало следующее. Во-первых, «двухчастный» характер саммита, первая часть которого посвящалась политическим и экономическим вопросам, а вторая – сотрудничеству и развитию. При этом подчеркивалось, что последние вопросы «будут играть преваляющую роль в повестке дня». Во-вторых, наличие отдельных приглашений правительству Канады и правительству Квебека. В-третьих, присутствие квебекского премьера «за столом переговоров на протяжении всего саммита». Это присутствие должно было обозначаться флагом Квебека и отдельной табличкой с надписью «Канада – Квебек». В-четвертых, была прописана формула участия провинциального премьера в работе саммита:

По вопросам мировой политической ситуации премьер-министр Квебека присутствует и выступает в качестве заинтересованного наблюдателя. По вопросам мировой экономической ситуации премьер-министр Квебека может после консультации и с согласия премьер-министра Канады высказаться по темам, представляющим интерес для Квебека...

<...>

В ходе второй части правительство Квебека участвует в дебатах и работе на полноправной основе согласно положениям и практике Агентства по культурному и техническому сотрудничеству.

В-пятых, возможность для Квебека участвовать (на этих же принципах) в предварительных встречах, предшествующих саммиту на уровне министров и высокопоставленных чиновников (шерп)¹⁶.

Данное соглашение имело огромное значение как для федерально-провинциальных отношений в Канаде, так и для всего франкофонного мира. Оно соответствовало тому пониманию федерализма, которого придерживались консерваторы. Ради сохранения единства страны они были готовы пойти на определенные уступки Квебеку, признав за ним особое положение в составе Канадской федерации. Однако в сложившейся ситуации не было проигравших; наоборот, все были в выигрыше. Квебек получил «место за столом», которого он так долго добивался. Убежденный пекист Клод Морен, долгое время занимавший пост министра межправительственных дел Квебека, признал, что это соглашение является «почетным, практическим и достойным уважения», поскольку оно «подтверждает согласие федерального правительства с тем, что на международной арене Квебек может говорить в своих собственных сферах юрисдикции»¹⁷. В то же время Оттава не только «сохранила лицо», но и укрепила единство страны, подчеркнув, что Квебек является ее частью (пусть и особой). Этому, кстати, способствовало то, что в декабре того же 1985 г. аналогичное соглашение было заключено между Малруни и премьер-министром Нью-Брансуика Ричардом Хэтфилдом¹⁸; в результате эта небольшая провинция также получила возможность принять участие в саммите (хотя можно предположить, что она этого вовсе не ожидала). Наконец, выиграли все франкофонные страны, получившие возможность провести долгожданный саммит.

Конечно, у данного соглашения имелись критики, прежде всего из числа либералов – сторонников Трюдо и непримиримых англо-канадских консерваторов. Малруни, по его собственным словам, прореагировал на их замечания следующим образом:

Прошлой осенью федеральное правительство пришло к взаимопониманию с Квебеком и Нью-Брансуиком ... несомненно, на благо суверенитету Канады. Премьер-министры провинций будут отвечать за сферы полномочий провинций, в то время как по вопросам федеральной юрисдикции, таким как международные, политические и экономические дела, от имени Канады буду выступать я как пред-

ставитель федерального правительства. Одна из главных целей моего правительства после формирования кабинета – установить атмосферу национального примирения. Я верю, что именно через сотрудничество и совместную работу в делах, представляющих важность для франкофонов по всей Канаде, таких как саммит Франкофонии, мы достигнем цели – единения нации¹⁹.

На руку Малруни было еще одно обстоятельство. Пекисты не смогли воспользоваться соглашением. Через месяц после его подписания в декабре 1985 г. победу на провинциальных выборах в Квебеке одержали либералы²⁰. Их лидер Робер Бурасса, вторично занявший пост провинциального премьера (до этого он возглавлял квебекское правительство в 1970–1976 гг.), отправился во Францию в феврале 1986 г. вместе с Малруни и Хэтфилдом.

17 февраля на открытии саммита в Версальском дворце Малруни подчеркнул значение данного события для североамериканских франкофонов, которые ежедневно ведут борьбу за свой язык. По поводу же множественного канадского представительства он заметил следующее:

Перед вами выступает Канада, уверенная, что она может обеспечить молодой, современный подход к Франкофонии, одновременно полный прагматизма и толерантности. Канада также гордится соглашением, которого она достигает внутри своих собственных границ. Присутствие рядом со мной премьер-министра Квебека представляет тому яркое подтверждение. Для жителей Квебека это великий день, когда благодаря нашему желанию установить согласие в духе справедливости и великодушия они могут быть представлены как отдельное правительство на этом знаменательном собрании...²¹

Демонстрируя открытость и перемены в политике, канадский премьер в то же время в ходе мероприятия жестко реагировал на попытки Квебека выйти за рамки договоренностей. Когда на второй день саммита в ходе дискуссии по экономическим вопросам Робер Бурасса взял слово без согласования с канадской делегацией и затем заявил об этом на пресс-конференции, Малруни немедленно указал на неправомерность подобных заявлений. В сердцах он раздраженно заметил квебекскому лидеру: «Трюдо предупреждал, что вы сделаете что-то в этом роде... Поэтому он был против саммита, опасаясь таких людей, как вы. Следующий саммит Франкофонии никогда не состоится, если вы не обеспечите меня незыблемыми гарантиями»²². На следующий день (третий заключительный день

саммита) Малруни даже демонстративно отвернулся от квебекской делегации, когда ее члены входили в зал²³. Впрочем, далеко идущих последствий этот инцидент не имел и его быстро замяли. Малруни, вынашивавшему амбициозные планы преодоления конституционного кризиса, было невыгодно всерьез ссориться с квебекским премьером-федералистом.

В целом первый саммит Франкофонии, с одной стороны, дал Малруни возможность поднять ряд вопросов, которые он считал важными, – в частности о противодействии режиму апартеида в ЮАР, помощи африканским странам, урегулированию в Намибии и т. п. С другой – он позволил нормализовать и стабилизировать канадско-французские отношения. Этому в немалой степени способствовали усилия двух лидеров – Миттерана и Малруни, между которыми установились весьма теплые и доверительные личные связи. В то же время саммит был очень важен для Бурасса, которому нужно было продемонстрировать, что Квебек является прежде всего надежным торгово-экономическим партнером и может играть (пусть и не всегда) самостоятельную роль в мировой политике. Кроме того, он добивался того, чтобы местом проведения следующего саммита был выбран Квебек (с чем изначально были согласны далеко не все – в частности ряд африканских лидеров предлагали провести второй саммит на «Юге»). В конечном итоге Бурасса удалось – естественно, не без поддержки канадской стороны – добиться того, что местом проведения второго саммита была выбрана столица его провинции²⁴. Со своей стороны Малруни считал, что это послужит для Квебека дополнительным стимулом поддержать его политику.

* * *

Первый саммит Франкофонии вывел сотрудничество франкоязычных стран на качественно новый уровень. Как тогда заметил Миттеран, «Франкофония теперь стала равнозначна британскому Содружеству»²⁵. В том, что это произошло, была большая заслуга канадских и квебекских политиков, сумевших отойти от конфронтационной линии 1970 – начала 1980-х годов и достичь компромисса, который в итоге пошел на пользу и Канаде, и Квебеку, и Франкофонии.

- ¹ Чернов И.В. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 119.
- ² См.: Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник СПб. ун-та. 2014. Сер. 6. Вып. 2. С. 146–152.
- ³ См.: Акимов Ю.Г. «Да здравствует свободный Квебек!» – Шарль де Голль и Французская Канада // КЛИО. 2015. № 3. С. 241–249.
- ⁴ См.: Акимов Ю.Г. Квебек, Канада и институционализация международного франкофонного сотрудничества (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 18. М., 2014. С. 26–49.
- ⁵ Donaghy G., Carter N. “There Are No Half Countries”: Canada, La Francophonie, and the Projection of Canadian Biculturalism, 1960–2002 // Handbook of Canadian Foreign Policy / Ed. by P. James, N. Michaud, M.J. O’Reilly. 2006. P. 138.
- ⁶ Ibid. P. 141.
- ⁷ Head I., Trudeau P. The Canadian Way: Shaping Canada’s Foreign Policy, 1968–1984. Toronto: McClelland and Stuart, 1995.
- ⁸ См.: Belkhdja C. Entre la discorde et l’indifférence: le Québec, le Nouveau-Brunswick et la Francophonie internationale // Canada and the New World Order: Facing the New Millennium / Ed. by M.J. Tucker, R.B. Blake, P.E. Bryden. Toronto: Irwin Publishing, 2000. P. 185–200.
- ⁹ Donaghy G., Carter N. Op. cit. P. 141.
- ¹⁰ См.: Paquin St. La relation Québec–Paris–Ottawa et la création de l’organisation internationale de la francophonie (1960–2005) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2006. Vol. 3. № 223. P. 31–47.
- ¹¹ Histoire des relations internationales du Québec / Sous la dir. de S. Paquin avec la coll. de L. Beaudoin. Montréal, 2006. P. 144.
- ¹² Ibid. P. 138.
- ¹³ См.: Комаров А.Н. Франкоканадский вопрос в политике канадских консерваторов (вторая половина XX – начало XXI в.) // Вестник СПб. ун-та. 2015. Сер. 2. Вып. 2. С. 34–43; Он же. Консервативные кабинеты во главе с Б. Малруни в 1984–1993 годах у власти: итоги и уроки // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 42–58.
- ¹⁴ Mulroney B. Memoirs. Toronto: McClelland & Stewart, 2011. P. 413.
- ¹⁵ Canadian Foreign Policy, 1945–2000: Major Documents and Speeches / Ed. by A.E. Blanchette. Ottawa, 2000. P. 242–243.
- ¹⁶ Entente entre le gouvernement du Québec et le gouvernement du Canada relative au Sommet francophone, 7 novembre 1985 // Gouvernement du Québec. Secrétariat aux affaires intergouvernementales canadiennes. [Электронный ресурс] URL: <https://www.saic.gouv.qc.ca/documents/positions-historiques/positions-du-qc/partie3/Document21.pdf> (дата обращения: 19.03.2016).
- ¹⁷ Mulroney B. Op. cit. P. 413.

- ¹⁸ *Black R.B.* Transforming the Nation: Canada and Brian Mulroney. Montreal; Toronto: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 124.
- ¹⁹ *Mulroney B.* Op. cit. P. 414.
- ²⁰ Речь идет о Либеральной партии Квебека (PLQ), которая является провинциальной политической партией центристского и федералистского толка и организационно никак не связана с Либеральной партией Канады.
- ²¹ *Mulroney B.* Op. cit. P. 415.
- ²² *Ibid.* P. 417.
- ²³ *Rémillard G.* Le Premier Sommet de la Francophonie: Derrière les rideaux de Versailles, les premières grandes manœuvres du Lac Meech // Force. Hiver 2007–2008. № 152. [Электронный ресурс] URL: <http://www.magazineforces.com/node/251> (дата обращения: 19.03.2016).
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Mulroney B.* Op. cit. P. 415; см. также: *Barrat J., Moisei Cl.* Géopolitique de la francophonie: un nouveau souffle? Paris: Documentation Française, 2004. P. 22, 26.

Д.О. Вакарчук

Эволюция развития атомной энергетики стран Центрально-Восточной Европы в контексте формирования единой энергетической политики Евросоюза (2000–2011)

В статье анализируется развитие атомной энергетики стран ЦВЕ в условиях формирования единой энергетической политики Евросоюза. Расширение ЕС на восток Европы оказало влияние на энергетическую безопасность стран ЦВЕ. Государства ЦВЕ – члены ЕС были вынуждены адаптировать национальные энергетические политики согласно экологическим стандартам Евросоюза. В связи с растущей зависимостью ЕС от импорта ископаемых источников энергии был взят курс на диверсификацию внутреннего потребления энергии, в том числе на развитие возобновляемых источников энергии. Существенные отличия между новыми и старыми членами ЕС в сфере энергетики, особенно в области использования атомной энергетики, вылились в проблему энергетической безопасности стран ЦВЕ, лишив ряд из них возможности диверсификации внутреннего энергообеспечения за счет атомной энергетики. Таким образом, ядерная энергетика стала одной из причин раскола энергетического пространства ЕС на западную и восточную части, что негативно отразилось на развитии единой энергетической политики ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, страны ЦВЕ, энергетическая безопасность ЕС, энергетическая политика ЕС, атомная энергетика.

В рассматриваемый в исследовании регион Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ) входят следующие страны: Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Словения. На рубеже 1980–1990-х годов они встали на путь системной трансформации хозяйственного комплекса с целью перехода от советской к западноевропейской модели развития экономики и общества и дальнейшего вступления в Европейский союз.

В период реформ крупным изменениям подвергся топливно-энергетический комплекс (ТЭК), так как энергетическая отрасль всегда имела определяющее значение для экономического развития государств ЦВЕ¹. Их энергетические системы «создавались в соответствии с общими программами развития энергетической отрасли странами СЭВ при активном участии советских специалистов и применении советских технологий»². При техническом содействии СССР были построены основные энергетические мощности и инфраструктурные объекты государств данного региона, в частности система нефте- и газопроводов, атомные электростанции (АЭС), гидроэлектростанции и т. д. Однако ориентация этих стран на вступление в западноевропейские интеграционные объединения изменила ситуацию. Процесс реформирования затронул как концептуальные основы развития отрасли, так и отдельные ее структурные элементы. Преобладавшее в ТЭК стран ЦВЕ присутствие российского бизнеса было сведено в основном к поставкам энергетических носителей³.

Таким образом, с конца 1980 – начала 1990-х годов происходит фундаментальное изменение значения региона ЦВЕ в европейской и мировой политике. Это связано с трансформацией не только экономики, но и структуры международных отношений в результате окончания холодной войны и распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений – после самороспуска Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД), развала СССР и прекращения военно-политического и экономического противостояния двух социальных систем и военно-политических блоков. Важную роль в этом процессе играет энергетика, которая становится одним из существенных факторов развития международных экономических и политических отношений, выполняя как стабилизирующую, так и дестабилизирующую роль ввиду появления новых рисков, вызовов и угроз. Среди них такие, как стремительный рост спроса на энергетические носители в развивающихся странах, проблема поставок природного газа в Европу, необходимость декарбонизации энергетики, обеспечения безопасности ее объектов, дефицит рентабельных источников энергии.

Параллельно с переориентацией ТЭК стран ЦВЕ на европейские и евроатлантические структуры в начале 1990-х годов развернулся активный процесс формирования единого энергетического рынка и общей энергетической политики Европейского союза⁴. Необходимость выработки такой политики была обусловлена «сохранением углеводородной структуры энергопотребления, по-

сколькx исключительно путем внутренней диверсификации (роста производства энергии на АЭС и применения возобновляемых источников энергии – ВИЭ) невозможно замещать исчерпываемые первичные энергоносители и снижать внешнюю энергетическую зависимость ЕС»⁵.

В 1995 г. Еврокомиссией был разработан первый комплексный обзорно-рекомендательный стратегический документ, явившийся исходной точкой в формировании общей энергетической политики Союза, – Белая книга «Энергетическая политика для Европейского союза»⁶. В ней впервые были зафиксированы три цели будущей общей энергетической политики ЕС: устойчивое развитие, конкурентоспособность, надежность энергоснабжения⁷.

Следующим шагом, предпринятым в 2000 г., стало утверждение долгосрочной стратегии ЕС в области энергетики – Зеленой книги «Навстречу европейской стратегии безопасности энергообеспечения»⁸. Этот документ провозгласил развитие альтернативной энергетики одним из приоритетных направлений энергетической политики ЕС. Важный акцент был сделан на развитие атомной энергетики, поскольку это позволило бы сократить выбросы парниковых газов и обеспечить энергетическую безопасность. В случае прогресса в атомной энергетике предполагалось «сократить выбросы углекислого газа в атмосферу на 300 млн тонн к 2010 г.»⁹. Однако Еврокомиссией также признавалось появление новых вызовов, связанных с использованием атомной энергетики. Поэтому в Зеленой книге выражалось намерение разработать единые стандарты по контролю над ядерными отходами, а также за безопасностью использования ядерных реакторов.

В документе выделялась важная роль руководящих органов ЕС в содействии интеграции энергетической политики государств-членов. Отмечалось, что «изолированная энергетическая политика государств-членов в условиях растущей взаимозависимости не будет эффективна»¹⁰. Говоря о влиянии этой стратегии на формирование общей энергетической политики ЕС, стоит отметить, что она во многом сыграла промежуточную роль между Белой книгой 1995 г. и Зеленой книгой 2006 г.

Зеленая книга 2006 г. под названием «Европейская стратегия достижения устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики»¹¹ представляла собой общий план долгосрочной энергетической стратегии, а также выделяла основные тенденции развития энергетического сектора ЕС. Еврокомиссия в очередной раз признала, что для эффективного достижения целей стратегии необходима «единая позиция всего Европейского союза»¹².

В частности, в документе подчеркивалось, что «подход, основанный на 25 индивидуальных энергетических политиках стран-членов, недостаточен»¹³. Также отмечалось, что «если ЕС сформирует единую энергетическую политику и будет выступать “единым голосом” на международной арене по проблемам развития энергетики, то Европа сможет возглавить глобальный поиск решений энергетических проблем»¹⁴.

На основе целей энергетической политики, определенных в Зеленой книге 2006 г., Еврокомиссией в 2007 г. был подготовлен ряд документов, в которых содержались конкретные предложения для их реализации на уровне Союза. В совокупности эти документы получили название «Энергетический пакет». Энергетический пакет более подробно развивал положения Энергетической стратегии 2006 г. и окончательно закреплял политический фундамент для дальнейшей ее реализации в виде директив Европейского парламента и Совета.

Ключевым документом, который входил в Энергетический пакет, являлся первый стратегический обзор энергетики ЕС «Энергетическая политика для Европы»¹⁵, содержавший комплексную программу действий в данной сфере. Его особенностью стала приверженность принципу, согласно которому ЕС и государства-члены должны осуществлять единую политику в области энергетики. То есть, как отмечает российский исследователь энергетических проблем стран ЦВЕ Ю.А. Сафонова, «документ не предусматривал дифференцированного подхода к различным государствам – членам ЕС, несмотря на то, что расширение ЕС было завершено лишь в 2007 г. и говорить об однородности состава государств в границах ЕС было еще очень рано»¹⁶.

Проблема заключалась в том, что вступившие в ЕС в 2004 и 2007 гг.¹⁷ страны ЦВЕ отличались как от старых членов Союза, так и друг от друга по многим показателям, таким как экономический потенциал, финансовая обеспеченность, прогресс науки и техники. Это касалось и энергетики в силу различий ресурсного, технологического, геополитического и исторического характера. Все это привело к тому, что интеграция политик государств – членов ЕС в энергетической сфере стала одной из самых трудных задач для Союза. Таким образом, по меткому замечанию российского исследователя А.В. Деденкулова, «страны ЦВЕ с момента их вступления в Евросоюз находятся на передовой его энергетической политики»¹⁸.

Следует отметить, что государства ЦВЕ, как и члены ЕС в целом, располагают незначительными запасами традиционных ископаемых источников энергии. Так, по данным британской

нефтегазовой компании “British Petroleum” (BP), совокупные достоверные запасы нефти стран ЦВЕ составляли на конец 2013 г. 0,1 млрд т, природного газа – 0,2 трлн куб. м, угля – 10,834 млн т¹⁹. При этом источники ископаемого сырья в регионе распределены неравномерно: больше всего запасов сосредоточено в Польше и Чехии, которые являются в ЦВЕ лидерами по добыче угля²⁰. Однако из года в год эти запасы истощаются. По данным Еврокомиссии, с 1995 по 2013 г. совокупное производство энергоресурсов странами ЦВЕ сократилось на 32%²¹.

В связи с этим существенная диспропорция между уровнями производства и потребления энергии всегда представляла угрозу для энергетической безопасности государств региона и диктовала необходимость, во-первых, импортировать ископаемые энергоресурсы в значительных объемах и, во-вторых, компенсировать возрастающий внутренний спрос на энергию за счет развития не-ископаемых источников энергии²².

Среди последних важную роль в ТЭК стран ЦВЕ всегда играла атомная энергетика²³. Большая часть ее объектов была возведена в годы существования СССР и СЭВ. Так, при финансовой и технической помощи СССР были построены следующие АЭС: «Пакш» в Венгрии, «Козлодуй» в Болгарии, «Кршко» в Словении, «Дукованы» в Чехии, «Богунице» и «Мохоце» в Словакии²⁴.

В начале 2000-х годов на атомных электростанциях стран ЦВЕ вырабатывалось около 20% электроэнергии. Остальная ее часть производилась на тепловых электростанциях (ТЭЦ), сырьем которых является каменный уголь. При этом доля энергии, генерируемой на АЭС, в структуре региональной выработки электроэнергии выросла с 14,4% в 1990-е годы до 24,2% в начале второго десятилетия XXI в.²⁵ Признанными лидерами в данной области в тот период были Венгрия, Болгария и Словакия, которые в совокупности обеспечивали 67% атомной электрической генерации стран ЦВЕ. Однако в силу целого ряда причин в 2012 г. ситуация изменилась. Лидирующую позицию заняла Чехия. Места в тройке сохранили Болгария и Венгрия.

Если говорить о возобновляемых источниках энергии²⁶ и их доле в энергопотреблении стран ЦВЕ, то в данной сфере наблюдается существенная динамика. Благодаря закреплению в энергетических стратегиях ЕС цели перейти в перспективе к повсеместному использованию ВИЭ эти источники энергии получили значительную политическую и финансовую поддержку в государствах ЦВЕ – членах ЕС. Действительно, если еще в 2003 г. за счет ВИЭ производилось лишь около 24,7 ТВт/ч (6% совокупной генерации

электроэнергии региона), то к концу 2013 г. – 60,3 ТВт/ч (13,8%)²⁷. Таким образом, доля ВИЭ в совокупной электрической генерации стран ЦВЕ вплотную приблизилась к доле атомной энергии.

Характеризуя страновую специфику ТЭК региона, необходимо отметить, что в 2000-е годы в энергобалансе Венгрии была сделана ставка на производство атомной энергии и импорт природного газа. В ТЭК Словении, Румынии и Болгарии значительно снизилось использование ископаемых источников энергии, при этом акцент был сделан на атомную энергетику и ВИЭ. В энергетических секторах Польши, Чехии и Словакии уменьшилось потребление угля и увеличилось потребление импортируемых нефти и газа. При этом в Чехии перспективным направлением диверсификации ТЭК стала атомная энергетика²⁸.

Если же рассматривать энергобаланс государств ЦВЕ в целом, то по данным за 2013 г. доля ископаемых источников энергии в первичном потреблении этих стран составила около 75%²⁹. Следовательно, можно сделать вывод, что в энергетическом потреблении ЦВЕ по-прежнему доминируют ископаемые источники энергии.

Как мы уже отметили, согласование политических курсов в энергетической сфере между странами ЦВЕ, вступившими в ЕС, и остальными членами Союза проходило с большими трудностями. Одна из них – ядерная энергетика. Несмотря на то что в энергетическом балансе ЕС с 2000 по 2011 г. атомная энергетика, доля которой равнялась 14%, стабильно занимала четвертое место, отношение к ней в некоторых западных странах – членах ЕС и Евросоюзе в целом было противоречивым.

С одной стороны, в конце 1980-х годов по всей Европе прокатилась «антиатомная кампания» в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, которая подорвала доверие европейских стран к этому виду энергии³⁰. В результате в Италии и Австрии использование атомной энергетики было запрещено законом³¹. Начиная со второй половины 1990-х годов ЕС все больший акцент в своей энергетической политике стал делать на устойчивое развитие и защиту окружающей среды³². В связи с этим ВИЭ получили существенную политическую и финансовую поддержку, так как считались безопасными для окружающей среды, а также способными со временем заменить в энергетическом балансе ЕС импортируемые в больших количествах нефть и газ.

С другой стороны, в Зеленых книгах по энергетике 2000 и 2006 гг., а также в документе «Энергетическая политика для Европы» 2007 г. Еврокомиссией подчеркивалось, что ядерная энергия – это один из крупнейших и наиболее дешевых источников

безуглеводородной энергии. Таким образом, развитие ядерной энергетики полностью соответствовало провозглашенному Евро-союзом курсу на устойчивое развитие³³. При этом отмечалось, что ядерная энергия несет в себе две основные проблемы: во-первых, хранение ядерных отходов, а во-вторых, безопасность и нераспространение ядерных материалов. Еврокомиссия предлагала «включить эти важные вопросы в будущее обсуждение на уровне Союза»³⁴.

На момент вступления в ЕС большая часть энергетического потребления стран ЦВЕ обеспечивалась за счет экологически грязных источников энергии (уголь, нефть и газ), что не соответствовало целям энергетической политики Союза в области устойчивого развития. Дело в том, что в 2002 г. страны – члены ЕС официально ратифицировали Киотский протокол, т. е. взяли на себя юридические обязательства снизить эмиссию парниковых газов к 2010–2012 гг. на 8% по сравнению с показателями 1990 г.

Тем не менее почти все страны ЦВЕ, кроме Польши, обладали значительным потенциалом в области ядерной электроэнергетики, унаследованным со времен СЭВ. Наличие этого потенциала и возможная поддержка со стороны ЕС в его развитии могли бы гарантировать энергетическую безопасность стран ЦВЕ с учетом экологических требований Союза. Ведь ядерная энергетика не раз признавалась Еврокомиссией экологичным источником энергии наряду с ВИЭ³⁵. Кроме того, европейскими политиками в официальных документах подтверждалось еще одно преимущество атомной энергетики – меньшая уязвимость к колебаниям мировых цен на нефть, а также выгодное для Евросоюза геополитическое местонахождение основных залежей природного урана, необходимого для работы ядерных реакторов³⁶.

Однако недоверие к атому со стороны руководства ЕС изменило ситуацию в области атомной энергетики в регионе³⁷. Дело в том, что оно относилось к большинству реакторов АЭС стран ЦВЕ к реакторам «чернобыльского образца»³⁸, не соответствующим общепринятым в Союзе стандартам безопасности. Поэтому одним из условий вступления в Евросоюз, поставленных некоторым странам-кандидатам, было полное или частичное отключение АЭС. Также руководством ЕС рассматривалась модернизация АЭС стран ЦВЕ там, где этим можно было бы ограничиться. При этом было ясно, что закрытие АЭС в рассматриваемом регионе приведет к дефициту электроэнергии и повышению цен на нее³⁹.

В итоге Болгария закрыла четыре из шести энергоблоков на АЭС в Козлодуде, также была приостановлена работа реакторов на

АЭС в Богуннице в Словакии⁴⁰. При этом важно подчеркнуть, что до 2006 г. Болгария экспортировала 7,8 млрд кВт/часов электроэнергии, что после закрытия реакторов стало невозможным.

В 2007 г. страны Юго-Восточной Европы – Сербия, Македония, Хорватия и Албания – приняли декларацию в поддержку обращения Болгарии в руководящие институты ЕС о возобновлении работы реакторов на АЭС в Козлодуде, предупреждая о негативных последствиях, которые произойдут, если этого не будет сделано, с учетом того, что со времени остановки реакторов стоимость электроэнергии возросла на 80–100%⁴¹. Однако Еврокомиссия ответила на данный запрос отказом, ссылаясь на то, что для пересмотра положений договора о вступлении в ЕС между Союзом и Болгарией необходимо было бы задействовать сложную процедуру подписания и ратификации измененного договора всеми странами – членами ЕС⁴².

В результате с 2000 по 2012 г. доля атомных мощностей в совокупном объеме электрогенерирующих мощностей в странах ЦВЕ снизилась с 13 до 10,7%⁴³.

Таким образом, вступление стран ЦВЕ в ЕС серьезно обострило проблему их энергетической безопасности, лишив ряд из них возможности диверсификации энергообеспечения за счет атомной энергетики. Это вынудило их искать альтернативные возможности для компенсации возникшей брешы в энергетическом балансе.

При этом в таких странах региона, как Чехия и Румыния, напротив, в 2000-е годы был зафиксирован рост использования атомной энергии. К 2011 г. ее генерация увеличилась в них в два раза и составила в Румынии 11,5 ТВт/ч, а в Чехии 30,3 ТВт/ч⁴⁴. Такое развитие событий было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, украинским транзитным кризисом 2006 г., который увеличил риски поставок в страны ЦВЕ углеводородов, в первую очередь газа, использовавшегося многими из них как альтернатива углю. Во-вторых, адаптацией стран рассматриваемого региона после вступления в ЕС к общеевропейской политике декарбонизации, активно лоббируемой Союзом с начала 2000-х годов. В-третьих, резким скачком цен на нефть после 2007 г., что привело к «ренессансу атомной энергетики» в странах ЕС.

Важным этапом развития единой энергетической политики Союза стало принятие Лиссабонского договора ЕС, после вступления в силу которого в 2009 г. Евросоюз формально получил полномочия в сфере энергетики, которые нашли свое отражение в Договоре о функционировании Европейского союза (ДФЕС)⁴⁵.

Во-первых, энергетика и трансевропейские сети были официально закреплены как сферы совместной компетенции ЕС и государств-членов⁴⁶. Во-вторых, сфера энергетики как таковая была отражена в разделе XXI ДФЕС. Согласно п. 1 ст. 194 цели энергетической политики ЕС, ранее фигурировавшие только в программных документах Еврокомиссии и документах Европейского совета, получили юридическую силу.

Однако согласно п. 2 ст. 194 «меры, принимаемые Парламентом и Советом, не должны оказывать негативного влияния на право государства-члена самостоятельно определять условия эксплуатации его энергетических ресурсов и на определение структуры энергетических поставок»⁴⁷. То есть вопросы определения структуры энергетического баланса, внешних поставок, а также доступа к добывающему сектору остались в индивидуальной компетенции государств – членов ЕС. Как отмечают отечественные исследователи энергетического рынка ЕС С.С. Селиверстов и И.В. Гудков, «передача компетенции по вопросу определения состава национальных энергетических балансов на уровень ЕС возможна только на основании единогласного решения Совета»⁴⁸.

Современный этап развития внутренней энергетической политики Евросоюза начался в 2010 г., когда Европейской комиссией был принят новый стратегический документ в области энергетики, получивший название «Энергия 2020. Стратегия для конкурентной, устойчивой и безопасной энергетики»⁴⁹. Основное внимание в нем было уделено проблеме безопасности ядерных объектов и развитию ядерной энергетики в целом. В том числе предполагался пересмотр базовых стандартов безопасности рабочих и населения при эксплуатации ядерных объектов, унификация стандартов проектирования атомных электростанций и пересмотр атомной директивы ЕС. Как пишут С.С. Селиверстов и И.В. Гудков, «сделанный в Энергетической стратегии 2010 г. акцент на развитие атомной энергии показывает, что впервые Комиссия настолько четко взяла курс на продвижение мирного атома»⁵⁰. Таким образом, Энергетическая стратегия 2010 г. возвела на официальный уровень ЕС изменяющаяся позиция стран Союза и самого ЕС в отношении атомной энергетики.

Дело в том, что конец первого десятилетия XXI в. ознаменовался беспрецедентным «парадом» решений таких стран ЕС, как Италия и Германия, частично или полностью пересматривавших прежние запреты на строительство и эксплуатацию АЭС⁵¹. На уровне ЕС поддерживались проекты строительства АЭС в Польше и наращивания мощностей в других странах Союза, заинтересован-

ных в развитии атомной энергетики. Например, Венгрия намеревалась удвоить мощность своей единственной АЭС.

Даже после аварии на японской АЭС «Фукусима» в марте 2011 г. новый курс стран ЕС был подвергнут корректировке только в Германии, Италии и Франции. Остальные страны-члены, в том числе из ЦВЕ, заявили о продолжении своих программ по развитию атомной энергетики ввиду их привлекательности с точки зрения экономики и экологии. Однако негативная позиция в отношении атомной энергетики такого важного государства – члена ЕС, как Германия, вынудила страны ЦВЕ «блокироваться в интересах совместного отстаивания общих позиций в сфере атомной энергетики»⁵². Площадкой для солидаризации был выбран формат Вышеградской группы, в рамках которой при содействии Европейской комиссии страны ЦВЕ начали разработку атомных реакторов IV поколения⁵³.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе построения единой энергетической политики ЕС столкнулся с объективными сложностями, которые были вызваны в первую очередь различными подходами к обеспечению энергетической безопасности странами – членами восточной и западной части Союза. Так, по мнению крупного английского специалиста в области энергетической безопасности ЕС Пьера Ноэля, ключевая проблема энергетической политики ЕС заключается не в зависимости от поставок российского газа, а в «различиях среди государств – членов ЕС в плане энергетических балансов и уровнях диверсификации внутренних энергетических рынков», т. е. смысл в том, что, несмотря на усилия Европейской комиссии по созданию единого энергетического пространства Союза, оно по-прежнему остается расколотым на восточную и западную части⁵⁴.

Наиболее ярко данный раскол проявился в сфере ядерной энергетики. Неоднозначное отношение ЕС к ее развитию, ставка Союза в целом и его экономически развитых государств-членов на ВИЭ в процессе экологизации энергетической отрасли, стремление Союза выступать «единым голосом» по вопросам энергетики без учета региональной специфики ТЭК – все это привело к торможению развития потенциально перспективной сферы атомной энергетики в странах ЦВЕ. Ответом на описанные выше действия ЕС стала попытка синхронизации государствами данного региона своих энергетических политик в рамках механизмов регионального сотрудничества, таких как Вышеградская группа, с целью продвижения групповых интересов этих стран в уполномоченных принимать решения структурах ЕС.

- ¹ Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 18. Об особенностях переходного периода в странах ЦВЕ см. также: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. Т. 2: От стабилизации к кризису: 1966–1989. М.: Наука, 2002; Т. 3. Ч. I–II: Трансформации 90-х годов. М.: Наука, 2002; Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: Проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010.
- ² Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 19.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ *Жизнин С.З.* Энергетическая дипломатия России: Экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. С. 287; *Боровский Ю.В.* Современные проблемы мировой энергетики. М.: Навона, 2011. С. 184; *Гудков И.В.* Газовый рынок Европейского союза: Правовые аспекты создания, организации, функционирования. М.: Нестор Академик, 2007. С. 11; Европейская интеграция: Учеб. / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 374.
- ⁵ *Лукиш Л.* Роль Вышеградской группы в формировании общей энергетической политики Евросоюза: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. С. 12.
- ⁶ White Paper: An Energy Policy for the European Union. COM (95) 682 final / Commission of the European Communities. 1995. Dec. 13. [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/documentation/official-docs/white-papers/pdf/energy_white_paper_com_95_682.pdf (дата обращения: 15.04.2015).
- ⁷ Ibid. P. 4.
- ⁸ Green Paper: Towards a European Strategy for the Security of Energy Supply. COM (2000) 0769 final. 2000. Nov. 29. [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52000DC0769&from=EN> (дата обращения: 09.03.2015).
- ⁹ Ibid. P. 72.
- ¹⁰ Ibid. P. 18.
- ¹¹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council «Green paper. A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy». 08.03.2006// COM(2006) 105 final. [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_105_en.pdf (дата обращения: 09.03.2015)
- ¹² Ibid. P. 4.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ An Energy Policy for Europe. COM (2007) 1 final / Commission of the European Communities. 2007. Jan. 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa>

- eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0001&from=EN (дата обращения: 09.03.2015).
- 16 Сафонова Ю.А. Проблемы согласования интересов стран «Новой Европы» и наднациональных институтов ЕС в сфере атомной энергетики (на примере Литвы) // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 45.
- 17 С 1 мая 2004 г. – Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Чехия; с 1 января 2007 г. – Болгария и Румыния.
- 18 Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 65.
- 19 BP Statistical Review of World Energy 2014. London: BP, 2014.
- 20 Ibid.
- 21 EU Energy in Figures: Statistical Pocketbook 2014. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2014.
- 22 Неископаемые источники энергии – атомная, геотермальная, солнечная, приливная энергия, гидроэнергия, энергия ветра, биотопливо.
- 23 BP Statistical Review of World Energy 2014...
- 24 Атомная энергетика Восточной Европы // Мир АЭС. 2014. 28 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://miraes.ru/atomnaya-energetika-vostochnoy-evropy/> (дата обращения: 25.01.2016).
- 25 EU Energy in Figures...
- 26 ВИЭ: энергия ветра, гидроэнергия, энергия приливов и отливов, энергия волн, энергия солнечного света, геотермальная энергия, биоэнергетика.
- 27 EU Energy in Figures...
- 28 Сафонова Ю.А. Указ. соч. 45.
- 29 EU Energy in Figures...; BP Statistical Review of World Energy 2014...; BP Statistical Review of World Energy 2002. London: BP, 2002.
- 30 Сафонова Ю.А. Указ. соч. С. 45.
- 31 Там же. С. 46.
- 32 Тогапова Н.В. Стратегии ФРГ в сфере возобновляемых источников энергии: Внутренняя и внешняя политика // Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / Под ред. Ф.Г. Войтоловского, А.В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012. С. 113.
- 33 An Energy Policy for Europe. COM (2007) 1 final... P. 17.
- 34 Ibid. P. 17.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid. P. 18.
- 37 Офицеров-Бельский Д.В. Пределы энергетической зависимости Восточной Европы // Международные процессы. 2015. Январь–март. № 1. С. 2.
- 38 Там же.
- 39 Там же. С. 3.

- 40 Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 65.
- 41 *Пашковская И.Г.* Энергообеспечение Европейского союза: Восточное направление. М.: Навона, 2010. С. 5.
- 42 Там же.
- 43 EU Energy in Figures...
- 44 *Пашковская И.Г.* Указ. соч. С. 6.
- 45 Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012. Oct. 26. [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (дата обращения: 25.03.2015).
- 46 Ibid. Art. 4 (2).
- 47 Ibid.
- 48 *Селиверстов С.С., Гудков И.В.* Энергетическое право Европейского союза: Учеб. для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 71.
- 49 Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Energy 2020. A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy". COM (2010) 639 final. 2010. Nov. 10. [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0639:FIN:En:PDF> (дата обращения: 25.03.2015).
- 50 *Селиверстов С.С., Гудков И.В.* Указ. соч. С. 59.
- 51 *Зимаков А.* Атомная энергетика ЕС: экономика против экологии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 9. С. 16.
- 52 Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 68.
- 53 Там же. С. 65.
- 54 *Noel P.* Beyond Dependence: How to Deal with Russian Gas / European Council on Foreign Relations. Cambridge, 2008. P. 9.

Консолидация российского общества
в первый президентский срок
В.В. Путина

В статье предпринята попытка анализа первых трех месяцев нахождения В.В. Путина на посту исполняющего обязанности Президента Российской Федерации. Влияние чеченского кризиса на консолидацию общества и стабилизацию государства после кризиса 1990-х годов.

Ключевые слова: исполняющий обязанности Президента РФ, чеченский конфликт, второй чеченский кризис, выборы, раскол.

На рубеже 1999–2000 гг., когда Владимир Владимирович Путин получил из рук Бориса Николаевича Ельцина должность исполняющего обязанности Президента Российской Федерации, российское и мировое сообщество находилось в недоумении. Главным вопросом был: who is Mr. Putin?

4 января 2000 г. Владимир Владимирович Путин дал интервью телеканалу ОРТ. Вся страна услышала, что он думает о своем назначении: «Понимаете, дело в том, что я никогда к этому не стремился. Здесь есть люди – их называют профессиональными политиками, которые десятилетиями сидят, у них в крови карьера, рост какой-то там. Я никогда не ставил себе таких целей. Так вот сложилось. Так жизнь сложилась»¹.

После кризиса 1993 г. было ясно, что вектор развития России – движение от коммунизма и посткоммунистического государства к демократическому обществу. Абсолютное большинство россиян поддерживало такой вектор, однако из-за отсутствия консолидации в вопросах, связанных с реализацией такого движения, начался раскол элит.

Этот раскол происходил на двух уровнях. Во-первых, на уровне столичных и региональных элит. В основании этого раскола лежит борьба распределения и перераспределения экономических и политических ресурсов. Региональные элиты были недовольны претензиями центра на тотальный контроль и управление всеми ресурсами страны. Федеральные элиты стремились довести контроль до полной реализации. Во-вторых, на политическом уровне между новыми и старыми элитами.

В связи с этим возникали два вопроса:

- распределение ресурсов;
- роль и место приватизации в процессе разгосударствления властными структурами.

Анализ данных расколов показывает, что, несомненно, политические элиты были разобщены. Противостояние между элитами можно оценить на основе различных факторов:

- столичный и региональный раскол: центр и провинция оказались в разных условиях выживания и существования;
- поколенческий раскол: разногласия между поколениями в отношении власти;
- этнонациональные расколы: после первого чеченского конфликта многие слои общества остро реагировали на лиц кавказской национальности.

Из сказанного выше следует, что в XXI в. общество и государство входило максимально расколотым. И для его сохранения и самосохранения требовалось найти основания, механизмы и способы консолидации.

Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации Владимир Владимирович Путин как претендент на пост главы государства должен был предложить наиболее эффективные способы воссоединения и доверия общества к государству.

С начала января 2000 г. исполняющий обязанности президента В.В. Путин произвел кардинальные перестановки в администрации главы государства.

Освобождены от должности:

- Шевченко Владимир Николаевич²;
- Семенченко Валерий Павлович³;
- Якушкин Дмитрий Дмитриевич⁴;
- Макаров Владимир Викторович⁵;
- Дьяченко (Ельцина) Татьяна Борисовна⁶;
- Шторх Андрей Алексеевич⁷;
- Минц Борис Иосифович⁸.

Данные изменения в Администрации главы государства показали, что исполняющий обязанности Президента РФ В.В. Путин решительно намерен укрепить свое положение.

Необходимо отметить: чтобы добиться укрепления своих позиций на политической арене, требовалось не только поменять верхушку Администрации Президента РФ, но и повысить уровень доверия россиян к исполняющему обязанности Президента РФ, а в дальнейшем и к Президенту страны.

Чтобы объединить расколовшееся общество, требовалось найти общего врага, который угрожал суверенитету государства и безопасности граждан РФ. В связи с бурным развитием деятельности боевиков на Северном Кавказе 7 августа 1999 г. возобновился чеченский конфликт. Таким образом, врагом в начале XXI в. стали экстремисты на Кавказе. После неудачного первого чеченского кризиса, из которого Российская Федерация вышла с огромными потерями, потребовалось реабилитировать себя посредством второго чеченского кризиса.

С экономической точки зрения данный конфликт для России был нецелесообразным, но для защиты своего народа от боевиков необходимо было любой ценой искоренить организованную преступность на Северном Кавказе. Несмотря на многомиллиардный внешний долг, объем госзаказа непрерывно рос – борьба с терроризмом для страны была основной задачей.

6 января 2000 г. прошла встреча В.В. Путина с вице-премьером, полномочным представителем Правительства в Чеченской Республике Николаем Кошманом. Итогом данных переговоров стало решение вопросов по восстановлению уничтоженной террористами социальной инфраструктуры в южных районах Чечни – Шалинском, Урус-Мартановском и Ачхой-Мартовском⁹.

10 января 2000 г. председатель правительства Владимир Путин в беседе с журналистами прокомментировал ситуацию в Чеченской Республике. Властям было известно, что террористы, которые совершили взрывы в Москве, Волгодонске, а также в Буйнакске, проходили боевую подготовку на территории Чеченской Республики – в Урус-Мартане. По мнению исполняющего обязанности Президента РФ боевики пытались скрыть свои жесточайшие преступления против чеченского народа.

11 января 2000 г. исполняющий обязанности Президента Российской Федерации подписал Указ «О внесении изменений в концепцию национальной безопасности России». Основные положения данной концепции касались отношений Российской Федерации с другими странами, национальных интересов, а также

угрозы национальной безопасности. К числу угроз была отнесена криминализация общественных отношений. Данный факт основывается на том, что рост терроризма и организованной преступности находится в прямой зависимости от форм собственности и острой борьбы за власть на основе групповых и этнонациональных интересов. Так как Российская Федерация – многонациональная страна, то интересы каждой из наций необходимо учитывать. Борьба с коррупцией и организованной преступностью имеет не только правовой, но и политический характер.

15 января 2000 г. Владимир Владимирович в интервью каналу ОРТ следующим образом обозначил свои позиции в отношении чеченского конфликта и предстоящих выборов:

- первый этап – мы окончательно возьмем Грозный. Второй этап – мы закончим операции в горах, кто бы там ни бегал и ни прятался по пещерам¹⁰;
- каждый кандидат на пост Президента РФ должен участвовать в предвыборной гонке без «единого скелета в шкафу», иначе в дело вступят правоохранные органы¹¹.

18 января 2000 г. состоялось выступление В.В. Путина на первом пленарном заседании Государственной Думы третьего созыва. Итогами данного выступления стали выводы: «Политика сотрудничества и взаимных ограничений – это единственно возможный и общий путь взаимодействия ветвей власти в современной России»¹².

Выступление Владимира Владимировича на совещании руководителей республиканских, краевых и областных судов, которое прошло 24 января 2000 г., повлияло на решение о необходимости проведения судебной реформы. «Вы хорошо понимаете: результаты вашей работы напрямую влияют на политическую и экономическую жизнь общества. Суды были и должны оставаться ключевым звеном в механизме обеспечения демократии, в обеспечении условий для рывка России в новый век», – сказал В.В. Путин¹³.

4 февраля 2000 г. на заседании Совета Безопасности В.В. Путин выдвинул две концепции развития государства: принятие новой Военной доктрины, так как доктрина 1993 г. устарела; необходимость налаживания авиастроения¹⁴.

21 января на расширенном заседании коллегии МВД были затронуты вопросы борьбы с коррупцией, экстремизмом, организованной преступностью. В связи с двухсторонними огромными потерями в ходе чеченской кампании исполняющий обязанности Президента Владимир Владимирович Путин выдвинул предположение, что угроза совершения террористического акта на территории Российской Федерации остается очень высокой.

6 февраля 2000 г., после месяца осады, освобождение Грозного все-таки произошло. Информацию о взятии последних рубежей террористического сопротивления исполняющий обязанности Президента РФ получил из Генерального штаба. «Над одним из административных зданий района водружен российский флаг, так что можно сказать, что операция по освобождению Грозного завершена», – заявил В. Путин в эфире телеканала ОРТ¹⁵.

Для восстановления Чеченской Республики, по словам Путина, необходимо создать эффективную систему контроля в экономической сфере, «потому что мы не можем и не имеем права превращать Чечню в черную дыру российской экономики»¹⁶, а также восстановить все государственные властные структуры и наладить единое правовое пространство. «В первую очередь должны восстанавливаться те районы республики, где полностью закончены все контртеррористические действия, где в будущем ничего не будет списано на новые разрушения»¹⁷.

Итогом второй чеченской кампании по борьбе с экстремизмом является искоренение власти банд формирования на территории Чеченской Республики, которые дестабилизировали целый обширный Северный Кавказ, вплоть до угрозы территориальной целостности Российской Федерации.

Чувство защищенности, целостности территории – вот что смогло объединить российское общество и удержать от распада всей Российской Федерации.

5 января 2000 г. Владимир Владимирович выступил на встрече с лидерами партий и движений Государственной Думы и объявил, что 21 февраля начнется предвыборная агитация кандидатов на пост Президента РФ¹⁸.

23 февраля 2000 г. в качестве кандидата в президенты Путин Владимир Владимирович изложил свою программу в «Открытом письме» избирателям: «Любая программа начинается с обозначения главных целей. Государственная – с того, что способно объединить всех нас, граждан своей страны. Для гражданина России важны моральные устои, которые он впервые обретает в семье и которые составляют самый стержень патриотизма. Это главное. Без этого невозможно договариваться ни о чем, без этого России пришлось бы забыть и о национальном достоинстве и даже о национальном суверенитете. Это наша отправная точка»¹⁹.

Победа во второй чеченской кампании, близость к народу, открытость – именно данные факторы не оставляли никаких сомнений в том, кто из кандидатов победит на президентских выборах.

26 марта 2000 г. прошли выборы президента Российской Федерации, итогами которых являлись победа Владимира Владимировича Путина – 53% голосов при явке на выборы 68,7%.

Таким образом, грамотные действия В.В. Путина на посту исполняющего обязанности Президента Российской Федерации привели российское общество к консолидации, а также к стабилизации государства после кризиса 1990-х годов.

Примечания

- ¹ Интервью телеканалу ОРТ. 4 января 2000 г. Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24377> (дата обращения: 17.03.2016).
- ² Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14908> (дата обращения: 20.03.2016).
- ³ Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14903> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁴ Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 5. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14910> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁵ Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14906> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁶ Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 7. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14905> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁷ Указ Президента Российской Федерации от 03.01.2000 г. № 8. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14916> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁸ Указ Президента Российской Федерации от 04.01.2000 г. № 9. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14917> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁹ События – Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/37413> (дата обращения: 20.03.2016)
- ¹⁰ События – Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24123> (дата обращения: 20.03.2016).
- ¹¹ Там же.
- ¹² События – Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24124> (дата обращения: 20.03.2016).
- ¹³ События – Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21536> (дата обращения: 20.03.2016).
- ¹⁴ События – Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24137> (дата обращения: 20.03.2016).

- 15 События – Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24373> (дата обращения: 20.03.2016).
- 16 События – Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24143> (дата обращения: 20.03.2016).
- 17 Там же.
- 18 Стенограммы – Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/page/419> (дата обращения: 20.03.2016).
- 19 Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Коммерсант. 2000. № 32. С. 3.

Политика правительства
императрицы Анны Иоанновны
в отношении евреев
во второй четверти XVIII в.

В статье изучается политика правительства Российской империи в отношении евреев в период правления Анны Иоанновны (1730–1740). Отмечается, что российские чиновники стремились использовать потенциал евреев для оживления слабо развитого в экономическом отношении юга страны и вместе с тем пытались не допустить усиления конкуренции со стороны евреев купечеству и связанному с ним экономическими интересами дворянству. В контексте исследования политика правительства Анны Иоанновны сравнивается с политикой правительства Елизаветы Петровны. Отмечается, что в период ее правления (1742–1761) сановники стали более активно стремиться перевести евреев в православие.

Ключевые слова: евреи, политика, антисемитизм, дискриминация, иудаизм, христианство.

В период царствования императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) в отношении еврейского населения появилось несколько законодательных актов. 10 сентября 1731 г. был издан Сенатский указ¹, в соответствии с которым евреям разрешалось приезжать в Смоленскую губернию для торговли своими товарами оптом с запрещением продажи их «в рознь и на локти». Кроме того, им запрещалось ввозить в Смоленск и в Малую Россию валюты низкого номинала: «копеек и другой монеты под Российским гербом». Из текста указа видно, что несмотря на определенную либеральность, он содержал также и важные ограничения для торговли евреями.

4 марта 1734 г. вышел синодский указ². В нем не предусматривалось никаких ограничений для перехода в христианскую веру для иудеев, как и для адептов любого другого вероисповедания.

Более того, указ обязывал чиновников не препятствовать иноверцам, переходящим в православие. По моему мнению, данный указ был направлен на упрощение процедуры перехода в православие для адептов других вероисповеданий как необходимого факта укрепления Русской православной церкви – оплота великорусской державности.

31 июля 1734 г. был издан именной указ, в соответствии с которым евреям разрешалось «продавать свои товары по ярмаркам в рознь на локти и фунты»³. По указу евреям разрешалось продавать свои товары в городах Малороссии «врозь на локти и фунты», но не дозволялось вывозить с собой за границу золото и серебро, а также ввозить в Россию из-за границы монеты под российским гербом. Вместе с тем данный законодательный акт содержал приписку «впредь до Нашего указа». Интересно отметить, что, по мнению израильского профессора Д.Д. Клиера, сначала право торговать в розницу распространилось только на Харьков, а уже потом – на всю Малороссию⁴. По-видимому, правительство Российской империи отлично понимало пользу экономической деятельности евреев для слабо развитого юга страны и потому допустило их до торговли в этом крае, однако опасение экономической конкуренции со стороны евреев, а также национальные и религиозные предрассудки вызывали у высших сановников государства нетерпимость к евреям и существенным образом тормозили либерализацию законодательства о евреях и эмансипацию еврейского населения, а также замедляли экономический рост в Российской империи. Однако временное пребывание евреев в Малороссии положительно влияло на обстановку в этом регионе и вскоре послужило основанием для их прочной оседлости.

Период правления Анны Иоанновны (1730–1740) нельзя оценивать однозначно. По словам историка С.М. Дубнова, правление императрицы можно характеризовать как время репрессий по отношению к евреям⁵. Публицист А.И. Ребель отмечала, что императрица лично ненавидела евреев и препятствовала их проникновению в Россию⁶. По моему мнению, с одной стороны, были изданы законодательные акты, разрешающие евреям производить торговлю в Малороссии и на Смоленщине, а с другой – эти законодательные акты содержали ограничения для экономической деятельности евреев, выразившиеся в запрещении покупки одних товаров на деньги, вырученные от продажи других товаров, запрещении на вывоз серебряных и золотых денег из России и ввоз мелких монет под гербом Российской империи. Также указ 10 сентября 1731 г. разрешал евреям производить оптовую торговлю

и запрещал розничную. Этот запрет был снят указом 31 июля 1734 г., т. е. только через три года после принятия указа, содержащего данное ограничение. Важно отметить, что своей высокопрофессиональной предпринимательской деятельностью евреи сумели доказать пользу от своего пребывания в Российской империи и потому им разрешили доступ в Малороссию, а потом и на Смоленщину для оживления слабо развитых в экономическом отношении регионов страны.

Теперь хотелось бы сравнить политику императрицы Анны Иоанновны в отношении евреев с политикой императрицы Елизаветы Петровны, правящей после Анны Иоанновны. Период правления императрицы Елизаветы Петровны (1742–1761) ознаменовался принятием нескольких реакционных указов в отношении евреев. 2 декабря 1742 г. был издан именной указ⁷. В нем говорилось о том, что им подтверждалась сила указа от 26 апреля 1727 г. «О высылке Жидов из России и о наблюдении, дабы они не вывозили с собой золотых и серебряных Российских денег»⁸, и предписывалась высылка всех евреев из Малороссии, продолжающих там жительство и занимающихся предпринимательской деятельностью. В указе строго предписывалось местным чиновникам не позволять евреям вывозить из России золото и серебро. Таким образом, правительство пыталось бороться с контрабандой. Важно отметить, что указ предписывал не высылать из страны евреев, желающих перейти в православие. Историк Ю.И. Гессен отмечал, что «указ был опубликован по всему государству, дабы повеление стало известным всем подданным»⁹. Причиной данного послабления было стремление к христианизации евреев, так как иудейская религия считалась главной противницей христианской. Кроме того, правовое управление единоверцами упростилось бы, поскольку они попадали бы преимущественно под действие тех же норм, что и христиане.

В целях поддержки новокрещенных 28 сентября 1743 г. был издан Высочайше утвержденный доклад сената¹⁰. В нем говорилось о том, что необходимо передать в управление дела мусульман, идолопоклонников и атеистов Казанской, Астраханской, Симбирской, Нижегородской и Воронежской губерний Архимандриту Дмитрию Сеченову. Священный Синод повелел построить для новокрещенных 30 церквей. Для поселения их следовало выбрать область между Саратовом и Царицыном. Им полагалось освобождение из холопства, и они на три года освобождались от уплаты чрезвычайных пошлин. Из содержания видно, что этот указ относился к магометанам, идолопоклонникам и атеистам, а о евреях-иудеях в нем не говорилось.

Связано это было с тем, что до времен аннексии территорий от Речи Посполитой в Российской империи евреев жило немного. Однако после разделов Польши в середине – конце XVIII в. численность евреев значительно увеличилась, и действие данного указа было обращено на них. Это обстоятельство подтверждается тем, что в указе от 8 марта 1829 г.¹¹ давалась ссылка на указ от 28 сентября 1743 г.¹² и говорилось о том, что новокрещенные евреи, указанные в нем, привилегии имеют. Полагаю, что новокрещенные евреи недолго оставались в христианском законе. Многие тайно продолжали исповедовать религию предков и даже полностью возвращались к ней, хотя ношение нательных крестиков, посещение храмов (особенно в православные праздники, когда это было строго необходимо по православной традиции) и общение в православных кругах не могли не наложить своего отпечатка, и евреи-выкресты постепенно русифицировались. Аналогичная практика имела место в России при крещении других иноверцев. 16 декабря 1743 г. была издана Высочайшая резолюция на доклад Сената «О воспрещении Жидам проживать в России»¹³. В самом докладе было сказано, о том, что греки, откупщики сборов, указывают государыне на тот факт, что часть евреев уже выслана из Малороссии, но если выслать остальных, то сильно пострадает государственный бюджет, так как евреи, приезжающие на ярмарки, исправно платят казенные подати. В резолюции императрица написала: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли». Даже сама формулировка данной фразы была неполиткорректной.

По мнению ученого О.А. Платонова, неприязнь Елизаветы Петровны к иудеям носила религиозно-ритуальный характер¹⁴. Историк и писатель А.Л. Пятковский указывает, что под религиозными мотивами дискриминации евреев нетрудно было усмотреть чисто государственную и национальную цель: охранить коренное население от эксплуатации и нравственного развращения¹⁵. По моему мнению, ортодоксальные евреи не только не эксплуатировали и не развращали коренное население, а, наоборот, устанавливали между собой в регионах своего проживания высоконравственный и высокоморальный порядок, который мог служить примером для всех. Хотя возможно, что в торговой деятельности, которая, как известно, зачастую не обходится без нарушений, со стороны евреев тоже были злоупотребления. В период правления императрицы вопрос о допущении евреев в Россию больше не поднимался¹⁶.

Важно отметить, что в период правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) российское правительство стремилось получить от евреев большую экономическую выгоду, но вместе

с тем не желало создавать конкуренцию для экономических кругов российского купечества. Однако правительству приходилось использовать евреев для разрешения экономических проблем в Малороссии. Вместе с тем они стремились делать это с как можно меньшим ущербом для торгового элемента из коренного населения. Что же касается религиозного компонента политики правительства Анны Иоанновны, то следует отметить, что российские сановники не желали допустить еврейского прозелитизма, но все же основу для ограничений составляли экономические расчеты. Данные обстоятельства были связаны и с личностью императрицы. Обратимся к ее биографии. В 1710 г., в возрасте 17 лет, она была выдана своим дядей императором Петром I (1672–1725) замуж за Курляндского герцога Фридриха Вильгельма, и после его неожиданной и скоростипижной смерти в 1712 г. еще в течение 18 лет оставалась в Курляндии. За это время она порядком отвыкла от российских обычаев и нравов. Тем более что ее фаворит остзейский дворянин Э.И. Бирон (1690–1772) был человеком еще более далеким от российской ментальности. В период жизни в Курляндии (1710–1730) Анна Иоанновна лично общалась с евреями, несмотря ни на какие запреты, проникавшими в Курляндию по Балтийскому морю.

Что же касается правления Елизаветы Петровны (1742–1761), то следует отметить, что сама императрица во многом поддалась антиеврейским настроениям российских чиновников и духовенства и проводила политику депортации иудеев из России. При этом разрешалось оставаться евреям-выкрестам. Дело в том, что в изучаемый период к некрещеным евреям отношение разных слоев общества было предвзятым. Использовать их деятельность на благо государства было сложно. А крещеные евреи воспринимались уже как единоверцы, которым во многом можно было доверять. Хотелось бы обратить внимание на то, что Елизавета Петровна пришла к власти в период нарастания патриотических настроений в дворянской среде и борьбы с политическим явлением, называемым «бирановщиной», связанной с хищениями государственной собственности и жестким поправением иноземцами многих российских обычаев¹⁷. Императрица вовсе не была чужда российскому духу и православию. Она постоянно жила в России. Поэтому религиозная составляющая была для нее важна. Следует отметить, что в общем и целом политика правительства Российской империи в отношении евреев была в оба периода ограничительной, а послабления и либеральные меры допускались только в случае особой необходимости. В отношении еврейского населения сложилась формула христианизации, аккультуризации и последующей ассимиляции,

дабы сделать евреев более адекватной и легко управляемой частью общества. При этом аккультуризация евреев проводилась в отношении уже крещенных лиц. Она была следующим этапом после христианизации и использовалась в целях укрепления христианских убеждений среди евреев. Важная роль в этом вопросе отводилась церковному образованию, посредством которого необходимо было обучать новокрещенных евреев христианскому закону и всячески вводить среди них христианские обычаи. В последующем должна была произойти ассимиляция, и евреи должны были смешиваться с коренным населением и раствориться в нем.

Можно ли говорить о русификации в изучаемый период? Для правительства большую важность представляла именно религиозная составляющая, вопрос о национальностях сформировался во второй половине XIX в., когда европейские нации стали стремиться к самоопределению. Поэтому речь шла именно об ассимиляции. Данная политика правительства была вызвана его желанием наилучшим образом использовать экономический потенциал евреев. Однако следует отметить, что поскольку евреев было немного, то она проводилась в ракурсе общей политики по христианизации, аккультурации и ассимиляции всех иноверцев. Российские чиновники стремились охранять от евреев сложившиеся политические и экономические отношения, потому что, во-первых, не желали делить с евреями прибыль и сферы управления и влияния, а, во-вторых, эти отношения итак уже подверглись существенной ломке и в петровский период. В общем и целом срабатывала концепция элитаризма, подразумевающая закрытость элиты и неприемлемость чужаков. Необходимо отметить, что для верующих иудеев в данных условиях представлялось важным сохранить свою религию и самобытность. Но не забывали они и об экономической составляющей и стремились наиболее выгодно совершать торговые операции на просторах российской Евразии.

Усилению экономического и политического интереса евреев к России способствовали также внешние и внутренние обстоятельства российской истории. Важно отметить, что в период царствования Анны Иоанновны, в 1734 г. российская армия одержала победу в военном конфликте с Францией за «польское наследство» и способствовала утверждению на польском престоле короля Августа III. В 1735–1739 гг. Россия вела войну с Турцией. Войны, которые Россия вела в правление императрицы, не доставляли империи выгод, хотя и поднимали ее престиж в Европе¹⁸. В период правления Елизаветы Петровны (1742–1761) Россия, с 1747 г. участвовавшая в войне за Австрийское наследство, выигравшая войну

со Швецией 1741–1743 гг. и участвовавшая в Семилетней войне с 1757 г., становилась все более известной и значимой в глазах правителей и населения других государств. Российская экономика постепенно росла. Все это привлекало евреев.

Примечания

- ¹ Сенатский. – «О пропуске Жидов с товарами в Смоленскую Губернию» от 10 сентября 1731 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. 1-е изд. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 8. Ст. 5852.
- ² Синодский. – «О взятии у иноземцев, желающих принять закон Грекороссийского исповедания, сказок: о рождении, религии, о родителях и приезде их в Россию» от 4 марта 1734 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 9. Ст. 6549.
- ³ Именной, данный генерал-лейтенанту Князю Шаховскому. – «О подтверждении прежде данных в Слободские полки о податях жалованных грамот; о бытии судным и военным делам оных полков под ведением Князя Шаховского; о нераздавании никому без именного указа диких поль; об оставлении при Бухтумских соляных заводах указанного числа солеваров и об определении на убылая места их детей и свойственников и об оставлении таможенных сборов в ведомстве Полковой канц.; об учреждении в слободских полках почт и дач подвод; о знаменах и гербах Слободским полкам; о неотходе Малороссиянам, живущим по желанию своему в услугах и для наук, прежде урочных лет, и о позволении Жидам по ярмаркам продавать свои товары врознь на локти и фунты» от 31 июля 1734 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 9. Ст. 6610.
- ⁴ *Клиер Д.Д.* Россия собирает своих евреев. М.: Мосты культуры // Гешарим. 2000. С. 34.
- ⁵ *Дубнов С.М.* Новейшая история евреев. СПб.: Центральная Типолит. М.Я. Минкова, 1914. С. 29.
- ⁶ *Ребель А.И.* Евреи в России: самые влиятельные и богатые. М.: Эксмо, 2011. С. 25.
- ⁷ Именной. – «О высылке, как из Великоросских, так и из Малоросских городов, сёл и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого исповедания» от 2 декабря 1742 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 11. Ст. 8673.
- ⁸ Именной, состоявшийся в Верховном Тайном Совете. – «О высылке Жидов из России и о наблюдении, дабы они не вывозили с собой золотых и серебряных Российских денег» от 26 апреля 1727 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 7. Ст. 5063.

- ⁹ *Гессен Ю.И.* Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1911. С. 14.
- ¹⁰ Высочайше утвержденный доклад Сената. – «О жаловании и должности, определяемых к новокрещенным инородцам; о даче сим последним льгот от податей; о суммах на содержание школ и чиновников, обретающихся в тех местах, где оные инородцы жительство имеют» от 28 сентября 1743 г. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 11. Ст. 8792.
- ¹¹ Сенатский. – «Об учинении выговора Членам Московского Губернского Правления за неправильное освобождение Еврея Длугача от ссылки в Сибирь на поселение» от 8 марта 1829 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 4. Ст. 2716.
- ¹² Высочайше утвержденный доклад сената. – «О жалованиях и должности, определяемых священно-служителей к новокрещенным инородцам; о даче сим последним льготы от податей; о суммах на содержание школ и чиновников, обретающихся в тех местах, где оные инородцы жительство имеют» от 28 сентября 1743 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 11. Ст. 8792.
- ¹³ Высочайшая резолюция на доклад Сената. – «О воспрещении Жидам проживать в России» от 16 декабря 1743 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. канц., 1830. Т. 11. Ст. 8840.
- ¹⁴ *Платонов О.А.* Терновый венец России. История царевубийства. М.: Институт русской цивилизации, 1998. С. 177.
- ¹⁵ *Пятковский А.Л.* Евреи в России (от древних времен до конца царствования Екатерины II) // Государство в государстве (к истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе): Сб. ст. СПб.: Тип. гл. управ. уделов, 1901. С. 47.
- ¹⁶ *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁷ Следует отметить, что Петр I и сам во многом сменил русские обычаи при дворе на иноземные, но одно дело, когда такую политику проводил сам император, а другое, когда этим занимался человек, презрительно называемый при дворе «иностранным регентом», к тому же русские дворяне уже изрядно устали от попраний российской ментальности.
- ¹⁸ РИА Новости. Биография императрицы Анны Иоанновны. [Электронный ресурс] URL: http://ria.ru/history_spravki/20130527/939660769.html (дата обращения: 10.03.2016).

Abstracts

M. Ananyin

Saudi Arabia's cultural development

The article considers the influence of cultural development in Saudi Arabia on the strengthening of its position in the world. Since long Saudi Arabia has been isolated from the rest of the world because of its dominating religious factor and its traditional system. This has comprised certain difficulties for the development of the cultural sphere. Today, however, one can witness some changes in this direction.

Keywords: culture, Arab culture, Saudi Arabia, westernisation.

I. Antonova

Triumph of uncertainty, shift of emphasis, or Who is he, a postmodern student?

Most Western and some Russian scholars unanimously claim a death of the classic university as a scientific-educational, social, and cultural institution.

The triumph of uncertainty that characterizes postmodernism in general and a postmodern university in particular prevents the author from insisting on the final transformation of classic university into a postmodern one. She rather focuses on the shift of key emphasis of the university paradigm at present.

Key words: the epoch of postmodernism, uncertainty, classic (postmodern) university, teacher – student communication, sense, knowledge.

Yu. Akimov

Canada, Quebec, and the Francophone Summit issue (1970s – mid-1980s)

The paper considers the positions of Canadian Federal Government, Quebec Provincial Government and French Government towards the

ideas of organizing the French-Speaking Nations' summit in 1970s – mid-1980s. Special attention is given to discussions on the format of Quebec participation in the Summit. It analyses Pierre Eliot Trudeau Liberal Government approach and its divergence of opinion with France and Quebec. The author demonstrates the specific features of Brian Mulroney's conservative cabinet policy that managed to reach a compromise with Paris and Quebec-city. This brought to life the First Francophone Summit in 1986. The paper also clarifies the significance of this event for Canada and Quebec.

Key words: Canada, Quebec, Francophony, summits, Agency for Cultural and Technical Cooperation (ACCT), France, International Relations, Para diplomacy.

V. Egorov

Empress Anna Ivanovna's policy relating to the Jews
in the second quarter of the 18th century

The paper considers the policy of the Russian empire's government relating to the Jews within the period of Anna Ivanovna's reign (1730–1740). Russian officials sought to exploit the Jews's potential to revive the economically underdeveloped south of the country and at the same time tried to prevent increased competition between the Jew and merchantry and the related economic interests of the nobility. The author compares the policy of Anna Ivanovna' government with that of Elizaveta Petrovna' government. It is noted that during her reign (1742–1761) dignitaries became more active in their desire to convert Jews into Christianity.

Keywords: Jews, politics, anti-Semitism, discrimination, Judaism, Christianity.

N. Filin

The electoral rhetoric of the two candidates in the 2009
Iranian presidential campaign

A presidential election was held in Iran on 12 June 2009 resulting in a victory for a candidate of conservative part of Iranian elite, then acting president Mahmoud Ahmadinejad. Immediately afterwards the protests of losing candidate Mir Hossein Mousavi supporters began. The protests lasted for more than half a year causing numerous victims

and arrests. The two presidential candidates' campaign rhetoric is of considerable scientific interest since it mobilized a decisive political action of their supporters.

Key words: Iran, power, demonstrations, presidential elections, electoral rhetoric, opposition.

E. Halina

“Shale revolution” impact on the European Union’s and Russia’s energy policy in the early 21 century

The paper analyzes the phenomenon of “shale revolution” and its impact on modern EU and Russian energy policy. Key attention is paid to the problems of the development of shale gas production in Europe, differences of opinion on these issues among member countries of the EU, direct and indirect effects for Russian energy exports to Europe.

Key words: European Union, Russia, energy policy, “shale revolution”.

A. Kalmykov, V. Shlyago

Communication explosion of modern media product

The paper is devoted to the communication ‘explosion’ of modern media products. The authors consider broadcasting of the same messages different types of mass media. This increases cardinally the dynamics of the humanitarian in modern society. There appears a design similar to the disposition of forces and means accompanying an aircraft carrier on march – order. Using this analogy authors introduce and consider the new term – mediaorder – as an effective form of media activity.

Key words: explosion, implosion, media, television, humanitarian, media product, mediaorder, news.

N. Medushevskiy, O. Perfilieva

A contemporary interpretation of the universities’ third role at present

Education has become a significant tool to mold the human capital in the modern world. At the same time the very formation of the human capital through the implementation of the educational policy suggests

exercising a great many of new and often innovative technologies. Such technologies go far beyond the two-component system consisting of the educational and scientific activities and that allows researchers to identify the role of the third component or the third mission, presented mainly in the system of higher education. The authors argue that universities' third role is complex category, which requires complex analysis and consideration of many national and regional factors in its assessment. The case of Northern – Eastern Federal University named after M.K. Ammosov demonstrates it most vividly.

Key words: higher education institution, third role, lifelong learning, social function, knowledge and technology transfer.

E. Melkumyan

Humanitarian aspects in the foreign policy of the small states. Kuwait case

The paper analyzes humanitarian aspects in the foreign policy of the small states. These states are characterized by a small population and therefore limited resources for implementation of their foreign policy. So it encourages them to pay greater attention to such aspects of the humanitarian actions as assisting the socio-economic development of pure countries, rendering credits, constructing the economic and social entities. In the context of increase in the armed conflicts, which victim is the civilian population, these countries participate in the resolution of emerging humanitarian problems. Kuwait is one of the small states which demonstrates evident successes in humanitarian programs. The country has been actively participating in the humanitarian sphere since the first years of its obtaining political independence.

Key words: small states, humanitarian activity, Kuwait, humanitarian leader, humanitarian assistance.

V. Naiman

Characteristics of the integration process in the EU and ASEAN – a comparative analysis

The paper is devoted to the peculiarities of the integration processes in the European Union and ASEAN. It also analyzes the circumstances of their foundation and the features of their institutional structure, as well as the role of governmental and non-governmental integration

actors. In addition, the author briefly discusses the prospects of both organizations development.

Key words: regional integration, European Union, ASEAN, key factors of integration development.

B. Obodets

The consolidation of Russian society during the first presidential term of Vladimir Putin

The paper attempts to analyze the first three months of Vladimir Putin being acting President of the Russian Federation. The author considers ways the Chechen crisis has affected the consolidation of society and the stabilization of state after the crisis in the 90-ies.

Key words: acting President of the Russian Federation, the Chechen conflict, the second Chechen crisis, elections, division.

A. Sergeeva

“The five bridges” organization working in the PRC for the cooperation with compatriots abroad

The paper is devoted to the main state institutions and establishments in PSC, responsible for the interaction with compatriots abroad. Special attention is paid to the mechanism of interaction with the huaqiao as agents of national interests.

Keywords: China and abroad Chinese, diaspora, huaqiao, development of the state policy.

D. Vakarchuk

The evolution of the nuclear energy policy of CEE countries in the context of starting up the unified EU energy policy (2000–2011)

This article analyses the development of nuclear energy policy of CEE countries in the context of starting the unified EU energy policy. Enlargement of EU to the east of Europe affected the energy security of CEE countries. CEE new member states of EU were forced to adjust their national energy policies in accordance with the environmental

standards of common EU energy policy. Due to the growing EU dependence on imported fossil fuels EU's governing bodies made a decision to diversify domestic energy consumption, including the development of renewables. Significant differences between the CEE new member states of the EU and the old members of the EU in the field of energy, especially in the field of nuclear energy, resulted in the problem of their energy security depriving a number of CEE countries of the possibility of diversification of their internal energy mix by means of nuclear power. Hence nuclear power became one of the reasons for the split of the EU's energy space into the western and eastern parts, what negatively affected the development of common energy policy of the European Union.

Key words: European Union, CEE countries, energy security of the EU, energy policy of the EU, nuclear energy.

A. Zverev, A. Rogozar

The dynamics of socio-cultural dimension of the EU's image in political representation of the Russian expert community

The paper is devoted to the analysis of dynamics of changes in socio-cultural image of European Union in the minds of Russian expert community. It examines the key socio-cultural and political aspects of the perception of the EU's image by the representatives of the expert community, including leading humanitarian scientists of Moscow universities such as the Russian State University for the Humanities and the Lomonosov Moscow State University. The authors focus on cultural, historical and civilizational dimensions of the EU's image in the political perception of the Russian experts. They also give a comparative analysis of the EU's image in the pre-crisis period of relations between Russia and the EU and in the framework of current political reality.

Key words: image of the EU, the expert community, EU-Russia relations, political representations, socio-cultural dimension of the image.

Сведения об авторах

Акимов Юрий Германович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, y.akimov@spbu.ru

Ананьин Михаил Иванович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, orientfipp@mail.ru

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, heidel@rambler.ru

Вакарчук Денис Олегович – аспирант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, denisvakarchuk92@gmail.com

Егоров Вадим Валерьевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; преподаватель специальных дисциплин ГБПОУ «Нижегородский губернский колледж», boarin123@yandex.ru

Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, zveandr@mail.ru

Калмыков Александр Альбертович – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, профессор кафедры печатных СМИ Академии медиainдустрии, alex.kalmykov@gmail.com.

Медушевский Николай Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, lucky5659@yandex.ru

Мелкумян Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, g.kosach@mail.ru

Найман Владислав Дмитриевич – аспирант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ; консультант, PricewaterhouseCoopers, vladislav593@gmail.com

Ободец Богдан Александрович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, obodec.bogdan@mail.ru

Перфильева Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», эксперт-консультант Национального фонда подготовки кадров, perfilieva@hse.ru

Рогозарь Анна Ивановна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ, anna_rogoszar@mail.ru

Сергеева Александра Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ, unanimity-sa@hotmail.com

Филин Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, FilinNikita@yahoo.com

Халина Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, 29-katya@mail.ru

Шляго Вилена Олеговна – редактор дирекции информационных программ телеканала «Россия 1», vilena88@list.ru

General data about the authors

Akimov Yury G. – Dr. in History, professor, professor of the Department of American Studies, St. Petersburg State University, y.akimov@spbu.ru

Ananyin Mikhail I. – Ph. D. in History, associate professor, professor of the Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, orientfpp@mail.ru

Antonova Irina B. – Ph. D. in Education, associate professor, professor of the Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Egorov Vadim V. – postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; special subjects lecturer, Provincial College of Nizhny Novgorod, boarin123@yandex.ru

Filin Nikita A. – Ph. D. in History, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, FilinNikita@yahoo.com

Halina Ekaterina S. – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, Russian State University for The Humanities, 29-katya@mail.ru

Kalmykov Aleksandr A. – Dr. in Philology, Ph. D. in Education, associate professor, professor, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; professor, Department of Mass media, Academy of the Media Studies, alex.kalmykov@gmail.com

Medushevsky Nikolai A. – Ph. D. in Politics, associate professor, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lucky5659@yandex.ru

Melkumyan Elena S. – Dr. in Politics, professor of the Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, g.kosach@mail.ru

Naiman Vladislav D. – postgraduate student, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; consultant, PricewaterhouseCoopers, vladislav593@gmail.com

Obodec Bogdan A. – postgraduate student, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, obodec.bogdan@mail.ru

Perfliieva Olga V. – Ph. D. in Sociology, research fellow, National Research University Higher School of Economics, expert consultant, National Training Foundation, perfliieva@hse.ru

Rogozar Anna I. – postgraduate student, Department of Sociology and Political Psychology, Faculty of Political Science, Moscow State University, anna_rogazar@mail.ru

Sergeeva Alexandra A. – Ph. D. in Politics, senior research fellow, Institute for Asian and African Studies, Moscow State University, unanimity-sa@hotmail.com

Shlyago Vilena O. – contributing editor, Department of information programs, TV channel «Russia 1», vilena88@list.ru

Vakarchuk Denis O. – postgraduate student, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, denisvakarchuk92@gmail.com

Zverev Andrey L. – Ph. D. in Politics, associate professor, Department of Social Communications and Technologies, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zveandr@mail.ru

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Т.В. Рютина*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 12.08.2016.

Формат 60×90^{1/16}

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 77

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

выходит 4 раза в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71127

Не забудьте своевременно подписаться

на наш журнал!
